

Александр Валентинович Васильев

Дигитальное перо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64105177

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир молодёжи – это мир, к которому каждый из нас принадлежал или принадлежит. Этот мир всегда на грани будущего. Когда мы молоды, день завтрашний, как очередное фантастическое приключение, правда, с такими же правилами, как и у взрослых: есть дружба, любовь, занимательное дело. И как мы этим распорядимся, зависит лишь от нас...

Содержание

Глава 1 (пятница) Шахты	5
Глава 2 (пятница) Парнас	27
Глава 3 (пятница) Парнас. Лаборатория.	38
Глава 4 (пятница) Парнас. WRE	48
Глава 5 (пятница) Парнас. Кафе.	57
Глава 6 (пятница) Оладья.	66
Глава 7 (пятница) Парнас. Лаборатория	76
Глава 8 (пятница) Парнас. Лаборатория. Ночь	87
Глава 9 (суббота) Парнас. Кафе.	96
Глава 10 (суббота) Парнас. Лекционный зал.	112
Глава 11 (суббота) Парнас. Лаборатория.	123
Глава 12 (суббота) Парнас. Лаборатория. Грин.	134
Глава 13 (суббота) Путь к «С.Б.»	146
Глава 14 (суббота) Оладья. Стихийное бедствие.	164
Рассказ.	
Глава 15 (суббота) Оладья. Стихийное бедствие.	178
Встреча.	
Глава 16 (суббота) Цусима.	192
Глава 17 (суббота) Парнас. Побег.	219
Глава 18 (воскресенье) Больница.	236
Глава 17 (воскресенье) Город. Библиотека.	248
Глава 18 (воскресенье) Парнас	260
Глава 19 () Космопорт.	272

Александр Васильев

Дигитальное перо

эпиграф

Всем, кто был студентом, посвящается...

**Я с повседневностью борюсь
И думаю порой,
Когда-нибудь я не вернусь,
Забыв свой путь домой...**

Глава 1 (пятница) Шахты

Вот какое оно моё утро? Многие, знающие уровень моей зарплаты, сказали бы, что вполне нормальное или может даже приличное. Многие, наверно, сказали бы, что грех тебе жаловаться и ещё добавили бы, не зажрался ли ты, сынок. Мы тут вообще-то вкальваем и без такого утра. А иногда и без утра вообще. Только глядь – трёх суток, как не бывало.

Наверно, и это не совсем гипотетически, найдутся те, кто скажет, не суетитесь, молодой человек. Сейчас, конечно, жизнь ваша, если это можно назвать жизнью, мягко говоря не очень, но ведь вам не так много лет, не разбрасывайтесь временем и связями, и, глядишь лет через десять, утро будет таким, каким вы его хотите сами. Надо быть настойчивей с целью. Кстати, где отчет об исправлении файлов?

Казалось бы, послушай первых и утро заиграет лучами нового дня. Каждая минута наполнится важностью, если не сказать смыслом, и пройденный путь, представится правильной тонкой тропой среди бурелома. С таким настроением обычно хочется, залихватски расстегнув первые две пуговицы служебного кителя, облокотится на открытое окно припыленного кроссдезера и, задрав голову вверх, посмотреть

на солнце через мягко-тонируемые рефлектирующие очки.

Во втором случае сознание заполняется морозной собранностью. Холодное лезвие мысли готово к необычайно точным действиям. Кажется, любой хитро-сплетенный логический узел удастся лишь маленьким надрезом одной из ниток превратить в дряблую ветошь, раскачивающуюся на ветру. Коэффициент полезного действия в такие моменты максимален, все пуговицы на служебном кителе застегнуты и надраены, кроссдесер блестит ледяным металлом, к очкам обязательно должна быть добавлена фуражка.

Это все мне пришло в голову пока аппарат общепита на топливной заправке готовил мне кофе. Может день будет насыщенный? А ведь первый стаканчик с горячим бодрящим напитком толком ещё не появился снаружи, так, шуршит там что-то в пластиковых недрах, раздавая лишь манящий запах.

А вокруг хлопьями падает мокрый снег. Как же я это люблю! Такую погоду. Многие, а вместе с ними ещё очень многие, говорят, что нет отвратительней погоды, чем мокрый снег. Но это не про меня. Я наоборот обожаю, когда трассу неспешно валит крупным тающим белым конфетти. И за окном холодновато, а в машине тепло. И ехать можно вразвалку, не торопясь, без спешки. Дезеру ведь все равно, он может

переехать и болото, увязнув хоть по самую крышу.

Автомат, наконец, отдал мне кофе. Содрав, как водится, больше чем стоило бы. Так какое утро мне нужно? Жаль, что этот вопрос волнует лишь меня. Какое, какое? В двух словах и не скажешь. Ладно, сядем за руль, в дороге и ответим. Ну-ка, как бы не облиться.

Утро. Иметь его в распоряжении не каждый мечтает, причем, не надо прельщаться мечтами многих. Мечты многих да и многие мечты, как античный фасад посреди гранитной пустыни – вроде и красиво, но вот оно тебе надо? А что же надо мне? Разбираюсь, разбираюсь, а конца не видно.

Кроссдез вальяжно катил по каменной дороге, растапливая собственным термооблаком дюз, которые находились под лобовым стеклом на капоте, ватные хлопья, кофе грел руку, впереди занимался день. Ломанный гребень скал на горизонте светлел. Ехать было ещё часа полтора. На машине, созданной для гранитного бездорожья, это было почти как отдых. Ведь путь из себя представлял лишь ровное каменное плато. На повестке дня небольшой ремонт в рудниках и дорога назад, в город. А там остаток рабочего времени на сетевой диагностике и свободный вечер. Все уйдут, и можно будет с наслаждением делать то, что на самом деле важно. Для меня, конечно. А может и для общества? Может, то, что

я творю с наслаждением для себя, важным окажется и для других? Ведь они, эти другие, делают то, что важно им, важным и для меня. Ведь может случиться и наоборот? Неизвестно.

Вот Грин говорит, что теоретическое идеальное общество не будет иметь определенного вектора развития. Общество будет просто исследовать непознанное, складывая при этом накопленные знания в произвольной комбинации. Именно это и будет определять вектор. Если историю такого общества обнулять каждые двести лет, то каждый раз будет рождаться новая история. И это с учетом того, что люди с начала времени будут те же и в том же количестве. Чёрт его знает, откуда он берёт такие выводы? И что он для этих выводов делает? Ведь это ж чистые домыслы, но он-то приходит с цифрами из статистических данных.

Бертыч это тоже подтверждает, только с другой стороны. “Война войне рознь” – вот его слова. У него ведь всегда одна война. И всё время какие-то сражения. И всё время следственно-причинная связь этих войн. И причина всегда материальная. То есть духовной причины для войны при всём его богатом, хотя может и не очень, опыте военных исследований, он не нашёл. Все время есть яблоко раздора, и это яблоко можно откусить и съесть. И что самое интересное – без этого яблока аппетит не появляется, шпаги ржавеют в нож-

нах, а из танков начинают делать аккумуляторные ветряки.

Это видимо от Градского. Тому, хлебом не корми, дай только все обустроить. Ветряки, солнечные батареи, термальные гейзеры – всё как обычно. Сплошной Вечный энергопоток. Вот сам бы я хотел бы жить в такой умасленной реальности? Энергии на все хватает, полная деградация вещей – ценностей вследствие их изобилия. Ходи хоть всегда в одних трусах – тепло, сытно и никакого дела до твоей материальной сущности, у всех все тоже самое: захотел – взял, понадобилось – включил, съел – не влезло.

Эх, друзья мои, друзья! А чудо ведь, что мы встретили друг друга. Ведь могли же в принципе и мимо пройти, не заметив. И жили бы, и рассуждали бы на те же темы. Только друг без друга. Но теперь есть пятница, а с ней клубные посиделки, клюквенные коктейли и застольные споры почти до утра. Это важно для меня, и я вижу, что это важно для вас. Значит то, что я творю важно? Определенно здесь что-то есть.

Карманник молчал, а значит спешки не было. Каменные плиты справа на этом участке дороги задирали полого край пустыни вверх. Можно было ехать и прямо, но время позволяло сделать маленькое отклонение от курса. И я который раз этим воспользовался. Кроссдез пошёл под уклоном

вверх к задернутому плитняковому полотну. Я остановил машину и вылез, чтоб до самой кромки дойти пешком. Там с высоты излома был виден далекий горизонт. Плоский гранит исчезал здесь, казалось, целиком в небе, и если, стоя неподвижно, приходилось долго смотреть на бесконечную тонкую линию, создавалось ощущение будто каменный монолит наоборот вытекал морем из небес.

Там вдали ещё где-то за тысячи километров закончится твердый и безжизненный материк и начнется море. Море будет всего лишь мостом до другого огромного участка суши, совершенно не похожего на этот. Лес будет главной его основой. Манящий, загадочный и таинственный. С тысячами цветовых оттенков, миллионами запахов и бесконечным количеством видов непознанной плодящейся там жизни. Из-за этого ещё более привлекательный. Но с тем опасный, а с тем и смертельный. Где-то там рухнул в аварийном режиме кроссфлаер деда. Что так неугомонно влекло его к лесу? Что он там не познал? Ведь был уже на пенсии, ему бы меня нянчить, а он опять своё. Ему этот флаер, как спорткар-гонщику ясельный велосипед. Вот и получается, деда, был ты для меня, сам того не зная, самой популярной и наиинтереснейшей личностью, а наиграться с тобой успел только папа.

Я сел обратно за руль, ещё десять секунд, не видя, смотрел на приборы, и только после этого нашёл в себе силы продол-

жить путь. С куртки бежали вниз капли растаявшего снега. Через час встреча с Крабом и Веславом. Через час ум будет занят интересной рутинной – что же сломалось без меня? Будет юмор, как без юмора с Крабом, будет куча советов и теорий, как без этого с Веславом. Будет всё отлично и работа, и настроение, и уж тем более совместное чаепитие, без которого они ещё ни одного гостя из рудников не отпустили. А сейчас тоска и непомерное желание больше не заезжать на обрыв, и твердая уверенность, что всё равно ведь заеду.

Я уже много раз проезжал эту дорогу. И на практике, пока был студентом, и по работе, и даже один раз для посещения увеселительной вечеринки. Хотя, что может быть весёлого в шахте? Кроме нас, ничего. Там, у меня за спиной, мегаполис, наполненный культурными событиями, которые каждый раз соревнуются в яркости, рождающий новые научные достижения, в основе которых идеи каких не было, застроенный всеми видами архитектурных причуд, которые всё больше продвигаются от центра к городской границе, а сама граница медленно распозаётся по новым территориям. И городу этому всегда всего мало. Кажется, что, если остановится всё это многообразие, то он сразу начнёт умирать. А здесь в шахте, технологии по добыче не меняются десятилетиями. Меняется техника, люди, количество выработанных тонн, но суть остаётся та же. Потому что так вышло, что в этом месте континента есть залежи, которые нам необходимы. Мы просто

их берём, считая, что их много. А так как они безжизненны, то стало быть природе не особо и важны. Сам по себе факт того, что мы забираем, нам не интересен. Нам интересно, как мы этим распорядимся потом. Ради этого «потом» и появился город. И из-за этого жизнь в мегаполисе бурлит, а в шахте и жизни-то почти нет.

Я давно заметил, когда проводишь здесь большое количество времени, потом ещё сколько-то адаптируешься в городе. Не очень долго. Но всё же это происходит быстрее, чем отвыкание от него. Значит, сила города больше, чем этого сила этого места. Может поэтому так мало желающих работать здесь на оперативной вахте. На огромное количество промышленных роботов таких людей немного. Конечно, есть удалённый контроль и сервисная служба, но постоянно присутствовать здесь никто особенно не желает.

По какой-то причине мне приятна эта смена чувств и душевных движений во мне. Поэтому я никогда не отказываюсь сюда добраться и поработать. И когда ты катишь на кроссдесе, то с каждым километром чувствуешь, как жизнь города уходит из тебя. Как гранитный ландшафт заменяет твои новоидейные мысли о работе и досуге, тягучими безмерными ощущениями неясного природного характера. В кроссфлаере этого нет, он перемещается слишком быстро, поэтому я им по возможности не пользуюсь.

Пошарпанные гранитными ветрами двери ангара автоматически открылись, впуская пришельца цивилизации, дитя урбанической культуры и сетевого небожителя духа. Так, по словам Краба, обо мне напишут в эпитафии, при условии, конечно, если концы мне придётся отдать здесь в силиконовый рудниках и, непременно, в рабочей обстановке. Это безымянное, но уникальное для каждого человека, изречение будет выгравировано на вороненой титановой пластине и восьмью микросаморезами укреплено на корпусе, какого-нибудь старого робота, которому уже не светит из-за морального устарения новое место работы на межзвездном круизере, ибо местный богатейший склад поношенных запчастей будет его последним пристанищем. На мое выражающее сомнение лицо в ответ был поднят палец и фраза “после 28 лет работы с железом, поверь мне, я знаю о чем говорю” прекратила всякое недоумение. Да, Краб – человек, одной клешней вцепившийся в механику, а второй в платье ее Величества Иронии. Не могу предположить, как он сделал свой жизненный выбор, но работать без иронии и иронизировать без работы он не может. Проверено многократно. Впрочем, что-то он сегодня не встречает, придется дожидаться его в конторке. Иначе в этих недрах безразмерных промышленных площадей их с Веславом не найти.

В большом светлом просторном помещёнии сложно было

с первого раза догадаться, что занималось оно всего двумя людьми. Вразнобой поставленные столы представляли собой некий лабиринт. Некоторые из них были завалены до предела, некоторые были чисты и оснащены лишь небольшим набором предметов видимо какой-то избранной тематики. Было светло, как днем, и тепло так, что захотелось сразу снять куртку. Может кофе? Да, почему бы и нет. Кофейный аппарат я знаю где. По-моему, рецепт «Черный град» здесь был хорош. Пока автоматические камеры нашарят их в этом техническом подземелье, пока они бросят, видимо какое-то дело, пока дойдут – у меня есть минут пять, а этого вполне хватит, чтоб завалившись в кресле насладится стаканчиком и пошевелить над чем-нибудь мозгами. Получив стаканчик с парком от горячего, я глазами нашёл место, где хотел бы усесться.

“Малой, двигай на двадцатьпятку!” – неожиданно громко сказал вдруг ближайший динамик. Что ж, отдых отменяется. Да, ладно, не впервой. Я бросил, не отпив, кофе в мусорку и, внутренне собравшись, пошёл к указанному цеху. Но настроение мое изменилось, такого чтоб приглашали на место без завсегдашнего приветствия – ещё не разу не было.

“Малым” меня звали из-за роста и, в основном, это был, собственно, Краб. Сам он был высокий, с сильными плечами и руками худоватым дядечкой. Наверно, его форму мож-

но было назвать спортивной, но спортом он него не веяло. Было видно, что сила и худоба достались ему от любимой профессии. Когда, держа навесу четырнадцатикилограммовый манипулятор и придерживая другой рукой наклонившегося разобранного наполовину промробота, он оценивал сложность предстоящего ремонта, казалось, умная машина, делавшая безупречно и точно работу, готова провалиться сквозь землю от стыда перед непринужденным величием этого азартного человека.

Я нашёл нужное место довольно быстро. Это был огромный глухой ангар, в который мне пришлось спускаться вниз по винтовой лестнице. Красный комбинезон Краба маячил у необъятной махины на вид предназначавшейся для полевых работ. С одного бока часть внешних пластин была снята, на черные внутренности направлен яркий свет. Когда я преодолел расстояние до неё, то был немного удивлён. Подойдя ближе, оказалось, что Краб был на высоте примерно в два человеческих роста, а сама машина выглядела повергнутым исполином. Он копошился в ней, что-то бормоча. Чтобы привлечь его внимание, я изо всех сил свистнул. Через минуту Краб с белозубой улыбкой, боевым прищуром и копной соломенных волос, появившейся после того, как он стянул пёструю косынку хиппи, стоял передо мной.

– Малой, здорова! – он, как обычно, крепко пожал мне ру-

ку, – ну, как? Есть над чем подумать? Нет – так мы предложим! Не хмурь брови – не на турнике. Так вот. Этот монстр хотел от нас бежать! Представляешь? Бросить нас хотел на произвол судьбы. Да, не тяни брови вверх раньше конца сказки. Про судьбу это я шучу. Но этот ПМРГ действительно стоял вон у той ангарной двери и пытался ее открыть. Завелся, включил фары, подсветку, ремонтную мигалку – полная иллюминация! Как на дискотеку собрался! Доехал до блока охраны и стал запрашивать разрешение на выезд. На этом и попался. Так как разрешения не получил. У нас нет разряда на внешку в ближайший месяц. Да, я даже и не знаю, что там делать и в следующем. Мы внешкой хорошо если раз в полгода занимаемся. Там колодец какой пробурить. А когда и кого-то в колодце засыпать! Да, шучу! Так вот. В его расписании нет никаких заданий, нет даже записи на профилактику. Ржавеет он тут у нас без дела. Да, даже не ржавеет, он ржаветь не может. Медитирует. И вдруг такая самостоятельность. Я проверил механику, хотя дело явно в управлении. Но мало ли одно следствие другого. Веслав уже уже два часа сидит с квадратными глазами за лэпом. Собственно, он тебя и позвал. Чай будешь? У меня тут термос.

Краб налил мне в подобие кружки горячего ароматного напитка. Ох, люблю я этот вкус, секрет которого, наверно, до конца жизни никому они не расскажут. Мы двинулись в направлении небольшой комнатки. Хлебать на ходу было про-

блематично. Я то и дело обжигал пальцы.

Что надо программисту кроме стола и стула? Кто-то скажет – лэп. Нет, лэп при нем от рождения. Старая студенческая шутка с бородой до колен. Но в данном случае, это первое, что приходило на ум. В небольшом помещёнии была аскетическая обстановка, оно явно не предназначалось для частого использования. Свет был слабее обычного. Веслав, облокотившись на руку, неспешно просматривал охранные логи. Были на визоре и другие слайды: коды, визуалка, чертежи. Он не отреагировал на наше появление сразу. Лишь спустя пару минут он медленно повернулся к нам в крутящемся кресле, не меняя позы, и стянув за одну дужку очки, протяжно сказал: «Мда!»

– Веслав, – Краб растряс его за плечо, – Малой уже здесь. Давай, не томи. Мне не терпится узнать подробности.

Веслав, как всегда был опрятен. Он сидел в неновой, слегка помятой, но чистой рабочей куртке, у которой были застёгнуты всё её многочисленные карманы. Вообще, весь его внешний вид говорил о какой-то внутренней собранности. Никогда при нём не было ничего лишнего. Как он определял, что и когда ему нужно при таком невообразимом количестве необычных заданий, меня всегда удивляло. При всей постоянной неубранности помещёний он умудрялся почти

не пачкаться. В сравнении с Крабом можно было порой подумать, что тоже здесь в командировке. Но это было, конечно, не так, это место он любил и просто относился к нему со всем уважением данным при воспитании. Но вообще-то и в других местах его другим не видели.

– погоди ты, – Веслав отклонился в сторону и протянул мне руку, – Привет, Бит! Тут видишь какое дело. Тебе Краб, наверно, наговорил всяких небылиц. Машина сбежала и так далее. Ты ж сам понимаешь – это бред сивого мерина. Видишь скалится, это я про него. Главный компьютер этой машины получил задачу исследования внешнего периметра со стандартными тестами окружающей среды. Вот я тебя здесь спрошу, Бит, нам, как думаешь, это надо?

– Да, кто вас знает? Может вы тут на спор гонки устроили на полевых машинах, – попытался я пошутить, но никто не отреагировал.

– Он ещё шутит, – осклабился Веслав, – смешно. Но я думаю ты сам понимаешь, нам во внешке исследования ещё на сто лет рогом не уперлись. Нам тут под землей кремневые штольни копать, не перекопать. Космос без кремния, как дева без гребня – так, кажется, в фольклоре? Плановый заказ Лиги и так далее, и даже всё такое. Да, что я тебе, как ребёнку? Лыбится сидит. Не, ты глянь, на него. Короче, па-

ря, знаешь, кто машинку-то погулять отправил? Твои, универовские!

– Да, ладно, – бровь Краба задралась вверх, – неужто на Парнасе есть кто по умней тебя, Битик?

Я не знал, что сказать. Первую секунду я думал, что приехал сюда в это кремневое логово зря. Местная система дала неправильную задачу. Два добрых молодца не смогли с наскока разобраться. Хотя это и вызывало некое подозрение. Веслав, хоть и не совсем прогер по специальности, из природного любопытства знал многое, чего не знали порой и уже начавшие практику кодеры. А знать бы должны были из любопытства профессионального. И Веслав не лажает. Он очень долго будет копать в трех байтах, но результат будет всегда точным. Да, и он – не Краб. С проф-юмором у него полный ноль. Во как смотрит, как сыч голодная на мышь. Второе, что пришло в голову – нелепость происходящего. Адреса процессоров здесь могут быть только местные. Ни один адрес Парнаса не может выйти за его пределы. А чтоб адрес ещё и задачу отдал? Тут явно пахло мистикой, или запредельными возможностями в университете. И сходу не прослеживалась цель. Что они, хакеры-недоучки, за двести километров машину угнать хотели? Да, если надо, в городе можно угнать. А здесь-то что? Или они думали машина уедет бесхозно в гранитную глушь и они её там подбе-

рут для неведомых опытов? Так это её ещё найти там надо уметь. А добираться до неё как? На другой угнанной машине? Эта теория с неизвестным человеческим фактором имела путаный след. Правда, ещё третья мысль прошла тенью по логическим закоулкам. Но я ее отогнал, как совсем фантазмагорическую и невозможную вовсе.

Ясно было одно, надо было всё проверять. И с Веславом мы засели на полтора часа, пока я сам точно не убедился, что адрес мой. Теперь это точно было моё дело. Надо было начинать общую двустороннюю проверку. Но мне, не смотря на цифры, все равно не верилось, что это так, как выглядело. Я не мог себе представить логическую цепочку, протянувшуюся от Парнаса до кремневых рудников. Я запустил два проверочных протокола, один из которых был мой собственный. В паре они ещё ни разу не подводили.

До завтрашнего дня здесь делать было нечего, да и завтра сюда можно было не ехать, так как я дал доступ внешнему каналу связи. Но время оставалось. И можно было всё-таки взять стаканчик «Черного града», но мысли мои отвлёк карманник. Я вытащил его из кителя, посмотрел на экран и сразу понял, что последние два часа здесь провел точно зря. Выходило, что вернуться назад было более срочно, чем добраться сюда.

Я гнал назад как можно быстрее, наврав Веславу, что делаю так всегда. Автопилот выбрал бы более оптимальный путь, сэкономив топливо и излишне не перегрузив ходовую механику машину. Но в данном случае, мне это не подошло. Расправив невидимые крылья, нужно было мчаться к Парнасу. Веслав сидел тихо, изредка спрашивая что-нибудь неважное, и выглядел спокойным. После наших протокольных изысканий, или, лучше сказать, копания в выгребной яме, он попросился со мной в мегаполис. Он сидел на сидении справа от меня, временами поправляя очки на переносице. Это было понятно – дорога была не совсем ровной.

А в остальном мне было много чего непонятно. До конца этой дороги у меня есть время обдумать всё произошедшее. Интуиция говорила, что выводы делать пока рано. А значит, надо спокойно ещё раз всё проглядеть, что имелось к данному моменту. А имелось вот что.

Вчера ночью некто из самого большого и единственного университета инфотехнологий или из самого большого, потому что единственного научно-вычислительного центра, обойдя все составленные мной протоколы безопасности, соединился с горнопромышленным комплексом подземного типа, читай кремниевым рудником. Кроме моих церберных программ он ещё поставил на свои рельсы все нужные ему местные средства связи. Далее из всех объектов этого бес-

крайнего предприятия он выбрал ни старую, ни новую, но тем не менее полностью оснащенную полевую машину для работ с гранитом (ПМРГ), поставив ей задачу выехать с территории. Конечная точка маршрута задана не была. То есть задача была пройти контрольно-охранный пункт на выезде из ангара. Кстати, там ещё метров двести подъемной дороги до поверхности. Как некто намеревался держать связь с машиной на поверхности непонятно. В принципе, гранитное плато над рудником истыкано небольшим количеством дельта-вышек для обеспечения связи между штольнями по равнине. Сеть этих вышек преследует цели только самого предприятия и для внешних гостей не предназначена. Хотя так или иначе связана с внешним каналом на мегаполис.

Что удалось узнать о цели этого неудачного предприятия? Угон машины – конечно, бред. Удаленно угонять спец-технику на гранитном плато. Любая летяга найдет его в момент. Трюк ради взлома. Вот это теплее. Некто хочет попробовать свои силы. И выбирает объект за двести километров. Неплохая цель для теста на хакерство. И тех, кто способен на такое можно так или иначе вычислить, добраться бы до Парнаса. И третий вариант – самый тревожный, а если подумать, то и страшный, это сделано лишь для того, чтобы я сюда поехал. Мой карманник мне об этом говорит почти что человеческим голосом. Но чтобы это проверить надо быть там, в центре университетской сети. На месте администратора всей

парнасовской связи. На моем рабочем месте. И я ещё раз пожалел, что кроссдезер не едет быстрее.

Видимо, я был долгое время погружён в себя и не заметил, что Веслав уже довольно давно и пристально смотрит на меня. Он, наверно, тоже о чём-то думал, так как губы его уже до предела сморщились, как будто он только что до конца распробовал лимон.

– Слушай, Битвайзер, – спросил он, когда я обернулся на него, – а что хакерство ещё себя не изжило? Ты ведь там в университете видишь тех, кто учится, сам, наверно, преподаешь. Ты ведь чувствуешь, что у студентов на уме. Я думал, хакеры уже минувшее прошлое. У них же идея-то была – неограниченный айтишный контроль. Но суть в том, что дальше этого никто не шагнул. В том смысле, что если предположить, что контроль есть, то сразу встаёт второй вопрос, а что с ним делать? Тем более он не постоянный. Технологии меняются, ты вон сам свою систему меняешь постоянно. Вот получил ты доступ ко всему, ну, положил себе в карман сколько хотел или взял, что искал, то есть удовлетворил свою личную потребность. А дальше? Так как ответа никто не нашёл, то и пробовать перестали. Свои мечты исполнить можно и без этого. Как думаешь?

– Любопытство. Человеческое любопытство неисчерпае-

мо. Сам разум неисчерпаем. И поэтому, чтобы мы там не сетовали, всё равно найдётся тот, кому нужно будет больше остальных. Потому что он любопытней. Нет?

– Любопытство тоже ведь дойдет до какой-то границы. Будет ли это страх, предел терпения или предел физических возможностей. Боль, наконец. Что-то же может ограничить любопытство? И что тогда? Так ли неисчерпаем разум?

– Но если человек развивается, то есть не останавливает развития, то боль можно научиться преодолевать, пределы физические расширить, терпение и страх могут быть подчинены воле. Так что получается принципиально? Есть ли настоящие тормоза для человека?

– Смерть хороший тормоз. Безупречный. И неотъемлемый.

– Веслав, что-то грустно звучит? Тебе лет-то сколько? Не рано ли задумался?

– Если об этом не думать, то можно прожить значительную часть жизни в иллюзии, что жизнь бесконечна. А можно помнить об этом каждый день. В каком случае человек рациональней распределится временем?

– Если помнить каждый день, то депрессия сломает тебя быстрее, чем ты сделаешь что-либо, как ты говоришь, порациональней. А не чувствуя смерти, можно творить с чистой и легкой душой.

– Не чувствуя смерти, можно пробездельничать хоть всю жизнь.

– Видимо, мы смотрим на одно и тоже с разных сторон. Ты вот лучше скажи, почему до сих пор очки носишь?

– В семье по мужской линии всегда все носили. Даже когда коррекция появилась. Так и носили ноль на дужках. Дед в память о прадеде, отец в память о деде и так далее. Традиция своего рода.

– То, что твоего рода, я понял!

Веслав улыбнулся, шутка ему понравилась. Он был мне симпатичен, такой немного нескладный, но всегда серьёзный. Вроде не сильный, но никогда ещё я не слышал, чтобы он что-то не доделал вовремя или кого-то бросил без помощи. Он был силён духом. Чувствовалась в нём какая-то переданная поколениями интеллигентность, несмотря что в айти он не слишком преуспел, а считал это своей профессией. Даже глядя на свои недостатки, гордость в нём была

и непреклонность в собственных убеждениях перед лицом времени.

В полисе он попросил остановить недалеко от Парнаса перед каким-то кафетерием. Он несильно пожал мне руку, закинул через плечо сумку с лэпом и пошёл немного тяжело-ватой походкой в направлении двери, собирая на плечи мокрые снежинки.

Я немного посмотрел ему вслед, потом закрыл глаза и, помассировав лоб, на миг провалился в полное отсутствие мыслей. Потом медленно открыл веки и, нажав педаль движения, погнал дезер на верхнюю парнасовскую стоянку для университетских машин.

Глава 2 (пятница) Парнас

В университете было как всегда хорошо. Прохладный свежий воздух, постоянный шум различных разговоров, яркие и пёстрые вереницы студентов всевозможных факультетов и отделений. И ни один не похож на другого. Всё время они торопятся то на лекцию, то на плановые тесты, то на практические опыты. Всё время сумка через плечо или рюкзак, с увесистым лэпом или стопкой мимолётной распечатки, или с архаичными книгами из самых дальних архивных помещёний самых нижних этажей.

Движение в этом постоянно светлом стоэтажном непомерно разросшемся здании из гранита и стекла было непрерывным. Даже ночью то и дело по этажам сновали люди. Кто с озабоченным видом в одиночку, кто в компании с шутками и хохотом, готовым обрушить потолок из-за хорошего эха в пустынном коридоре. Коридоры универа! Это была территория свободы. Это в кабинетах, аудиториях, лабораториях и ещё с сотню других различных видов помещёний необходимо было вести себя в соответствии с обстановкой, работой или имеющимся там коллективом. Но коридор был общей территорией для всех и, по негласному закону, вести себя там можно было, как угодно. Каждый знал, что любая дверь,

а уж тем более стена – звуконепроницаемые, и, следовательно, помешать, находящимся за ней, было невозможно. Тем более после того, как все зашли, двери ещё и запирались. Так что, по-большому счёту, об неё можно было хоть убиться – те, кто внутри, всё равно бы ничего не почувствовали.

Но здесь в коридорах между лекциями от одной аудитории к другой можно было идти с гитарой, горланя неприличные песенки, подмигивать любому встречному и, если надо, повиснуть на плечи к первым попавшимся из рядом стоящей компании и вступить в спор.

Иногда, уже ночью, на полу изредка можно было увидеть спящего с сумкой под головой. Если это был кто-то университетский: студент, практикант или умаявшийся лектор, то охрана никогда не выпроваживала его и даже не будила. Все общие входные двери никогда не запирались и после официального закрытия охранники следили лишь за тем, чтобы остались только свои.

Я всё это любил. И каждый раз проходя по коридорам меня обдавало ветром этой студенческой жизни. Конечно, это был университет, с его исследованиями, защитами дипломов, представлениями последних достижений, но ветер для меня создавало лишь студенчество. И хоть сам я студентом уже не являлся и выбранное образование освоил, покинуть

это здание мне не хватало духу. Не мог я, может быть пока, найти ему замены. И не мог покинуть этой атмосферы, где интеллектуальные побоища в лекционных залах велись параллельно с безалаберностью и безответственным прожиганием времени коридорных корифеев. Неясно откуда и кто приволок этот термин, но тех, кто кроме коридорной жизни не вёл никакой научно-познавательной, называли именно так. Звучало, как масло масленое, зато хорошо передавалась суть.

Корифеев на моём теперешнем пути к лифту видно не было. В студенческих кителях уляпанными различными нашивками в конце этажа частично стояла, а частично и сидела, компания человек в десять. Они громко спорили о каком-то программном алгоритме. Кто с волосами длиннее плеч, кто с кудрявой шевелюрой, кто просто взлохмочен, кто брит, кто не брит, у кого рукава закатаны по локоть, у кого рукава, вообще, оторваны – но все скрючены над сидящем на полу второкурсником, который в противовес возрасту отпустил неполноценную бороду.

Подойдя ближе, я протиснулся сквозь них и свернул за угол. На меня внимания никто не обратил. Не всегда такое случается. Видимо алгоритм был действительно интересным. На этот раз из разговора никаких занятных слов в памяти не застряло. Мои собственные мысли сейчас доми-

нировали над всем. Я нажал кнопку вызова, лифт подъехал на удивление быстро. Там никого не было, я шагнул внутрь и не заметил, как ко мне присоединилась ещё одна пассажирка.

Нажав свой этаж, я обернулся и слегка вздрогнул от неожиданности. Передо мной стояла красивая девушка и улыбалась. Я сразу не сообразил, что что-то необходимо спросить.

– Вам какой? – секунду спустя спросил я, – здравствуйте!

– Мне тридцать восьмой, – мягко сказала она и ещё раз улыбнулась, – а вы, Битвайзер?

Ну, что ж такое? Может китель совсем носить перестать. Оставить лишь значок ит-специалиста. А шеврон админа куда деть? Перешивать с рубашки на рубашку. Но ведь не только в этом дело. Носить универский китель любого из тридцати покровов дело чести. Снять его всё равно, что отказаться от парнасовской жизни. Порой в нём неудобно, бывает жарко, поэтому ему и рвут рукава. Но никто не снимает. Если ты выйдешь в полис пусть в самом ободранном, запущенном и распоследнем кителе самого низкого ранга, то есть студенческом, прохожие или работники какой-то из сферы услуг, держатели кафешек или музклубов – всё равно кто, но кто-то из них, вежливей, чем остальным предложит пропустить

стаканчик кофе, или лишний раз пропустит вперёд себя, не смотря на разницу в возрасте, или просто уважительно на полсекунды дольше задержит на тебе взгляд. Городское уважение чувствовалось всегда на университетских. Город знал, что это именно они двигают технический прогресс дальше, тем самым создавая условия остаться в Лиге и, вообще, на этой планете.

Мой же китель не особенно отличался от остальных. Несколько нашивок особенно дорогих мне ветвей информатики, нашивка клуба стрельбы из лука, первый марафон – это не считая официальных знаков отличия. Нашивка “Белое перо”. Ворот уже перетёрт, но это ещё лучше, чем новый. Манжеты расстёгнуты, повёрнуты и обтрёпаны. А это, вообще, классика! Но так ничего особенного. Таких, как я, здесь тысячи.

Но по каким-то причинам за неделю находился хоть один студент, кто спрашивал меня о моём имени. Я даже на двери своей лаборантской написал “Битвайзер” и ниже более мелко “администратор”. В надежде, что видя постоянно меня около этой двери, проходящие разнесут это остальным, кто хочет знать, как я выгляжу, и меня перестанут об этом спрашивать.

– Да, это я, – ответил я, как можно скромней. Третьекурс-

ница придерживала одной рукой сумку, напичканную, по-видимому, какими-то бумагами, другой теребила длинный тёмный локон своих пышных вьющихся волос. Одетая была красиво и была очень даже ничего. Добрая половина университета, сочла бы её симпатичной, вторая половина бросилась бы ухаживать, дала бы только намёк.

– Меня зовут, Энжела, – она протянула мне руку с длинными тонкими пальцами. На одном из пальцев было небольшое колечко. Она с интересом смотрела на меня. Чувствовалось, что хочет что-то спросить, но почему-то медлила. Я решил ей немного помочь, трудно не помочь, когда тебя ищет такая привлекательная особа.

– Вы меня узнали или спросили наугад? – попытался заполнить паузу я. Она хитро улыбнулась вместо ответа.

– Значит, узнали, – завершил я.

– Да, я про вас многое узнала, – улыбнулась она ещё раз. – Ну, может не так много! Приятно познакомиться!

– Взаимно, – ответил я, – да вы не смотрите так. Спрашивайте! Мне очень часто приходится отвечать на разные вопросы. Должность такая. Или я ошибся, и спрашивать вы ничего не хотели?

Она ещё раз улыбнулась, и я почувствовал, что лифт опускается медленней. Хотя, конечно, дело было не в этом. Я просто не мог ей также искренне улыбнуться в ответ. Мои мысли были в этот момент совершенно в другом месте.

– Да, я хотела. А вас можно спрашивать не о работе? – она слегка ладонью прикрыла лицо, как бы останавливая другие вопросы и извиняясь за этот. Всё-таки помогать людям говорить я был явно не мастак.

– Можно и не о работе. Вы же, надеюсь, не думаете, что всю жизнь я только и делаю, что сижу, не вылезая, в своей лаборатории. Есть у меня интересы и помимо неё. Но подождите немного. Я сам могу вас спросить? Хотя, нет. Я просто скажу, что не представляю, где наши интересы могли пересечься, кроме, конечно, работы. Но вы продолжайте, я слушаю.

– Хм..., – она слегка прихмурила левую бровь, но через секунду просияла, – я учусь на отделении графического дизайна и ещё интересуюсь журналистикой. Знаете, в этом здании просто неопишемое количество молодёжных групп, клубов, команд. Я уже не говорю про товарищества. Очень редко партнёрские соглашения. Большинство из них открыты. Можно сказать, почти все. Никто и ни от кого не скрывает, зачем организована та или иная группа. Какие там правила или устав, или ещё что. Знаете, людей много и мыслей тоже. Я всем этим заинтересовалась, когда сюда поступила. Это очень интересно узнавать вместе с профессией. Столько форм людского общения! Я уже точно и не помню, в скольких клубах я состою. И в скольких состояла!

В этом месте она непроизвольно засмеялась тонким коротким девичьим смехом. Кому-то повезёт видеть такую улыбку каждый день. Говорила она довольно быстро, но не сбивалась. Смотрела проникновенно и глубоко, прямо в глаза. Глядя ей в ответ, в ней самой читалась такая искренняя любознательность, которая могла граничить одновременно и со страстью к непознанному, и коварством с целью получения искомого ответа. Она говорила о том, что ей интересно. О том, как люди довольно разного склада ума и характера находят общий язык для совместного дела. Хобби у неё такое с детства – узнавать, как же мы общаемся. А тут прям оазис людского общения. Поэтому и пошла ещё на журналистику, чтобы научиться правильно писать исследования по поведению людей. Я слегка утонул в её тёмных глазах и отвлёкся, и вынырнул только, когда прозвучало название группы нашей собственной.

– “Белое перо” – закрытая группа. Обычно всё равно что-то известно: чем занимаются, кто входит, что в итоге получилось. А про вашу неизвестно ничего! Кроме нашивки. Вот я и подумала, может спрошу прямо. Может нет никакого секрета, может просто никто до меня и не спрашивал?

Вот, значит, в чём дело. Я машинально кинул взгляд на китель. Синий круг, через который было диагонально, по-

писательски ткнутое в край прорисовано старое потрепанное перо, находился у левого нагрудного кармана. Энжела заметила этот жест, и машинально коротко и недолго мне покивала, подтверждая, что я правильно её понял. Я легонько вздохнул.

Обычно в этом месте я начинаю лепить нечто немислимое. Горожу такое, что задавший вопрос к концу ответа готов уже вешаться. Иногда, в лёгких случаях, можно свернуть на юмор или махнуть рукой – вроде, как ерунда, не стоит даже и говорить. Можно сказать нечто общее, такое общее и всеохватывающее, как если бы каплю варенья хотели бы размазать на всю тарелку. Человек разумный после такой тирады обычно, вежливо поднимал бровь и смотрел на тебя, как на сумасшедшего. Или можно было завернуть аллегорию, но это только срабатывало, если вопрошающий был склонен к романтике.

Но с ней я чувствовал, так просто не отвертеться. Во-первых, враньём не хотелось оскорблять интеллект, который из неё явно шёл напролом. Во-вторых, уже из-за красоты вопроса, да чего уж там и просто из-за красоты, врать не хотелось. В-третьих... А надо ещё что-то третье? Или лифт сегодня ползёт, как хамелеон на охоту, или она слишком быстро говорит, чтобы получить ответ до того, как остановится эта стеклянная коробка. Я почувствовал себя немного пойман-

ным. Да, тут можно было надеется на личное обаяние. Точнее на отсутствие такового.

– Вы знаете, Энжела, как раз наоборот! Сколько раз меня об этом спрашивали – не счесть. И вы даже не представляете, кто были эти люди! Ректор прикладной нейролингвистики, завкафедры полиномных вычислений в реляционных базах данных, третий заместитель мэра на открытии второго спортивного крыла, первый помощник директора парнасовского сетевого администрирования, охранник с седьмого этажа, две парикмахерши и одна представительница комфорт-сервиса, когда после автостирки мне не вернулся мой берет. Без наличия берета, знаете, бывает иногда очень печально. Осень, тебе хочется отвлечься и пройтись по улице, а там холодно, и берета нет. Кстати, ваш этаж.

– Вообще-то, это не мой, – она нажала кнопку закрытия двери, – я, так и быть прокачусь до вашего. То, что вы мне тут сказали – очень вежливо, но я и сама могла бы такое навыдумывать. То есть, всё это – секрет. Научная работа? Общий интерес? Способ развлечься?

– Секрет – есть секрет, уважаемая Энжела, – я старался тянуть слова, но она меня оборвала.

– Никакая я вам не уважаемая! Вы же со мной говорить не хотите? Думаете, я не так компетентна и не пойму? – бровь опять выдала, что она сердится.

– Нет, я в вас нисколько не сомневаюсь, – начал было я,

но она меня опять перебила. И лифт, как раз, доехал.

– Дайте карманник, вот вам моя визитная карточка, – она приложила свой почти такой же сверху и мой сверкнул полученным сообщением, – меня вы можете найти в литературном клубе “Стихийное творение”. Если передумаете или сочините что-нибудь. Приятно было познакомиться!

Она ещё раз протянула мне руку и я ещё раз её пожал. Видно было, что всё же я её немного оскорбил. Хотя может и нет, но расстроил точно. Она не стала выходить на моём этаже, дождалась пока я выйду, и отправилась, видимо, на свой. Я с секунду посмотрел на закрытую дверь, развернулся и пошёл в направлении двери администратора. Всё это в другой день выглядело бы нормально, но сегодня было странно. Надо было спешить к рабочему столу.

Глава 3 (пятница)

Парнас. Лаборатория.

Пройдя коридор и влетев в кабинет, я бросил китель на вешалку и плюхнулся чуть не с разбега в кресло. Один за другим повспыхивали визоры моего центрального лабораторного компьютера. На всякий случай через плечо я крикнул двери включить блокировку.

Внутренне собравшись, я прочитал адрес вслух, проверил, правильно ли меня понял голосовой детектор, включил собственный поисковик и отдал команду на розыск. Необходимо было установить точное местоположение процессора на Парнасе. Если сильно повезёт, он мог быть из стационарных кабинетных или лекционных компьютеров. Или ещё какой, но не мобильный. Если это лэп, то придётся за ним ещё и побегать. С территории его, конечно, не вынесут. Но найти придётся постараться.

Компьютер принялся за работу, а я, глядя на визор, на какое-то время перестал его видеть. Мысли во мне нащупывали нечто смутное, что ощущать не так уж и хотелось. А чего хотелось? А хотелось, кстати, присесть. Вся эта поездка

от шахты назад, разговоры с Веславом и встреча с незнакомкой в лифте не давали возможности посидеть спокойно, без мысленной суеты. Я придвинул своё кресло и с удовольствием сел в него. Ждать результатов, откинувшись на мягкую спинку, было намного приятней.

Поисковик сканировал все возможные узлы связи Парнаса с целью обнаружения следов в логах. Задачу выполнял мой лаборантский комп. Он был усилен мной до возможных пределов, но всё же с центральной университетской системой был сравним, как сторожевой катер с линкором. Но в эту систему отдавать запрос не хотелось. Тогда там могут остаться следы моих собственных поисков. Их удаление тоже в принципе дело возможное, но нужно будет задействовать администрацию уже среди людей. И после всего необходимо будет убедиться, что все документы по этому запросу должны быть похоронены в архиве. Но на этом пути такое большое влияние человеческого фактора, что варианты развития событий представляли собой бесконечное множество. Я уже не говорю о последствиях. В общем, лучше мы тихо, но сами.

Размышлять в кресле было на удивление удобно. Это я подмечал за собой уже много раз. Запрокинув голову к потолку и покручиваясь из стороны в сторону, мне приходили порой замечательные идеи. Правда, однажды за таким за-

нятием одному студенту на голову обрушился светильник. Не помню, где слышал об этом. Хотя враньё, наверно. Очередная общежитская байка. Сейчас на голову мне идеи не сыпались. Хотелось элементарно отдохнуть. Весь предыдущий день – четверг – я провёл на лучном турнире, постоянно на ногах. И отоспаться у них там в палатке тоже нормально не удалось. И возвращаться на работу из-за этого вызова на рудники пришлось раньше намеченного. Одним словом, что ноги, что голова в кресле сейчас отдыхали одинаково. Хоть размышления и продолжались.

Искомый компьютер сам по себе особенно ничего не значил. Имело значение лишь то, кто им пользовался. И когда. Как это установить будет видно по обстановке. И придётся общаться с людьми. Ох, уж мне эти люди! Придётся устанавливать правду. Вот именно поэтому с людьми только охать и придётся. И всё нужно провести гладко, без тени подозрения. И самое сложное – в одиночку. Вряд ли я кому-то могу довериться в этой ситуации. Вычислять хакера придётся самому, и тут помощников у меня нет никаких. Да, и в конце концов это дело принципа. Админ против хакера. Когда ещё такое было? В качестве студенческого соревнования – да. Рубились нещадно не раз. Но здесь всё было серьёзно и по-настоящему. И самое главное не прослеживались определённые мотивы. Ну, да и до них дело дойдёт. Человек, проделавший такую работу, явно делал её с какой-то целью. Най-

дём, присмотримся, выясним.

Тут я вспомнил о кофе. Мой лаборантский кофейник знал только десять рецептов приготовления. Из них достойных для меня было только два. Их названия я придумал сам, от скуки, и с действительными рецептами они никакой связи не имели. Один был “Домкрат”, это чтоб поднять с постели, если пришёл за кофе, но так с неё и не встал. И второй “Яблочко”. Имя шло от мишени для стрельбы, чёрный кружочек в середине был небольшим, но очков за попадание приносил больше всего. Попадая в яблочко, стрелок мысленно или материально всегда получал приз. В случае с кофе – это был взрыв ясности в голове. Метясь в яблочко, стрелок высаживал порой всю обойму по краям мишени, не достигая желаемого результата. И тут тоже иногда можно было выпить хоть пять порций, но вместо внезапного осенения впасть в адреналиновый тупняк. Который лечился в итоге всегда только крепким сном.

Поэтому “Домкрат” был в самый раз. Я достал карманник и ещё раз прочёл сообщение. “От: Кристальный город. Несанкционированное удаление файлов. Жёлтый.” Меня будоражило практически каждое слово.

Кристальный город должен сейчас спать. Он не может слать мне ничего. Из состояния сна это просто невозможно.

Значит, город не спал. А разбудить город могу только я. А Грин, Бертыч и Градский могут это сделать только в определённое время. Сообщение по времени с ними не совпадало. Да и не надо им там ничего стирать. Для них город не часть информатики. Они же ни черта там не знают с точки зрения программирования. Но, а если с самого начала?

О городе знаем только мы. Это, во-первых. Мог ли кто-то из них добраться до моего доступа? Теоретически, да. Но практически у меня нет столько фантазии, чтоб это представить. Чтобы высокий Грин положил мне руку на плечо, пригнулся, посмотрел на меня своими зелёными глазами, и проговорив: “Битик, что-то коды твои лажают сегодня, я тебе давно говорю, слезай с кофе, переходи на зарядку!”, загнал мне червя в карманник? Это какой-то спектакль с уклоном в сюрреализм.

Или двое других начинают дуэль на словесных рапирах:

– Битвайзер, ты какой бит в байте младший или старший?

– Да нет, он самый умный! Ты что по-английски не читаешь?

– Как может быть бит умным, если он или единица, или ноль?

– Если умный, значит единица, не ноль же, сам понимаешь?

- А если у нас ещё один бит-единица?
- Единица – значит один. Обнулится от одиночества!
- А наш как же?
- Так, а мы на что?

И пока я, улыбаясь, закрываю глаза ладонью, чтоб отгородиться от всей этой ахины, зная, что у них просто появилась пауза при перезагрузке, они смотрят мне через плечо, чтобы запомнить, что у меня на экране? Такое вообще возможно? Надо быть полной скотиной, чтоб так думать о друзьях.

Конечно, всем нам нужно собраться. Но сегодня пятница, и у нас так и так посиделки. Так что не будем торопить события. Вместо вольной философии и спонтанной метафизики будет конкретная тема для беседы. И вместо кисленьких клюквенных коктейлей горячий чёрный шоколад. Сладкое стимулирует ум. У кого имеется, если говорить до конца.

Так что там адрес? Нашёлся? Глянем. А вот и результат. Ай, да мы! Компьютер стационарный, определён по типу сетевого носителя, скорее всего лекционный, текущее местоположение WRE-7412. Даже так. Точный номер аудитории. Иди и проверяй хоть сейчас. А сейчас что за час? Обеденное время прошло, но ещё какие-то занятия идут. Ещё сегодня можно успеть выяснить что-то о тех, кто рядом с этим компьютером. WRE? Где это вообще? Я набрал поиск ауди-

тории. Хм, не так уж далеко. Отделение физики, факультет связи. Связисты значит. Хорошо, не будем медлить. Допиваем кофе и вперёд.

На всякий случай я решил прикинуться студентом. Кто его знает, с кем придётся столкнуться. Если придётся вливаться в какую-нибудь студенческую группу или клуб, то лучше быть им ровней. Надо было переодеться, и тут мне помог мой одёжный резерв, который нужен мне был из-за моей неряшливости и хранился в небольшой коробке. Вечно я чем-нибудь пачкался в кафе или обрывал пару пуговиц, зацепившись за что-то.

Поэтому к кителю на вешалку добавились приличные брюки, и из резервной одежды были выбраны потёртые джинсы, порезанные бритвой в некоторых местах. Старая гвардия, так сказать. Рубашка годилась, так как была итак не ахти. А китель я достал студенческий.

Мой последний студенческий китель хранился среди прочей запасной одежды. Он был усеян нашивками разной величины, формы и цвета. В основном это были особенно ценные для меня предметы, которые я учил и принимал также участие в виде соревнования по ним с другими студентами. Была парочка клубных. Китель был выцветшим, затертым донельзя, на правом рукаве был содран карман. В целом, ни-

чего приметного. К шестому курсу обычно у всех кителя были такие.

Самое главное – я оставил себе шеврон четвертого курса. За потерю знака отличия обычно назначался штраф, который записывался в студенческий кредит. За шеврон я кредит отработал, так что теперь он был в моём полном распоряжении. За ним тянулась романтическая история личного характера, в противном случае мне и в голову не пришло бы оставлять его себе. Но как оказалось потом, иметь запасной знак отличия было очень кстати. Например, можно было и дальше принимать в участие в соревнованиях со студентами, без лишних взглядов вступать в самые разные споры и беседы самых невообразимых компаний. Или как сейчас – незаметно наблюдать за кем-то из пестрой коридорной толпы.

Итак, я был готов. Для лихости я надел ещё очки с легкой тонировкой. Вдруг кто надо не узнает. Перекинул через плечо сумку с лэпом и ворохом уже позабытых бумаг. Но прямо на пороге меня остановил карманник. На этот раз он звонил и требовал ответа. Когда я увидел звонящего, а точнее звонящую, понял, что ответ не требовался, он должен был мгновенно сформулирован в самом точном, подробном и максимально развернутом виде. Звонила глава секретариата, правая рука директора нашего отделения, мой непосредственный работодатель Альбина Лягрос, очень милое лицо

на визитном фото и неостановимый высокоскоростной локомотив в жизни. С ней медлить было нельзя и поэтому я, исключив на всякий случай видеосигнал, с неизменным замиранием нажал кнопку принятия вызова.

– Добрый день, администратор, – тон был слегка шутлив. Она всегда не выносила меня звать по имени или прозвищем. Хотя могла. В студенчестве мы были коротко знакомы, но она была на курс старше и не считала меня ровней, хоть этого прямо и не говорила, я всегда читал это по взгляду. – Ты чем сейчас занят? По плану у тебя диагностика, это подождёт. Тебе надо ко мне зайти. Сегодня. Если не занят, то лучше сразу. В общем, буду ждать до конца дня. А ну сразу, так сразу. Жду.

Я знал, что это по пути. Долго она у себя не держит. Высокая скорость её интеллектуальной жизни не терпела долгих бюрократических разбирательств, особенно с подчинёнными. Она умела пропускать через себя огромное количество проектов, завязывала тысячи деловых знакомств, которые так потом нужны были Парнасу, канцелярия её отдела считалась лучшей у нас. Её подчинённые пищали от восторга прорабатывая для её просьб лишние часы, а директор в ней души не чаял и тихо благоговел, радуясь тому что можно заниматься на своём месте исключительно наукой. Я тоже пищал, так как у неё было – меньше слов, а больше дела. Я

вышел в коридор и захлопнул дверь.

Глава 4 (пятница) Парнас. WRE

Я торопился. В аудитории WRE-7412 начиналась лекция. Это я выяснил на ходу при помощи карманника. Притворившись студентом, я хотел немного побыть в атмосфере тех людей, которые на неё ходили. Хотя, конечно, не факт, что хакер посещал именно этот предмет. Лекционные помещения к предмету не привязаны. Но чем чёрт не шутит. В любом случае это даст необходимый настрой. Надо же теперь быть студентом, поэтому стоило слегка влиться в общество.

Я пришёл вовремя и сел с остальными. В зале набралось человек шестьдесят. Лекция была об ультракоротких волнах. Все негромко шумели, некоторые достали ноутбуки. Пока лектор не пришёл, и пока не пришлось положить очки в нагрудный карман, я разглядывал студентов. Четыре парня и две девчонки в стороне от других, судя по жестам, что-то бурно обсуждали, но отчётливо было не слышно. Одеты они были ярко и вразной. В основном мелькали улыбки, видимо, дело было несерьёзное. Поодаль от них беспечно хихикали трое молодых людей, то и дело по-заговорщицки указывая вперёд через несколько рядов. Там, куда то и дело вздымались их руки, строго и немного напыщенно сидела парочка в черных костюмах на светлую рубашку. Их безуко-

ризенный вид не очень вязался с аудиторией. Но если бы это было и не так, то они, казалось, исправили бы это намеренно. Разумеется, никаких кителей такие люди не носили в принципе. Но это было ещё не всё. Не так далеко от них три впечатляющих девицы вели неспешный разговор, практически не отвлекаясь не происходящее. По их взглядам, я бы сказал, что речь идёт о чём-то очень женском. Те двое, не смотря на привлекательность юных дарований, внимания на них не обращали. Зато какой-то скромняга на краю ряда, то и дело косился на одну из той очаровательной компании.

Потом открылась дверь, все понемногу утихли и в аудиторию стал пятиться спиной, видимо с кем-то прощаясь, высокий человек. По его одежде можно было догадаться, что именно он будет читать лекцию. Но когда он повернулся лицом к аудитории, я весь подсобрался и одновременно сделал всё, чтоб ничем себя не выделить. Я оставил очки и сел так, чтобы меня не особенно было видно из-за впереди сидящего студента. Лекция началась.

На большом визорном экране мелькали какие-то графики и схемы. Я не сводил глаз с лектора, но видел не его, а раз за разом возвращался к ещё живым воспоминаниям о разговоре с Альбиной.

Вот я снимаю перед её дверью нелегальный шеврон и оч-

ки, вот я захожу. Её сразу не видно, она что-то ищет в нижнем ящике стола. Но это длится всего секунду. Через мгновение она садится ровно на стул, поправляет, как всегда безуспешно, свои шикарные белокурые длинные кучерявые волосы, кладёт обе руки на стол и жестом предлагает сесть.

– Здравствуй, администратор, – я сижу под её пристальным и лукавым взглядом, – я смотрела, чем ты занимался в течении прошедшего месяца. Диагностика локальных сетей, оптимизация маршрутизаторов, скорость передачи данных одного из отделений выросла аж на процент. Отличился на курсах программного языка Джей. Всех обошёл. Это ведь язык высшего уровня. Им программируют бортовые компьютеры Лиги. Ты в космос не собираешься? Нет! Прекрасно, тем лучше для нас.

Но вот скажи мне, ты без дела не сидишь, даже если дел никаких и нет. Тебя бы с твоим резюме взяли бы на любую исследовательскую станцию. Ты различных предметов прошёл по профессии и без неё, что в пору идти в науку и защищать очередное университетское звание. На поведение твоё жалоб нет, в общественной жизни ты участвуешь, часов практикума даже набрал. Но ты по-прежнему остаёшься сетевым администратором. Зачем тебе это – дело не моё. Не моё.

Но вот что моё дело – это знать, как такой сотрудник, как ты, умудрился перейти дорогу Полу Строугу. Младшенькому. У него другая специализация, он не программер. Я бы сама, не сходя с места, запутала бы его на раз-два, даже не углубляясь в язык Джей, о котором, я уверена почти наверняка, он даже и не слышал. И, тем не менее, он сегодня приходит и приносит мне кандидатуру на твоё место.

Специалист, судя по данным, действительно отличный и чуть постарше, немного безынициативный в обществе, раз за него просят, но это ладно, может нагнать. Но кто просит? Человек из другого отделения. Физик. Пусть и связи. Надеюсь, тебе не надо объяснять пропасть, между информатикой и физикой. Одно без другого уже многое время не может – это понятно, но это давным-давно параллельные Вселенные.

По сути, ты давно из своего места вырос. Но предпочитаешь быть здесь. Я бы может и взяла его, но тут дело принципа. Своих подчинённых я набираю сама. И все это знают. Но всё равно Пол Строуг Младшенький, не смотря на то, что он не специалист по персоналу и не ведущий спец в программировании, приходит ко мне, начинает вальяжную беседу не пойми о чём, приносит два приглашения с открытым именем на зимний бал, хвалит за успехи всё отделение, в том числе главу персонально и, напросившись тем самым на кофе в этом кабинете, как бы невзначай предлага-

ет якобы успешного и прогрессивного умного молодого человека в качестве главного сетевого администратора в целях более тесного сотрудничества между отделениями.

Да, наш главный после такого взял бы, не задумываясь. Но в моём ведомстве все люди подобраны человек к человеку. Мной. И если ты вдруг сам захотел уйти, то я ещё подумаю взять ли того, кого дают, хотя и то вряд ли. Да, даже не думала бы! Но если ты и не думал уходить, скажи мне, дорогой администратор, какого чёрта, ты сделал этому наглому и высокомерному, пусть и блестящему, молодому профессору? И не делай вид, что его не знаешь!

Мой растерянный вид ей, по-видимому, ничего не объяснил. С тем меня и отпустила. Я очень не люблю, когда моё начальство на меня сердится. Я бы с удовольствием не доставлял хлопот на свой счёт. Но раз уж так выходит, то придётся постараться и над этим. Ведь проблемы отделения от моих не отделимы.

И вот я на лекции, делаю вид, что слушаю, но на самом деле делаю всё, чтобы меня не увидел лектор – молодой высокий человек, слегка старше меня, в прекрасном светлом костюме с профессорским значком на лацкане пиджака, с манерами прекрасно образованного интеллигента, с чуть низким мужским голосом и отличной дикцией, увлекательно

погружающий шестьдесят человек в сферу ультракоротких волн, блестяще доводящий все предложения до логической концовки. Этот человек, чьи движения, взгляд и улыбка вселяют уверенность в выбранном научном пути. Человек, чья собственная дорога плотно усеяна вешками личных отмеченных достижений.

Впервые, мы о нём услышали в студенческом городке. Так уж вышло, что наша комната для проживания находилась в том же здании, что и комната, в которой проживал до не давнего времени и он. Однажды ближе к ночи нас пригласили на очередную битву вирусов в компанию с верхних этажей. Пока мы поднимались, народ кто стайками, кто по одному лез вперед нас наверх. В итоге на верхних этажах собралась довольно большая толпа. Мы решили выяснить, что же там происходит. Оказалось одного парня сняли с окна. Никто не мог понять хотел он прыгнуть или нет. Но он сидел с выпученными глазами устремлёнными в пустоту, тихо кивал густой рыжей шевелюрой и молчал. Помнится, его отпили этиловыми коктейлями. Даже, говорят, улыбался. Вообще, это очень нетипично для городка, поэтому, когда страсти улеглись, я прошёлся по этажу узнать, что же это было.

Как оказалось, в комнате они жили вдвоём с соседом. Были из одного потока, могли бы жить и отдельно, но вдвоём не так скучно. Сошлись интересами. Работали над диплома-

ми по схожим темам. Было о чём поговорить, поспорить, но друг другу не мешали. Как рассказывал до этого тот рыжий парень, однажды для каких-то опытов его посетила невероятная мысль. Вместе с соседом они её обсудили и нашли немного сложной. У него самого был назначен ряд других лабораторных мероприятий, и попробовать сразу не было времени. Но его сосед проявил недюжинное упорство, он сам провёл их чуть ли не в ночное время, заимев блат у старшего лаборанта. Добившись блестящих результатов, он изменил ход своей работы и подстроил всё под новый метод. Своему соседу ничего не сказал и защитился досрочно, получив наивысший балл за проделанный труд. Вытребовал патент, хотя был ещё не в праве его получать. На возмущенные вопросы обладателя рыжей шевелюры он отвечал, сменив тон на очень спокойный, что любая мысль в этом мире чего-то стоит, если имеет при себе поступки, и если сидеть, сложа руки, то ничего попробовать и добиться невозможно. Что касается авторства, то обсуждение было не по его инициативе и высказывалось, как чистая теория. Практика же в ней слегка отклонилась. И времени было у каждого одинаково – спать надо меньше. Всё это было, конечно, неприятно, но не ново. Споры за авторство всегда возникали периодически. Но тот рыжий так и не поднялся после этого случая. Через два года он стал корифеем, а потом и в коридорах его уже не было видно. А был отличный студент, как я выяснил потом в архиве. Один откровенный разговор, одно рукопожатие, одно

лишнее проявление сочувствия друга по комнате могло бы оставить его среди нас. Может он бы и простил или поостыл, поделись его сосед чем-то тоже. Или если не поделился, то хотя бы не бросил. Хоть бы отметить его пригласил, что ли?! А так, оставил его в смятении и на момент случая с окном с рыжим уже не жил. И говорил, что эта история уж точно к нему не имеет отношения. И что он не очень разбирается в чужих любовных похождениях. Рыжего тогда успокоили, но я его больше с того времени не видел.

Через семестр с небольшим после этого случая группа студентов работающих над уплотнениями вэ-образных полей после полугодовой серии экспериментов в течении полумесяца была расформирована, но в городке ещё долго носилось эхо сожаления о недоделанной работе, где не хватило чуть-чуть. И хоть все люди из группы со временем нашли себе научное применение и достигли достойного звания, опираясь на ту работу, представлял конечный результат только их руководитель и уже с новыми студентами. Этот руководитель пошёл дальше, работая не покладая рук. Так он получил звание профессора. Не знаю, получал ли кто-нибудь это звание быстрее него. Но сейчас он передо мной читал непринуждённо лекцию, звали его Пол Строуг, папу, видимо, звали также, но прозвище у него было своё – “Эдисон”.

Когда лекция закончилась, и все начали вставать с мест, я

выждал более удобный момент, чтобы смешаться с толпой. На моё счастье, какой-то студент, отвлёк внимание преподавателя дополнительным вопросом. Я не упустил этот шанс и с лёгкостью покинул лекционный зал.

Глава 5 (пятница) Парнас. Кафе.

Я шёл задумчиво по коридору, вроде бы в направлении своей лаборантской. Сердце моё бешено колотилось, хотя внешне я выглядел спокойно. Кровь, как мне казалось, скоро начнёт прожигать вены. Нужно было найти тихое место, чтобы осмыслить произошедшее за сегодня. Я увидел знак-стрелку, указывающую на кафе, и повернул туда.

Тихим, конечно, здесь называть было нечего. В большом светлом помещёнии стояли вразнобой столики. Кому было удобно – сидел за ними, а кому нет – на полу у стенки, или на подоконнике. Люди самого различного возраста, самых разных ученых степеней и самых разных компаний оживлённо общались за едой. Хотя в основном, конечно, это были студенты, то есть – молодёжь. Самая настоящая кровь Парнаса: живая, горячая и не желающая ни секунды стыть в жилах. Постоянный гул голосов, то тут, то там переходящий на непредсказуемые тональности, служил общей характеристикой этого места. Порой шумная атмосфера, где никому до тебя нет дела, и есть самая уютная обстановка, чтобы подумать.

Я взял себе литр воды с лимоном и, тоже забравшись с

ногами на широкий свободный подоконник, вытащил из нагрудного кармана маленький блокнот и карандаш. Иногда думать мне так было удобней. Итак, что мы имеем в итоге на данный момент?

Хакер пытается угнать неизвестно зачем машину в рудниках. Рудник я изобразил жирненьким кружочком, а попытку угона стрелочкой к нему. Хакер пользуется компьютером, который стоит в лекционной Эдисона. Эдисон при этом имеет какие-то планы на меня. В хвосте первой стрелочки появился ещё один кружок – зал с компьютером, и в его направлении появилась вторая стрелка – интерес Эдисона. У него, кстати, в подручных неплохой специалист, по словам Альбины. Я добавил туда ещё восклицательный знак. Самая прямая логическая цепочка: спец Эдисона устраивает побег машине, я еду на рудник, в это время он идёт к Альбине предлагать замену мне. Если честно – полный бред. Для провоцирования интриги с моим отстранением не надо заниматься трудоёмким взломом. Более того, спец наследил, да ещё так бездарно, что выдал местонахождение своего стационарного компа. Стационарного! Какой идиот занимается взломом со стационарника? Взломал, получил, что хотел, лэп в мусородробилку и концы в воду. Не найдёт никто. Это азы азов. Школьник, мечтающий стереть свои прогулы из базы данных школы, и то это понимает. А Альбина говорит, специалист хороший. Не сходится, хоть и выглядит логично.

Странным и совершенно неожиданным способом сейчас столкнулись передо мной интересы людей, стоящих выше меня по линии руководства. Да и по академическому рангу тоже. Их степень ответственности перед Парнасом значительно больше моей. Я ведь не работаю с людьми, не считая студенческих практик. Конечно, в людях разбираться я немного могу, но хватит ли мне этого знания, чтобы правильно всё оценить в том, с чем я столкнулся? И достаточно ли я знаю себя, чтобы не предпринять шагов, которые, как тому рыжему, изменят навсегда жизнь, совершенно не в желаемую сторону?

Я отвлёкся и посмотрел в зал. Вот через три столика от меня сидит пара. Смотрят друг на друга. Говорят о чём-то. Видно, что настроение у них хорошее. Необеспокоенное ничем в данный момент. Они не очень отвлекаются на окружающих. Он ей что-то рассказывает, а она больше комментирует, чем обсуждает с ним что-то наравне. У него благодушное выражение лица и часто поскальзывается улыбка, она тоже улыбается, но реже, не всегда ему в ответ. То есть иногда они улыбаются вместе, а иногда только он. Могу ли я в этом что-то понять?

Может ей на сегодня хочется уже завершить учёбу, которая ей, несомненно, нравится, но пары закончены и на фа-

культуратив в пятницу идти настроения нет. Впереди выходные и есть ещё занятия помимо выбранной профессии. Какой-нибудь девичий клуб по флористике или моде, а может просто желание протанцевать до утра и вернуться к делам лишь в воскресенье. А ему хочется задержаться здесь для каких-нибудь ещё дополнительных тестов, суть которых ей, конечно, ясна, так как они с одного отделения, если верить нашивкам. И он склоняет её продолжить ещё хоть на немного пребывание здесь, так ему очень приятно работать с ней или в её присутствии. Что в обычные дни может так и происходит. Но сегодня их желания несколько разошлись и они ищут компромисс, чтобы сохранить своё воодушевлённое настроение.

Но может быть и совсем не так. Она ему симпатична, и он, то и дело, отвлекаясь на различные истории, пытается завоевать её внимание. Он старается не переусердствовать, чтобы не надоест. Поэтому ему важно, чтобы она улыбалась ему в ответ, как знак того, что он на верном пути. Но он не знает, а она ему специально не показывает, что сердце её занято. Что ей, без всяких сомнений, приятны его разговоры, приятны его идеи, манеры и то, что он ей вот так предложил посидеть в кафе между лекциями. Но она не считает себя обязанной его останавливать, так как всё находится в рамках приличий. И что уж точно вне рамок, так это обсуждение её личных сердечных интересов. В этом смысле ей приятней или удоб-

ней было бы, чтобы он всё понял сам.

И в первом случае понятно, что люди вместе. Пусть на этот вечер их интересы и расходятся. Даже если это и приведёт к небольшой ссоре, то он подумает и извинится, а она выслушает его и простит. А во втором случае они вместе не будут никогда. Так как сердце не завоёвывается разговорами. Оно вообще непонятно чем завоёвывается. И она в его пользу решения не изменит и ему останется лишь отступить. И лучше навсегда. Придётся пережить свою собственную маленькую или большую сердечную драму, и там очень глубоко внутри о ней придётся забыть.

И что же я вижу? Первый случай или второй? Или может тот, о котором так быстро мысль даже и не пришла? У меня не получается строить логическую цепочку дальше этим предположений. И это вполне объяснимо. Нельзя ничего понять, глядя вот так со стороны. Необходимо поучаствовать в их разговоре или хотя бы его услышать. В том и другом это будет вмешательство в чужую жизнь. А у меня это получается хуже всего – вмешиваться целенаправленно в чужую жизнь. Ведь вмешавшись в неё, свою ответственность за неё же будет трудно исключить. А бросить всё как есть для меня – это ещё тяжелее, чем вмешаться.

Я отпил сколько мог воды. Я глядел на блокнот. Можно ли

вот так чёрточками и кружочками нарисовать всю эту ситуацию, чтоб разобраться? Хорошо мне хоть хватает понятия, что это лишь способ размышления, а не размышление само. Этот листок можно выкинуть и забыть о нём. Никто и никогда не поймёт, что на нём. Я и сам через три дня могу и не вспомнить. Я крутил в пальцах карандаш, смотрел на рисунок и представлял ещё раз за разом, всё то, о чём начал размышлять. Постепенно я забыл об этой парочке, хоть и обвёл весь рисунок за это время раз десять.

Есть правда ещё одна неизвестная в этом уравнении – Кристальный город. Как вообще от него пришло сообщение? Почему именно в то время, когда я был на руднике? Ответы могли быть или в городе, или ещё у троих вышеназванных. Ни в то, что сам город проснулся, ни в то, что эти люди меня подвели, я не верил. У нас вечером посиделки, но разговоров на свободные темы не получится. Все будут заниматься городом с таким прозрачно-кристальным названием. А может не городом?

Вода была на исходе. В блокноте я поставил в сторонке ещё одну точку и знак вопроса рядом с ней. Сердце уже не так стучало, и венный зуд потихоньку проходил. Один из главных вопросов был в том, зачем я понадобился Эдисону? Я о нём был, конечно, наслышан и имел о его жизни собственное мнение. Но я ни разу с ним не пересекался. Ни

в сфере профессиональных интересов, ни уж тем более во внеучебной обстановке. Почему я? И кто я для него? На последний вопрос, пожалуй, есть ответ. Он специализируется на связи, я – главный администратор. Но ему, видимо, нужен не я, а доступ к сети. С его амбициями, скорее всего, неограниченными. Какая-то исследовательская работа? Научный прорыв? Неужели не достаточно собственной лаборатории? Вопросы сыпались, а голова соображала, где искать ответы. Надо было идти к себе. Там хоть что-то можно было для всего этого найти.

Я покинул кафе и пошёл не торопясь дальше. Вообще, торопиться имело смысл, но я шёл степенно, почти медленно, и следил за дыханием. Сначала несколько тягучих глубоких вдохов и таких же выдохов. Потом без спешки дыхание приводится в норму. Так, стреляя из лука на соревнованиях, я отвлекался от лишнего шума и суеты. На мой взгляд, в этом виде спорта побеждает тот, кто лучше умеет концентрироваться. Сама по себе техника не так уж сложна. Но умение отделять в данную секунду лишнее из окружающего, чтобы оставить только стрелу и мишень, и определяет в итоге победителя.

Так что же сердце застучало? Что это за эмоция? Азарт? Что-то смутное и тёмное подсказывала мне интуиция. Я ещё раз представил, с чем столкнулся. Строуг, судя по репутации,

ции, на мелочи расплыться не будет, его обаяния хватит, чтобы открыть если не любую, то почти всякую дверь. А там, где не хватит обаяния, будет что-то ещё. И самое главное – он не остановится. Он будет долбить, как победитовый перфоратор с бесперебойным питанием. Противостоять такому несколько азартно, но с учётом будущих результатов, скорее страшно. Страх прошёлся по моей крови. Или предчувствие страшного. А чем я до сих пор побеждал страх? Борьбой. Другого не нашёл. И всё это значит, что бороться придётся до конца и всерьёз. Для настоящего страха, пожалуй, рановато. Воспримем это, как предупреждение. И поэтому так важно выкинуть из головы всё ненужное и полностью отдаться делу.

Я дошел до своей двери и, войдя, опять поставил блок. Нужно было срочно поднимать информацию на Строуга. Чем занимался в последнее время в лаборатории? Какие курсы повышения проходил? У кого был куратором? Кто курировал его самого? В общем, вся официальная доступная информация. Всё взять по-тихому, чтобы лист не шелохнулся, чтобы волос не упал. В течении пары последующих часов я был всем этим поглощен без остатка. Звонки, чаты, официальные запросы, электронные приватные письма, воздушные обещания, строгие предупреждения, лирические увещевания, монотонное инструктирование, игра на взаимных интересах – все это ради отчетов, протоколов, списков, выпи-

сок, статей и ещё целой кипы дигитальных документов, где явно или нет фигурировала фамилия Эдисона. Меня вывел из всего этого карманник, заведённый будильник пропищал сбор на посиделки. Надо было идти в студенческий городок.

Глава 6 (пятница) Оладья.

Уже начинало темнеть. Система уборки улиц пока ещё не справлялась со снегопадом. Пешеходные дорожки были по шиколотку завалены мокрой белой кашей. С бордюров частыми струями талая вода сочилась в отводные каналы. Было непонятно, идёшь ты по луже или по сугробу. Кому может нравиться такая погода? Пока я знаю, только одного, и он, почти не разбирая дороги и придерживая берет, торопится на встречу. Говорят, психологи не рекомендуют обращаться к себе в третьем лице, ну и пусть говорят, я лучше прибавлю шаг.

Территория городка находилась позади университета. В центре этого места, заставленного домами разной формы и высоты, было огромное здание, возведённое с одной целью, дать приют внеаучным студенческим интересам. Музклубы, общества сочинителей литературы, разножанровые театрики, танцевальные группы, художники и так далее – всё, что было связано с творчеством, поиском мнения и самореализацией, не входящей в обязательный академический норматив, можно было найти здесь. Порой увлечшись, студенты уходили из Парнаса и становились кем-то ещё, но не работниками сферы точных наук. Это было естественно. Зачем

тебе продолжать изучать базы данных, если ты нашёл здесь, что ты – гитарист. Тем более, что треть городка была заселена студентами из соседнего гуманитарного универа.

“Оладья”, или здание “ненаучки”, было специально сделано с применением высокопрочных материалов, чтобы физически устоять под натиском молодёжного творчества. И хоть внешне длинный и овальный каркас, казалось, был нетронут временем, внутри то тут, то там шёл какой-нибудь небольшой косметический ремонт. Внутреннюю отделку разрешено было не щадить, и когда очередная стена комнаты какой-нибудь музыкально-художественной группы принимала совсем жалкий вид, её восстанавливали до начального состояния.

Один такой ремонт я обогнул в коридоре, и завернул в один из так называемых общих залов. Здесь было просторно, немного сумрачно, была сцена для репетиций и выступлений и столики вдоль стен, рассчитанные на шесть мест, разделённые перегородками для повышения приватности. Зал назывался “Диез”, похоже, в честь повышения тональности при разговоре. Здесь было так же, как и в кафе, а впрочем, как и всегда, то есть – довольно шумно.

За столом поближе к окну, взяв по паре клюквенных суррогатов, дожидались уже Бертыч и Градский. Первый сидел,

сцепив пальцы и положив перед собой на стол могучие руки, и со своей атлетической фигурой в своей чёрной кожаной куртке казался неведомым исполином гранитной Эллады. Его почти неразлучный товарищ, бросив плащ на сиденья перед собой, тянул через соломинку нечто кислое. На вид напиток весёлости явно не добавлял. Я завалился на диван к ним, притиснув их вплотную, и вместо приветствия с минуту смотрел на их вытянутые лица и бегающие по мне глаза. Я ещё не совсем отошёл от своих мыслей и автоматически ожидал их острот. Но и они, судя по их переглядкам, ждали каких-то объяснений от меня. Причём было понятно, что речи о поздороваться уже не ведётся. Но, что за тон? Как же без приветствий?

– Ну, привет! Чего онемели-то? Здорово, Бертыч, – я пожал ему руку, – И тебе здорово! О чём шушукается непрофессиональная интеллигенция? Заговор против гуманитариев строите? Сейчас придёт главный гуманитарий, он вам усы-то подкрутит! Э-э, да что с вас взять? Сидите тут побритые, с лица взять нечего.

– Привет, привет, а скажи-ка нам, Битик, тебя с утра генерал из поручиков в конюхи разжаловал, или ты решил поучится заново, так как за ночь всё забыл. Где ночь провёл, беспутник? Не могли тебя разжаловать, конюхов у нас – хоть ведром черпай, – до меня дошло, что я не переоделся, – Где шлялся, Ромео?

– Именно! – присоединился Бертыч, – Меркуции в недоумении? От кого надо было так быстро одеваться в ночи, чтоб вдеться в первое, что нашарил? Колись, код доступа, что за вид?

– Вообще-то, доспехи мои, – начал я оправдываться, но знал, что этого было мало, – а за поруганную честь дамы – дуэль с обоими. Оружие – словесные рапиры. Кто быстрее всех скажет слово “изотоп” наоборот, тот и победил!

Хором мы крикнули что-то нечленораздельное и нисколько не похожее на правильный ответ. Честь дамы была спасена, жизни всех сохранены. Можно было и себе заказать какое-нибудь кислое бродило. Видя моё желание, Бертыч повёл своими мощными плечами и придвинул мне свой второй нетронутый стакан. Надо было начинать объяснение, я всё ждал, что подойдёт Грин, чтобы не повторяться во второй раз, но его пока не было.

– Ты дичи-то настрелял? – оборвал мои мысли Градский. С вопросом его худое, продолговатое лицо вытянулось ещё больше, – Или только за молоком сходил?

– Нет, – поморщился я, – дичь ушла на другой стол.

– А на молоко, судя по виду, средств не хватило, – подхватил Бертыч.

Все поулыбались удачной шутке.

– А ночевать-то ты там зачем оставался? Не очень далеко ведь обратно ехать было? – продолжил он.

– Всё-таки, без ночных приключений не обошлось, – вставил Градский.

– Так мы ведь кроме турнира ещё на неформальные соревнования остались. Играли в «Мятый вопросник» командами по пять человек, в «Слово за слово» стенка на стенку. А потом все вместе во «Враньё». Утром у кого язык не ворочается, у кого голоса нет. Да и спальник у меня был с собой, на всякий случай.

– У меня такое ощущение, – Бертыч повернулся к Градскому, – что он спит, где придётся, потому что хочет протестировать все места на сносность. В том смысле, что места сны несут или нет? Сны несут – значит, сносность хорошая!

– Да! – сразу, без раздумий согласился его оппонент, – Конечно, всегда надо знать место сны несёт или нет. И если не несёт, то где их носит? Но если всё-таки сны несутся, то можно ли их вынести?

– Не каждый вынесет то, что сны несутся, – погладив невидимую бороду, сказал Бертыч.

– Я не вынесу, – заметил я и добавил, – скоро уже...

Пока они продолжали, хихикая, обмениваться всем этим, мельком по мне пробежала мысль, что не понятно, почему верхнюю одежду они не оставили при входе. На Градского,

который носил всегда только отглаженные рубашки и такие же брюки, это было не очень похоже. Его плащ, в таком виде, как он валяется – явно не высохнет. А Бертычу что, в куртке не жарко? Складывалось ощущение, что они куда-то скоро уйдут.

– Что до моей одежды, как вы правильно заметили, – перебил я их, – то до неё дело ещё дойдет. Но вот вы чего нормально не раздеваетесь? У нас что, планы?

– Вообще, да! Есть одно предложение, – ответил Градский, – Группа художников, с которой у меня сейчас один проект, позвала всех нас на галёрку. Они так называют посиделки, вроде наших, только у себя, в галерее. Там и интересно, и весело. Давно звали. Такой группы может потом и не соберётся, да и нам разнообразить вечер не помешает. Грин сейчас придёт и обсудим.

Внутри у меня заныло. Вечер придётся потерять.

– Боюсь не сегодня, – отозвался я, и все насторожились, – у меня тоже к вам предложение.

– Тогда выкладывай, – сказал Бертыч. Он смотрел мне в глаза и видел моё беспокойство. Смутная тень, как знак моего настроения, прошла по его лицу. Градский тоже более внимательно взглянул на меня. Я отпил из стакана.

– Дело такое, – потерев губы после глотка, сказал я, – Кто из вас не помнит Эдисона? Все помнят! Вот и прекрасно. Так вот. Я попал в странную историю, связанную с ним. Попал сегодня и разобраться не успел. У него появились планы в отношении меня. Не могу понять, что будет дальше. Нужна ваша помощь.

– А что за планы?

– Он хочет, чтоб я ушёл с должности. Причины я пока не выяснил. Может у него и руки короткие. Но вы его знаете, намерениями он не раскидывается. Так что за его руки беспокоиться не приходится, свои бы не оторвали.

Бертыч заёрзал, как на иголках. Он сделал несколько неопределённых жестов, как бы пробуя что-то спросить, но не находя при этом слов. Он то подносил палец под нос, то тер у виска, то разводил свободной от стакана рукой, при этом то глядя на меня, то заискивающе посматривая на Градского. Градский же сидел ровно и не отводил от меня взгляд. Я видел, как медленно и необратимо отливала кровь от его лица. Когда он сделался совсем белым, как больничная простыня, я продолжил. До этого я молчал в надежде что-то услышать от них.

– Ну вот, опять молчат. Други, не немеите! Проклюньте уже что-нибудь. Список плохих новостей на этом не закончен!

И вот тут их прорвало. Терзая меня, как хищные птицы затравленную добычу, они, наперебой вставляя вопросы, выпотрошили из меня всё и к началу следующего часа были посвящены в детали всего моего дня. Поездка на рудник, лекция по физике, копание в сети. Мы вытянули уже по литру кислого и к концу рассказа я уже начал чувствовать, что всё под рубашкой завязалось брам-шкотовым узлом и что надо срочно чего-нибудь съесть, последний раз о еде, помнится, я думал утром. Я сказал, что пройду до стойки или автомата, не забыв спросить, не хотят ли они чего-нибудь тоже перекусить. Они отказались и махнули рукой. Когда я их покидал, они сыпали репликами в друг друга, практически не останавливаясь.

Я дошёл до стойки, но было уже поздно, никого не было. Тогда я посмотрел в сторону, где был автомат. Тот запрятавшись в тень, искусно манил своим горящим зелёным логотипом. Я устремился к нему, огибая спящих студентов, как мотылёк на свет. И когда был уже близок к нему, два голоса, один из которых мне был хорошо знаком, заставили меня остановиться. Я обернулся, силуэт знакомого голоса подтвердил мою догадку. Дело в том, что я был в сумраке зала, мимо меня за какими-то делами постоянно проходили люди, а силуэт стоял в проеме двери, в коридоре было светло и меня ему разглядеть было бы трудно. Он разговаривал с

кем-то, кто был не полностью виден. По их жестам было понятно, что они прощаются. Я не стал им мешать, решив дождаться окончания разговора. Я уже заготовливал фразы для встречи, но в последнюю секунду перед их расставанием в дверном свете мелькнули длинные тёмные знакомые выющиеся локоны, и всё, что я напридумывал стёрлось из головы. А обладательница второго голоса и изящного силуэта, отделившись от двери, сделала пару шагов и слилась с проходящей по коридору толпой. Я оплатил в автомате несколько пирожков “котлета в тесте” и, сложив горячий, так называемый, ужин в бумажный пакет, медленно поплёлся обратно к столу.

Когда я дошёл обратно до стола, силуэт обрёл форму давно известного мне человека. Грин, согнувшись над столом, своим высоким ростом нависал над остальными. Градский и Бертыч что-то ему объясняли, разговор уже видимо прошёл ознакомительную стадию. Когда я подсел, все трое отпрянули назад на спинки, как будто только что готовили заговор. Грин поздоровался, и мы пожали руки.

– Ну, что, Меркуции? Вы его тоже опросили на предмет шастанья по ночам? Что скажет наш мистер Грин? Стриженая блондинка или пышноволосяя брюнетка? – я специально его провоцировал, я знал, что он не расколется, но вдруг чем-то себя выдаст, я бы хотел знать, что за человек, по его

мнению, был с ним у двери, и что он для него значил. Ведь Грин, как мы все знали, никогда, если говорить о девушках, не встречался ни с кем. В противном случае я бы никогда его об этом не спросил. Но вот интересно, почему же именно сегодня он опаздывает по причине рандеву? Да ещё не предупредив нас? Это не было на него похоже. Он смотрит пристально своими зелёными глазами и как будто читает то, что я думаю. Ладно, выясним потом.

– Ты во что вляпался, Битвайзер? Этот профессор пока души наши не вынет – не уймётся. Ты, я понимаю, знаешь, что надо делать. И делать это надо не здесь, – он был непроницаем, и говорить с ним о личных встречах, даже когда был такой вроде бы отвлечённый повод, было, как всегда, невозможно. Впрочем, в нашей компании разговоры о личном были не часты, только если личное мешало встречам.

– Откуда такая уверенность, что не здесь? Может надо посоветоваться сначала с чего начать?

– Советоваться мы можем и в лаборатории. Бит, пошли уже, здесь мы ничего не начнём.

Глава 7 (пятница)

Парнас. Лаборатория

Мы ввалились под свет моих рабочих ламп. Я сразу взял небольшой таймаут, чтобы всё-таки перекусить под кофе. Пока я этим занимался, все заняли свои привычные места, побросав одежду, как попало, на несчастную вешалку. Включились почти все визоры. Стоял галдэж. Я допивал последние глотки, когда, перебив всех, начал Бертыч.

– Насколько я понимаю, нам надо по-очереди высказаться, – он был явно на взводе, – Вопросов, собственно, два. Почему взелся Эдисон? И что мы будем делать, если Битвайзер уйдет с должности?

– С Эдисоном он может уйти и из универа, – вставил хладнокровно Грин.

– В данном случае, это не так важно, – отвлёкся тот на него, – Важно, что мы будем с этим делать. И всё-таки лучше по порядку. Эдисон или кто-то из его студентов, или помощников, так называемых, отправляет тебя к Крабу на чай, заниматься неизвестно чем. И этот же Эдисон, зная или не зная об этом, просит Альбину заменить Битвайзера на своего спеца. Вопрос номер один: что нужно Эдисону, а точнее,

что на этом месте его привлекает? И второе – связан ли выезд с Эдисоном? Так? Или ещё вопросы есть?

Все замялись, кто почёсывая щеку, кто теребя воротник.

– Мне пока этих хватает, – отозвался мягко Градский, – Но начнём с первого. Эдисону всегда хочется чего-то большего. Этого в нём не остановить. Если он не найдёт это здесь, пойдёт куда-нибудь ещё. Что в должности этой есть такого большого, что больше, чем у него есть?

Он обернулся в мою сторону.

– Бит, вот кофе пьёт, а я скажу. У него же ведь здесь, – тут он ткнул в пол лаборатории, – ключи от всех дверей. Неограниченный доступ к данным. К любым. А может и ко всем. Можно следить за тем, кто что исследует. Если его цель – глобальная слежка за продвижением инфотехнологий и выборочный надзор за особенными в каких-нибудь меркантильных целях, то лучше места не найти. Это логично. Про выезд вот мыслей нет. Тут копать надо.

Грин вопросительно посмотрел на меня. Я на его жест ответил кислой миной с поднятыми бровями. За Градского продолжил Бертыч.

– Конечно, логично. Причём делать это не своими руками. Специалист свой, но если что, то вина на нём. А Эдисон, как всегда, чистенький. Другое дело с одним специалистом тотальный контроль не осуществишь. За все, что творится в Парнасе, в принципе не уследить одному. У нас целых штат системных администраторов. И каждому свое отделение или направление. А значит... А что это значит? А, оторви от кимоно! Значит это вот что – он уже нацелен на что-то. Или ему нужно это уже позарез, или в необходимо в принципе, то есть срок неважен, – когда Бертыч нервничал он начинал в речь вставлять резкие спортивные словечки и мять свои натренированные сильные борцовские руки, в такие моменты мне всегда казалось, что я наглядно вижу, как работает скульптор.

Грин в очередной раз медленно повернул голову в мою сторону. Я опять поднял брови, но теперь уже решительно отставил кружку и отодвинулся от стола. И в этот момент, я решился на провокацию, это было нечестно по отношению к друзьям, но мне показалось, что всё в итоге смогу объяснить, и ещё что характер прояснения всей ситуации не так уж и важен. Я решил отложить на потом сообщение из Кристального Города и посмотреть, что из этого получится. Было не очень понятно, кого и на что может спровоцировать отсутствие объяснений, но всё равно, скрывать что-то важное, было не очень хорошим поступком.

– У кого-нибудь есть идеи, что ему вообще-то надо? – задал я вопрос всем, – только конкретные, обстоятельные. Понимаю, у нас мало информации. Но я последние часы собрал всё, что мог, и машина до сих пор ещё что-то выискивает. Вот там некоторые распечатки. Но каждому я скинул ссылку на полный доступ по этому вопросу. Давайте все вместе ещё раз всё посмотрим, там информации – нам до утра, поэтому каждый час или под настроение будем совещаться по прочитанному. Если вы согласны, тогда не будем терять времени. Кофе у нас – залейся!

Теперь я обернулся к Грину. Тот, почти не шевелясь, затяжно посмотрел мне прямо в глаза своим зелёным проникающим взглядом. Потом кивнул, и мы все придвинулись к визорам. Легче от всех наших действий мне не становилось, но я надеялся немного развеяться в этой нашей странной работе и, как её итог, прояснить всё окончательно. Все понемногу погрузились в экраны.

Шёл четвёртый час из двадцати пяти положенных. Была чёрная промозглая ночь. Температура не падала, и снег, превратившись в струи воды, тёк по стеклам лабораторной. Улицы были накрыты тугим и массивным белым полотном. То тут, то там мелькали фары авто-уборщиков. Голова потихоньку просилась спать, но мыслей было так много, что

нечего было и думать о том, чтобы заснуть. В конце концов все переползли за обеденный стол и, разлив на четверых очередной литр кофе, устали молча друг на друга.

– Вот ведь жучара, – прервал молчание Бертыч, – теперь понятно, как он так быстро сделался профессором.

– У нас нет доказательств, – отозвался Грин, – то, что мы увидели за последние пять часов, может насобирать при желании каждый.

– Да, мы просто видим картину под определённым углом. Мы исходим из того, что изначально знаем о человеке, – Градский говорил и пил кофе, не отводя взгляда от пустой середины стола, – если бы это был кто-то нам неизвестный, то можно было бы сказать, что он просто одарён.

– Не может одарённый человек быть причиной увольнения целого отдела бухгалтерии. Сам при этом бухгалтером не являясь. Это же каким надо быть хорем, чтобы добиться этого ради поставки сплава для антенн от определённого поставщика. И хоть он и действительно лучше, причём здесь эти люди. Он ведь всё равно своего добился, так зачем их гнать. Слово “одарённый” мне здесь не подходит, – Бертыч опять взялся за руки, – “одарённый меркантильно” подходит больше.

– Мы опять до конца не знаем деталей, – не поднимая век, процедил Грин, – мы не знаем, что это за люди.

– Как и в случае с презентацией, я полагаю, – мой соб-

ственный голос звучал уже не так бодро.

– Да! Чёрт его знает, что там произошло у оппонента с аппаратурой. Но после выступления Эдисона, тот не смог продолжить ту конференцию. И хоть потом всё-таки представил свои материалы, его уже не слушали. А когда наконец-то услышали, не сочли достойными. Практика показала, что Эдисон был прав. А тому человеку, наверно, оставалось только зарыться с головой в песок. Да и тот не найти. Вот скажи! Нельзя без этого было что ли? – Бертыч говорил громковато, и мне в очередной раз не захотелось быть ему соперником на татами с таким вот его настроением.

– Всё равно ничего не нашли. Да, Бит? – Грин скосил на меня глаза. Я состроил согласительно-разочарованную мину.

– Если этому верить, человек этот очень расчётлив. Больше всего меня лично поразила история с экскурсией студентов дизайнерского отделения. Они же ведь поверили ему. Они же поэты графики. Многие из них настоящие художники. Выпускники школы искусств. Некоторые окончили высшие курсы. Они же согласились организовать галерею, чтоб айтишники узнали о чём задумываются их сверстники с соседнего отделения. А в итоге красочней презентации факультета ни у кого не было, и народ, вдохновившись, пошёл учиться на связистов. Эдисон – старший специалист факультета, а после набора галерея быстро закрывается. Может это всё и совпадения, но если это он, циничней, по отношению

к искусству, человека я не встречал. Я даже и не знал, что так можно поступать с художественными произведениями, – Градской осёкся, и с минуты все молчали.

Я отпил кофе. Новые мысли мелкой рысью пробежались по голове, я решил их озвучить.

– Мы ведь действительно не знаем наверняка, что он за человек. В отношении него у нас есть, как я вижу, два варианта. Или мы априори считаем его чёрной паучарой с этической точки зрения и далее не подвергаем сомнению эту мысль. Или нам надо составить о нём личное впечатление. Если да, то предлагаю каждому найти повод с ним пересечься, так чтоб с разговором, можно с полемикой, всё равно. А потом встречаемся и обсуждаем у кого какие впечатления. Суммируем мнение о нём, так сказать. Как вам?

– Да, что тут не понятного? – резко и сразу отреагировал Бертыч, – ты теорию вероятности учил? С какой вероятностью все эти события и остальные, о которых мы ещё и не заикнулись, могут случайно сводиться к одному человеку? Да, ноль-ноль и нет десятых. Я за чернолапа, чтоб время не терять.

– Да, но мы не можем полагаться на теорию! – Градский удивлённо поднял плечи, – личные впечатления надёжней.

– Чем надёжней? – не сдавался Бертыч, – ты при встрече тоже сразу не поймёшь, кто он. Ты ж не психолог.

– Я – человек, и это не теория. Невозможно составить правильного мнения о ком-то только по буквам да бумажкам. Ты ж всё равно что-нибудь да чувствуешь, когда с человеком рядом, даже если и молчишь. Это в нас от природы. И к этому мы и сами в ощущениях ориентироваться можем. Если хотим, конечно, – он серьёзно посмотрел на друга, – Думаешь я до сих пор не разбираюсь в людях?

– Так, недодворяне, шпаги в ножны, – Грин обвёл их взглядом, – встретиться с ним надо. Во-первых, как правильно говорит Бит, чтобы иметь своё мнение о человеке. Во-вторых, если у него действительно планы, то он может чем-то себя проявить. И в-третьих, самое главное, нельзя строить планы насчёт будущего человека, которому ты даже в глаза не посмотрел. В случае ошибки совесть молчать не будет. И мы так и останемся – недодворяне.

Аргумент подействовал. Некоторое время ещё мы сидели без разговоров. Видимо каждый думал, как найти причину для встречи с незнакомым человеком. Слышны были только затажные кофейные глотки и почесывание голов.

– А ты почему задержался? – спросил я Грина неожиданно для себя и для него. Грин перевёл на меня взгляд, взгляд ничего не выражал.

– Да, кстати? – поддержали Бертыч и Градский, – какое мифическое зелье варил наш зеленоглазый дьявол? При-

знайся честно инквизиции, и костёр не будет долго гореть!

– Вообще-то, у меня индульгенция на алхимию, сам папик отписал, как на духу, на то оно и духовенство, – продолжил тот тему, – но если честно, у меня такое ощущение, будто я побывал в Вальхалле, но почему-то вернулся.

– Видимо валькирия не дотащила, – улыбнулся Градский.

– Да, такого дотащи! – Бертыч улыбнулся первый раз за несколько часов, – сам-то, наверно, не поможет?

– Ты в каком бою-то пал? – добавил к разговору я, – сердечном что-ли?

Образно и отвлечённо шутить или размышлять было привычкой у нас. Это не означало, что нужно что-либо обязательно объяснять. Такой тон лишь давал возможность кому-то, если надо, высказаться и просто подчёркивал, что к человеку не остались равнодушны. Но отвечать или ввязываться в подобный разговор было, конечно, не обязательно. В этом и была прелесть шутки, что всё можно было обратить к смешному и забыть, как несерьёзные слова. Тот, о ком говорили, сам решал, что сделать серьёзным, а что нет.

Грин остро скользнул по мне глазами и все замолчали. Мы уже знали этот взгляд. Такой взгляд говорил нам всегда, что мы обратились к той стороне человека, которая является недоступной для других. Что об этом с ним говорить бессмысленно и бестактно. Делиться этим он никогда не будет.

И ещё этот взгляд говорил, по-крайней мере мне, что человеку больно.

– То, что я пал – это я точно ощутил, – медленно протянул Грин, обращаясь ко мне, – я бы к этому хотел вернуться, но потом. Хорошо?

Вопрос был почему-то явно задан мне, хотя все проявили любопытство. Вообще, хотелось отвлечься от Эдисона, получалось, правда, плохо. Мне показалось, что именно к нему я и вернулся после этого нехитрого расспроса. Хотя меня больше интересовал сам Грин. Грин – наш дружище, непонятное и до конца непонятое дорогое нам человеческое существо, с которым был пройден путь с самого первого курса через комнату на четверых в студенческом городке, через все учебные и коридорные страсти, через кипы обсужденных книг, через стычки с соседями, через танцевальные гулянки до утреннего упада, к этому моменту, когда он, немного потерянный, сидел передо мной и откладывал, видимо, очень важный для него сейчас разговор на более позднее время. И я ощутил в себе возможным променять весь этот загадочный мир на то, чтобы остаться только с ним и выслушать его сразу.

О чём-то мы ещё шутили, что-то ещё по делу было обговорено, а некоторые моменты были обглоданы до основания,

как мозговая кость. Кофе уже не лезло, и мы чувствовали, что нить беседы всё чаще теряется. Наши страхи улетучились, и всё было, как всегда в такие ночи. Градский эмоционально воспевал художественные замыслы, Бертыча заносило на крутых словесных поворотах, Грин едко критиковал любую даже самую бесшабашную, дурную и необязательную мысль, а я смеялся над этим всем, пытаюсь поумней вернуть не такое уж и умное слово. Было принято решение отоспаться и во второй половине дня собраться вновь. Надо было решить: что же конкретно с этим всем делать? От теории и анализа надо было делать шаг к практике. И ясно было, что шагать придётся основательный.

Глава 8 (пятница) Парнас. Лаборатория. Ночь

Когда все ушли, я уже знал, что останусь здесь. Такое у меня практиковалось, правда, редко. Единственное кресло лаборатории можно было превратить в одноместную кровать, с этой целью оно и было когда-то мной выиграно на спор в стрелковом клубе у одного пижона. Так чьё-то хвастовство теперь служит мне. Кто говорит, что пороки не служат честным людям? Впрочем, это я перегнул. До честного мне ещё далеко.

Я так и оставил компьютеру задачу сбор информации по Эдисону, только погасил визоры. На дне маленького шкафчика для одежды валялся мой местный спальный мешок. Разложив кресло и спрятавшись в спальник, можно было комфортно провести ночь, оставаясь в футболке. Конечно, для заведующего лабораторией в рамках университета, это выглядело дико и неофициально не приветствовалось. Но мне было всё равно, моя контора – мои правила. Официально ведь не запрещалось. Главное – не предстать перед студентами “ню”шкой. Поэтому замок играл ключевую роль, как бы там это не звучало.

Всё это и многое другое вместе с остатками кофеина бродило в моей голове, повторяясь почти слово в слово каждый такой раз. Надо было действительно отдохнуть. Но пока мыслей было много и ещё Грин не шёл у меня из головы. Своим сегодняшним взглядом он даже затмил мои размышления о Кристальном городе. Таким мы его не видели очень давно. А если точнее с начала знакомства. С этим взглядом он сидел один за столиком на вечеринке в одном из залов “Олады” по поводу посвящения новых студентов. Мы с Градским тогда искали, куда бы сесть. Он подозрительно сидел в одиночестве за шестиместным столом, хотя зал ломился от народа. Мы думали, он для кого-то держит места или важный настолько, что сидеть с ним нельзя. А оказалось, что он такой же, как и мы, новобранец, и такого важного, чтоб нам не присесть, он в радиусе километра не видит. Это тогда я не понял, почему его взгляд переменялся почти сразу на тёплый, колкость сошла на нет, и вечер для нас оказался таким чудным, что мы и забыли с чего всё началось. Теперь-то я знаю, что видя его состояние, с ним просто никто не хотел сидеть, может интуитивно, а может явно читая в его позе или чертах лица такое презрение и отчаяние, что в отношении предстоящего вечера хотелось пройти мимо и не портить понапрасну настроения. И ведь именно после этого вечера мы решили жить в трёхместной комнате, проснувшись в нашей двушке на своих кроватях и Грином на полу.

Представлять, что было бы, если бы мы то наше решение не отложили до утра, для меня порой являлось некоей забавой. Но сегодня всё было по-другому. Студенчество и хитросплетения знакомства нашей компании в голову не шли. Что-то тяжёлое начинало закручиваться и ворочаться внутри и, зная себя, я предполагал, что просто так это забыть не удастся.

В какую часть души люди не пускают чаще всего? Что-то очень личное. А женский голос в дверях – это точно очень личное. Он ведь на протяжении всей нашей дружбы не то, что не встречается или не ухлёстывает за кем-то, он в девичье лицо без надобности лишний раз и не взглянет. Откроет одной рукой дверь, чтобы вперёд девицу пропустить, а второй в карманнике будто что-то важное ищет. Ткнёт в лифте, не поднимая головы, локтем в кнопку, которую просят, и так и будет ехать до конца, глаза в потолок. Я почти уверен, что в дверях была Энжела. Ведь всё сходится: и голос её, и волосы. И интервью это дневное. Только вот лица я не видел, и шумно там было. Я могу и ошибаться. Но если нет, если это была она, почему он так мило с ней говорил, наперекор своим правилам. Или нет правил, есть что-то ещё. Ну, хорошо, просто говорил не так, как всегда. Но так, как мы хотели бы это видеть – свободно и открыто, без позёрства и кривлянья. И после этого заявить фактически о несчастье.

Тут явно что-то не вязалось. В моей голове, как фигуры на клетке шахматной доски у гроссмейстера, вспыхивали образы Грина: то он несчастный перед нашей встречей, то счастливый после, то опять несчастный при очередной попытке какой-нибудь девчонки познакомиться, то вновь счастливый в дверях зала, и, как конечный результат, чуть не убиенный горем при последнем разговоре с нами. Я не понимал причины такого поведения. Может мне не дано ещё это понять, а может дано только в случае сходных переживаний. Но если мы не знаем причины сердечных болей, что можем сделать? Мой весьма небольшой опыт, частично заимствованный из разговоров с другими людьми и может парой мимолётных книжек, где было что-то похожее, говорил, что кроме разговора ничего не поможет. Хорошо, если он будет по душам. Но и этого может не быть. Иногда человеку просто нужно поговорить с кем-то, кому можно довериться, просто ни о чём. Интересно, что для самого этого человека простой разговор и беседа с душевными откровениями могут быть одинаково значимыми. Поговорит так вот о вконец испортившейся погоде, последних спортивных новостей или о том, как раньше хорошо снимали кино, и уйдёт счастливый, как будто с сердца мешок цемента сняли, оставив в идиотском недоумении собеседника. Но это дело третье. Да и не об этом я. Надо поговорить с ним, вот что важно. И не совсем неважно, что он скажет. Помощь ему нужна, он открыто об этом говорит.

Потому что он не может что-то решить сам. Впервые за наше знакомство.

Я заворочался в спальнике, перед сном всегда никак не найти самую расслабляющую позу. Да ещё и с такими мыслями. Прислонив правую руку к голове, я тёр поочерёдно брови, как будто это помогло бы. Ладно, с Грином понятно, а что с остальными? Ни один из них не стал спрашивать меня, случилось ли что-нибудь ещё помимо Эдисона. И все были искренними, я так чувствовал, по-крайней мере. Я не увидел фальши ни в одном из них. Если честно, мне этого уже было достаточно, и наплевать, что этого недостаточно логике. Я готов довериться собственным чувствами в отношении друзей, а не выводам по поводу их поведения. Пусть даже и проиграю в будущем, но зато не буду чувствовать себя бездушным оптоволоконком, как уже почувствовал, когда не сказал про Кристальный город.

Кому, как и мне, сейчас в нём, не спиться? Хотя такие категории, как спать, в обычном понимании этого слова, ему не присущи. Кристальный город – это программа, написанная мной. Я писал её для своих тестов в области модельного программирования виртуального пространства. Это потом Грин с Градским предложили свои социальные эксперименты. А, воодушевившись, подключился и Бертыч. Я знаю, что она может, а что нет. Кто-то её включил, собрав воедино все мо-

дули, и что-то там стёр. Мне бы надо это выяснить побыстрее. И ещё, как и кто это сделал. Ведь судя по времени доступа, это был мой логин. Вопросов очень много, а время и возможности катастрофически убывают.

Мы теперь на прицеле у Эдисона, и действовать надо крайне осторожно. Трафик моего отдела, похоже, будет очень тщательно отслеживаться. Наверно, этим спецом. Может это он и достал мой логин в город? Или не он? Кто ещё тогда это мог? А если всё-таки он, то, ресэт всему, как?! Но это ладно, это мы ещё выясним. Но всё же в город надо попасть! Пусть он уже не такой целый, раз там что-то стёрли, но работающий. То, что стёрли – это мы, кстати, восстановим. Это самая маленькая проблема, резервных заархивированных копий всего чего угодно у меня тьмища тёмная. Но если программа будет работать, трафик сети повысится. Это сразу увидят. Программа не санкционирована кем бы то ни было, то есть нелегальная. Это даст железный повод завершению для меня моей должности. Это даст возможность Эдисону выиграть, во что б он там не играл.

Эдисон всегда похоже будет играть и играть прекрасно – так, что игры никто и не увидит. Количество чужих голов, кинутых в отбой, никогда учитываться не будет. Страшная мысль, которая не даёт мне покоя, что именно Кристальный город ему и нужен. В этом уверенности нет. Но это самое

яркое, что меня выделяет на фоне сетевых администраторов других отделов. Хотя кто их знает, что они там у себя за визорами делают? Но я почему-то уверен, что такие шалости, как гигантский нелегальный трафик от начальства они прятать не будут. Если его заинтересовала программа, то вряд ли ему есть дело до меня лично.

И тут, видимо, роли не будет играть, то, что я возглавляю, всю нашу админскую братию. По-сути, это просто функциональное назначение. Это не критерий программистской гениальности или запредельного трудолюбия. Почему-то вот так вышло, что назначили меня главным, а никто и не возразил. Мне подумалось, может я “против”? Но это назначение работе не мешало, и я остался “за”. И, в конечном счёте, мне не так уж и важно, главный я там или нет. Мне главное – быть в своей профессии. И если Эдисон перекроет путь в Кристальный город, то это может перекрыть и путь в профессию. А её ни ему и никому я не отдам. Должность не жалко, мог бы запросто пожертвовать, но он может и не успокоится, пока не закроет для меня дверь в Парнас. И в этом Грин прав, это вполне может быть. Но и это ещё не всё.

Прогнозируя всё это, я не мог не подумать об Альбине. Мне нельзя её подвести. Мы так давно знаем друг друга, и так давно работаем вместе. Я всегда ощущал её поддержку. Я увлёкся этой программой, нашим виртуальным городом

призрачных надежд. Я не поставил её в известность, чтобы лишний раз не беспокоить её по пустякам. Я замёл все дигитальные следы. Городу уже несколько лет, но я всё-таки где-то прокололся. И страшнее краха моих достижений, возможный крах её карьеры. Если я буду тонуть, то пусть она не протянет мне руку и сохранит всё достигнутое для себя. Но я её знаю, она не будет стоять в стороне. Значит, или надо это решить, не привлекая её к делу, или сделать так, чтоб не помогала, если всё пойдёт плохо. Всё это только моя вина, и я должен оставить её в стороне. Я не имею ни моральных и ни вообще каких-либо прав, чтобы рисковать хоть чем-то в её жизни. За добро принято платить добром.

Мне стало немного жутко от этих мыслей. Я вылез из спальника и подошёл к окну. За окном было всё ещё темно. В черном воздухе ошалело носились рваные хлопья снега. Снегопад за прошедший день похож только размялся и теперь набирал полную силу. Стекло было мокрое, но не замёрзшее. Любимая погода, казалось, хочет расправить во весь размах свои крылья и объять наш громоздкий, разлётшийся в гранитной пустыне мегаполис в себя без остатка. Я смотрел, шурясь, в окно, мне казалось, что там за линией уличного освещения, в непроглядной тьме ворочается нечто черное и необъятное, то, что очень хочет протянуть ко мне свои незримые тёмные щупальца и сдавить в них всего меня до самого сердца, не смотря на мои проблемы, незадачи, какие-то

дела и уж тем более бесплодные фантазии. Этому нечто не нужны мои отношения с этим миром, ему нужен только я, я любой, но именно настоящий. И вся эта снежная мокрая суета, которая мне одному лишь и нравится, лишь предлог, чтобы подобраться ко мне поближе. Не вызывая страха, всё это оставляло некий след безвозвратности. Я немного замёрз и с удовольствием забрался обратно в тёплое нагретое место. На этот раз веки налились тяжестью, и я не помню, как уснул.

Глава 9 (суббота) Парнас. Кафе.

Я вздрогнул, когда зазвенел будильник карманника. Несколько долгих секунд я пялился на маленький экран, пытаясь прийти в себя, поймать ощущение реальности происходящего и отогнать всё путанное и ложное из головы. Потом я его всё-таки выключил и долго мям лицо, чтобы обратно не уснуть. Очень хотелось пить. Чуть спотыкаясь и качаясь, я дошёл до раковины и открыл кран. Я сначала жадно глотал воду из холодной струи, а потом и вовсе засунул под неё голову. Моё тело сначала затрясло мелкой судорогой, а потом по нервам растеклись ледяные ручьи и всё внутри затихло. На какое-то время всё забылось и стало хорошо, пока не началось онемение. Да, мягким такое пробуждение не назовёшь. Но всё же, несмотря на недостаток сна, надо было, встать пораньше, пока все не пришли.

Продолжил я тем, что приоткрыл окно, включил музыку поживей да полюбимей. И сколько хватило дыхания прыгал на воображаемой скакалке, пока не повалился в кресло. Отдышавшись, я сходил и умылся под тем же краном. И только после этого поставил вариться кофе. Паузу перед его приготовлением я решил провести с пользой.

Я написал крупным почерком на листке следующее: “Кристалльный город”, “Эдисон”, “Рудники”, “Грин”, “Энжела”, “Друзья” и “Альбина”. Приклеил магнитом на доску, достал из шкафа свой лук, расчехлил и пристегнул тетиву. Невидимой стрелой я стал по-очереди целиться в надписи, как на соревнованиях, концентрируюсь перед выстрелом. Я должен был не только разбудить себя, но и заставить работать. Творчески и вдохновенно. Когда я почувствовал, что уже достаточно, убрал всё, кроме листка, и с кофе сел за компьютер.

Сначала “Кристалльный город”. Программу я запускать не буду сейчас, пока ничего не знаю о слежке за собой. Запуск включит разноудалённые компьютеры по всему зданию, каждый из них будет ответственен за свою часть, но мой возьмёт роль центрального и будет создавать город здесь в лаборатории. Это в свою очередь естественным образом повысит трафик, идущий на мой отдел. Трафик будет выше разрешённого. И хоть после выключения его следы будут удалены, этого пока делать нельзя. Можно работать только в отведённых пределах, чтобы не вызывать подозрений. Поэтому, прежде всего можно провести проверку всех частей программы, по очереди сканируя удалённые компьютеры на предмет хранящихся там данных, связанных со мной. И хоть так уйдёт намного больше времени, чем сканирование прямо из “Кристалл-Сити”, всё же это лучше, чем ничего.

Где-то с час я возился с запросным скриптом и оформлением интерфейса для получения отчетов. Должно было получиться простенько, но информативно. Я настроил дополнительное слежение за трафиком и снял задачу по Эдисону. Всё равно много за ночь не добавилось, а то, что пришло, не представляло особого интереса. Видимо, всё ключевое у нас уже было.

Следующая кружка кофе и задача “Рудники”. Компьютер, с которого был удалённый запуск полевой машины, находился в лекционном зале, где Эдисон читает лекции. Читает их он не только там, а там не он один. Доступ к лекционному компьютеру лучше иметь напрямую, то есть пешочком прогуляться и всё посмотреть. Удалённо, в нашем случае, работать небезопасно. Нельзя показывать интерес моей лаборатории к этому компу. Какие варианты санкционированного доступа у нас есть? Что-то там должно сломаться, что приведёт к моему вызову на место. А что там есть кроме компьютера? Допустим электронный замок. Если он дверь не открывает, кого-то же позовут. Почему не меня? А кому нужна дверь в выходной? Там сейчас глянем, есть там бронь на лекционную сегодня? Ага! Через два часа с лишним, там факультативный семинар. Кто ведёт? Некто Кронберг. Знакомая фамилия, но как выглядит – не помню. Не суть. Сейчас мы его найдем в базе пропусков. Так, вот он. Блокируем ему доступ к этой аудитории на три часа. Не забываем про следы.

Итак, надо быть поблизости, чтобы не сорвать семинар и добраться до компьютера. С этим тоже пока всё. Что дальше?

Я взглянул на листок. “Эдисона” лучше разбирать дальше коллективно, а значит с “Друзьями”. Вот следующая задача. Что мне делать с друзьями? Наверно, можно было бы подумать об их защите, а заодно превратить их карманники и лэптопы в удочки для нежелательных посягательств. С их разрешения разумеется. Для этого нам понадобятся программы защиты. Глянем, что у нас есть из подобного, лучше, если нестандартного. Помнится с одним светлоголовым студентом мы экспериментировали в этой области для его диплома. Светлоголовый, в данном случае, не внешность. Если мне память не изменяет, неграм такой эпитет не подходит. Но программа получилась, что надо! Диплом он защитил на “отлично”. Справили в “Олады” тоже, как надо. Побольше бы таких ребят! Значит так, когда придут поставим вот этот селф-софт, и посмотрим, что поймаем.

“Грин” и “Энжела” – есть ли связь между вами? Что она там мне говорила? “Стихийное творение”? Да, точно! Сейчас мы всё узнаем про этот клуб, точнее, что можно. И через него что-нибудь об Энжеле. Надеюсь, она меня туда звала неслучайно, как-то она там проявила себя. Даст ли мне это что-нибудь? А вот и посмотрим. Я через парнасовский поисковик нашёл их сайт, сделанный собственно для фору-

ма. Те, кто состоял в этом клубе, как собственно и стоило понимать из его литературного характера, жаждали общения в самом поэтическом смысле этого слова. Возраст участников мог быть любым, но все стремились быть авторами самого оригинального произведения. Вся суть клуба была в том, что человек не особенно стремившийся к литературной славе, но всё же пишущий по душевной надобности, не стесняясь любых форм, имел в клубе возможность представить местной публике свой труд. Все, кто стеснялся большой читательской аудитории и, соответственно, боялся объективной критики, могли преподнести всё здесь, где были такие же, как они, непрофессиональные, но не менее горячо любимые обожатели писательских фантазий. В основном там, в клубе на встречах представляли стихи или короткие рассказы, более объёмные произведения выкладывали на сайте и бурно обсуждали на форуме. Поставленная цель была – не писать в стол. Пусть написанное будет кривое и даже жалкое, но уж лучше хоть раз увидит свет. Авторы таких произведений не клеймили и не просили бросить, наоборот, рекомендовали остаться, послушать других и попробовать ещё раз. Из прочитанного мной было видно, что жизнь данного общества кипела страстями. Здесь были и белая зависть, и искренний восторг, и претенциозная полемика, и бесконечный поиск фраз, рифм, образов – всего, что могло бы автору помочь выразить задуманное. Здесь всё время было движение, хоть клуб был и небольшим. По разным причинам кто-

то уходил, и самым неожиданным образом появлялись новые желающие, оценить собственное творчество.

Наверно, Грину бы там понравилось. Но упоминаний о нём или его публикациях я там не нашёл. Конечно, он мог прятаться за псевдонимом. Беглый просмотр небольшого количества фотографий со встреч клуба, тоже ничего не дал. Но Энжелу я там действительно нашёл. Никакой особенной конфиденциальности она не использовала. Открыто представляла свои поэмы на суд людской и, если верить сайту, писала до сих пор. Я не очень разбираюсь в стихах, но то, что успел прочесть было эмоционально, несколько сумбурно, но может так оно и должно было быть. К её творчеству там относились благосклонно и ждали от неё новых произведений, её эта оценка не очень-то волновала, но, тем не менее, писала она, не прекращая. Личность она была творческая – это было ясно, как день. Такая же неутомимая одержимость к творению была и у Грина. В его публикациях в университетских журналах чувствовалась какая-то глубина к выбранной теме. Творение, прежде всего, выражалось в том, чтобы шире и объёмней осветить заданный вопрос. Всегда чувствовалось, что места в статье для этого не хватает. И так оно и было. Статьи им писались, как обязательный атрибут какого-то гуманитарного исследования. И вот в ходе самого исследования Грин не задавал себе никаких границ для творческой мысли. Мне кажется, порой у его коллег вставляли

волосы дыбом от его неординарных идей и чересчур кардинальных способов решения. Причём области его внимания были самыми разными: история, философия, лингвистика. Я сам уже стал запутываться на кого учиться и кем работает Грин. По-моему, он перепосетил все факультеты своего гуманитарного универа. Но везде были рады с ним работать. И самое главное работа давала результаты. Он пару лет назад ещё и музыкой увлёкся. Тёмная история, которая для нас закончилась свадьбой с его гитарой, с мальчишником и последующим путешествием молодых. Если он так и не додумался повесить её над кроватью, то, скорее всего, и сейчас спит с ней. В его данных слово “творческий” можно было писать вместо национальности.

Другими словами, путь Грина мог легко пересечься с “творением”, а там легко и с Энжелой. Хотя, конечно, клуб не единственная такая возможность. А Энжела хотела знать подробности нашей группы. И зачем мы её открыли? Хм... Да, тогда это был понт! Своя нашивка, которая другим ничего не говорит. Некий особый статус в “Оладье”. Перед другими такими же загадочными личностями. Самовыражение, так, наверно. Откуда могла Энжела самостоятельно узнать о нас, выяснить не удастся. Но если, познакомившись с Грином, увидела его нашивку, то вполне понятен мотив её любопытства. Это, скорее всего, объясняет её встречу со мной. Грин, видимо, ничего не сказал, вот она и совершила, так

сказать, обходной манёвр. Правда, есть вопрос, почему, если Грин не сказал, должен был сказать я? Что-то тут необъяснимое, но, пожалуй, хватит о них. Время близится к обеду, а я так и не позавтракал. Надо ещё об Альбине подумать, вот и совместим приятное с приятным, как бы там это не звучало.

Еды у меня не было и надо было идти в кафетерий. Я наскоро оделся в свою вчерашнюю обычную одежду, через голову накинул свою сумку с лэпом и всем прочим и, на всякий случай, надел очки. Хотелось скрыть от окружающих свой задумчивый вид, иногда, по неизвестной мне причине, это их раздражало. Время до семинара оставалось не так уж много.

Я вышел в коридор. Вдалеке стояла компания человек в пять и над чем-то громко смеялась. В метрах трёх от двери на полу сидел молоденький студент. Я и сам-то не очень взрослый, если уж на то пошло, чтоб так судить, но этот выглядел именно так, даже для меня. Не смотря на сидячую позу, было видно, что роста он небольшого, худенький, с тонкими чертами лица, на котором толком ещё не обозначились даже первые усы. Китель на его миниатюрном теле висел мешковато, рукава в обхвате были явно велики и, видимо по этой причине, были закатаны до локтя. Слева виднелись какие-то значки, правое плечо украшал шеврон второго курса. Недлинные волосы были взъерошены, глаза были уставши-

ми, а щеки бледны. Он с обеспокоенным видом строчил в лэптопе, весь его вид говорил о том, что всю ночь он не спал и из чата не выходил.

Во мне он не вызвал никаких подозрений, хоть такая мысль и промелькнула. Он никак не отреагировал на моё появление. Он был весь там, в переписке. Или в написании. Я не видел, что на экране. Я наверно простоял над ним с полминуты, пока он обратил на меня внимание. Подняв глаза и пробежавшись снизу вверх взглядом, он так его и не заострил ни на чём. Всё его существование было сейчас не здесь, а уходило, если верить взгляду, сквозь меня, через окно позади, куда-то за горизонт. Он опять вернулся к экрану и, потрепав себя по голове, что-то ещё написал. Я присел на корточки перед ним.

– Компанию мне не составишь на обеде? – спросил я без приветствия.

– Что простите? – опомнился он через секунду.

– Привет, говорю, – улыбнулся я, – есть хочешь? Приглашаю, пошли, если есть желание.

Он улыбнулся в ответ:

– Пошли!

В Парнасе в среде студентов и даже преподавателей есть такое понятие переросшее уже в местную традицию. Это “брудерброд”. “Пригласить на брудерброд” означает безвозмездно пригласить к своему столу любого из доступных окружающих. Получивший приглашение не обязан был ждать кулинарного изобилия. На глаз можно определить – напоят тебя просто чаем или угостят комплексом. Просто, как понятно из названия, по-дружески зовут перекусить. Звали, конечно, но не всех и не всегда. Умудрённые корифеи при определённых талантах умели этим даже воспользоваться целенаправленно. Но вся суть оставалась прежней: если ты богат для обеда, одинок по стечению обстоятельств и жаждешь недолгого общения – пригласи, на кого глаз упадёт, и, может быть, получишь отличного собеседника. Думаю, половина амурных знакомств начиналась в Парнасе именно так. И это при том, что общение со стороны приглашённого, также как и соглашение, не было обязательным. Просто отдавая дань традиции, званый гость отвечал словом на такой жест. Хотя с некоторой долей вероятности, мог попасться и молчун, но обычно такие люди отказывались от приглашения. Преподаватели, в основном сами бывшие студенты, не забывали о прошлом и точно также звали друг друга за стол, но, видимо из-за обретённого склада ума, разговаривали уже не о чём попало, а умышленно брали к блюдам и напиткам какую-то определённую тему для разговора.

Это и была причина моего приглашения. Он мне показался безобидным и ещё мелькнуло, что может нуждается в помощи вот такого вот случайного прохожего. Уж больно одновременно печальный и взволнованный вид у него. А я? А мне надо было отвлечься. Новые мысли пока что туго лезли в голову. И пока мы шли к кафетерию, не пришло ни одной стоящей или нормальной. А вот парень потихоньку оттаивал. Сначала молчал, но потом слово за слово разговорился и, когда мы уже взяли горячее, сыпал, почти не переставая. Мой интерес к нему, вообще-то, лежал на поверхности: чего с таким видом всю ночь переписываешься? Вопрос был задан скорее наугад. Не было оснований предполагать ещё одного человека по ту сторону его экрана. Да и ночь могла быть не вся.

– Я ей говорю, – объяснял он мне после недолгих предисловий и вежливых фраз для знакомства, – там же бактериальное месиво в этом лесу. Биологи с переменным успехом отвоёвывают место для станции. Ни для кого нет никаких гарантий в этом лесу, не говоря уже, что он находится за морем, на другом конце света. Там нужны те, кто занимается с живым материалом: микологи, флористы, этологи и прочие живодёры. Врачи там нужнее наконец! Ну, что там делать программисту? Да, бросьте вы! Я понимаю, что технику надо поддерживать на уровне, чинить. Все эти приборы для анализов. Но для этого, что мало желающих людей? Ей-то это

зачем? Вы ухмыляетесь, извини, улыбаетесь. Но ведь вы её не знаете! Она же совершенно тонкая и хрупкая. И внешне тоже. Это не для неё. Ну, если ты страстно желаешь проявить себя в профессии, неужели для этого надо так далеко ехать, когда здесь, в этом крупнейшем эпицентре инфотехнологий всё есть. Мегаполис есть, если уж Парнаса мало! Может поменяется? Да, нет. Вы её точно не знаете. Ну и что, что второй курс! Она перешла на спецподготовку для этой цели. Её сейчас не отговорить, а когда она здесь получит всё, это будет просто невозможно. Вы встречали упрямого человека? По вам не скажешь, всё объяснять приходится. Она уже не свернёт, и я не знаю, что мне делать и что ей ещё сказать. Хорошо, что она мне ещё отвечает. Почему чат? Да ещё со школы так пошло, ещё с записок на переменах. Мне лично всё равно, как общаться. Да и она не против. Не в этом дело!

Он вдруг сник. По его лицу опять пробежала прежняя печальная задумчивость. На какое-то короткое время он перестал есть. Потом снова стал продолжать, но уже гораздо медленней.

– Я могу её там потерять. Она обязательно там в кого-то влюбится. Там, наверно, все претенденты будут достойны. Это ещё полбеды. А если погибнет? От вируса? Как мне тут тогда жить? Я и сейчас не понимаю, как жить, если она уедет. Я ведь здесь собственно из-за неё. Что мне эта информаци-

ка? Учусь для галочки, чтоб профессия была. Если бы она пошла в педагогику, был бы и педагогом. Лишь бы рядом с ней. Лететь вместе? Да, я думал об этом. Просто из-за постоянного страха за неё, как работать-то вообще? Тут бы я притёрся как-нибудь. Я за супер достижениями не тянусь. Это она гений. Но общий язык мы могли бы найти. А может и место работы. Да ещё, я боюсь, здоровье не позволит. Я на физкультуру-то в школе не всегда попадал из-за этого. А там? Я не пройду отбор, да и спецподготовку тоже. Это тупик для меня. Я всё время шёл за ней. И вот, что теперь?

На мой вопрос: знает ли она обо всём этом, он вспыхнул краской на щеках и чуть не поперхнулся.

– Да, вы что! Конечно, она не знает! Как не знает? Да очень просто. Не сказал, вот и не знает. Догадывается? Может. Она мне пишет в ответ, даже если я пишу совершеннейшую бессмыслицу. Мы иногда встречаемся. “Оладья” там, коридорные посиделки. Я до этого момента всегда знал, как мне себя вести, чтобы присутствовать в её жизни. А теперь всё пропало? Может она уже встретила того, кто пригласил её на эту станцию? Что? Люблю? Да, наверно, люблю. Я не знаю, как и с чем сравнивать это чувство. Я знаю, что не могу без неё никак. С того самого времени, как она попала к нам в школу. Простите, что вы сказали? Вдруг останется, если скажу? Если она относится ко мне также? Нет, это вряд ли.

Она же гениальна. Сколько медалей для школы с городских олимпиад! Математика, физика, химия, позднее и информатика. Я даже никогда и не претендовал на участие. Так, играл роль второго плана в спектакле перед выпуском. Но это ж ерунда! У меня за эту ночь кончились все слова для неё. Я не знаю, что дальше писать. Я не знаю, как пойти на встречу к ней. Я не знаю больше, как себя с ней вести. Ведь если она узнает, про то, что я без неё не могу, она может... Она, возможно, должна будет отказаться от меня. От моего присутствия. И это может вывести её из равновесия. Вдруг я этим сломаю что-нибудь из всего того гениального, что в ней есть? Это будет ещё хуже. Как вы думаете? Не знаете. А я думаю, что знаю. Точно будет хуже. Она должна оставаться гениальной и дальше. Это её дар. Что я против этого дара? Меня всё равно никто не заметит. Да, и не замечал особенно до сих пор.

Чем дальше он говорил, тем больше мурашек набегало у меня по правому плечу и кусок переставал лезть в горло. Вот человек, думал я, всю жизнь любит и сказать всю эту жизнь об этом не может. Многие влюбляются и только об этом и говорят. Пишут длинные письма, сочиняют стихи. Встают на колени с цветами. Всячески ищут ответа своим чувствам. Им необходим ответ от человека, к которому приковано самое повышенное внимание: любят ли их также? И если да, то это запредельная вершина счастья, и если нет, самая глубокая

пропасть разочарования. Искренне ожидая ответ, они не задумываются о том, что будет с ними дальше. Но не этот.

Молодой человек, сидящий напротив меня и почти допивший витаминный коктейль, уж слишком разоткровенничавшийся на “брудерброде”, ответа не ждёт. Следуя своему чувству, он ещё более бескорыстно и искренне оставил в стороне собственную жизнь. Альтруист, такие чистые всегда были редкостью. Как он собирается жить, меня почему-то не волновало. Было ясно, что трудно. И при определённых обстоятельствах может и невозможно. Но в нём не было отрешённости от действительности. Наоборот, он мучительно искал ответ, как остаться в ней. Он хотел жить. Не умереть за любимого человека, а именно жить. Для него. Реальность же этим чувством губила его неотвратимо. Но он в этой реальности всё равно хотел оставаться, потому что в ней была “она”.

– Станислав, – сказал я ему, прервав, – у вас ещё есть время. Оставьте мне свой контакт, если хотите. Если мне в голову придёт стоящая мысль, я обязательно поделюсь ею.

На том и порешили. Он скинул мне в карманник контакт, и я ему приписал ник “последний романтик”. Когда я покидал кафе, обернулся. Он сидел за столом уже за ноутбуком, сдвинув к краю посуду. Мой взгляд он не заметил, но сам

был заметно счастливей то ли оттого, что поел, то ли оттого, что выговорился, то ли от полученной призрачной надежды. Я твёрдо решил подумать над его проблемой и оставил в карманнике себе напоминание о нём через неделю. Сейчас я точно помочь ему не мог.

К аудитории семинара я уже почти бежал. Хотелось написать сообщение для Альбины, что-нибудь вроде: “Беспокоится не о чем. Отчитаюсь в понедельник.” Она и выходные проведёт спокойно, и это будет лишней гарантией её непричастности. Но точную фразу я так и не придумал, так как впереди у нужной мне двери толпился народ и мысли о сочинительстве сразу покинули меня.

Глава 10 (суббота)

Парнас. Лекционный зал.

Профессор Кронберг, невысокого роста полненький мужичинка с видными залысынами пытался открыть замок. Брови его были задумчиво сдвинуты, губы сморщены и надуты. Он напряженно всматривался в ответную световую индикацию, явно не понимая, почему вместо ожидаемого зелёного горит красный. Когда я подошёл к нему вплотную, он, наверно, попробовал срабатывание пропуска раз десять, то быстрее, то медленнее поднося его к считывателю.

– Здравствуйте, – обратился я к нему, – что, не работает?

– Добрый день. Да вот, – она безнадёжно всплеснул руками, – а вы простите кто? Вы на семинар?

– Нет, я системный администратор, спешу на встречу, а тут вы! – я ему улыбнулся, – сейчас я вам помогу.

– Буду очень не прочь, а то сами видите, – он обвёл стоящих за ним молодых людей взглядом, – срывается факультатив!

Я взял его пропуск и открыл лэптоп, поставив его на ближайший подоконник. Я бегло пробежался по расписанию

аудиторий. Меня интересовала ближайшая к этой. Как я знал уже до этого, она была пустая. Я быстро переоформил ему лекционную и протянул пропуск назад.

– Идите в соседнюю, здесь какая-то проблема, а вы, я вижу, торопитесь, – я отдал ему пропуск, и он быстро, не теряя времени, прошагал дальше по коридору, уводя за собой шушующихся студентов. Пропустив всех вперёд и перед тем, как зайти самому, он мне слегка поклонился с нескрываемой лёгкой улыбкой. Дело было сделано, аудитория теперь была моя.

Преодолев дверь, используя пропускной код профессора, я зашёл внутрь. Было тихо и пусто. Свет едва пробивался сквозь жалюзи, задавая серый тон тому, что находилось в зале. Я подошёл к небольшой лекторской трибуне. Внизу в специальной нише стоял мой искомый объект: типовой компьютер “С” класса стационарного исполнения.

Сейчас он был в спящем режиме, но прежде чем заставить его очнуться, я отсоединил сетевую оптику. Вместо неё я воткнул сетевой кабель от ноутбука, и через минуту оживший сетевой адрес замаячил на моём визоре. Сетевой служебный вход со стороны внешней панели я предусмотрительно не стал использовать. Очень быстро я получил доступ ко всему, что было на файловом диске. Что я, собственно, ищу?

В моём ноутбуке чего только нет. И направившись сюда, я знал, что искать буду следы хакера. Пока не будем гадать кто он. Но надо было быть готовым ко всему. Поэтому все возможные защитные программы и анализаторы сети были наготове. Как, собственно, и я.

Первым красным сообщением вспыхнул антисканер сетевого адреса. Кто-то пытался прочитать мой номер для отслеживания. Потом всплыла черберная программа по защите паролей. И в довесок ко всему начала активно работать утилита по слежению трафика, приводя его высокий уровень в норму. Другими словами данный компьютер сам пытался меня взломать. Компьютер лекционной аудитории не мог себя так вести. Над ним явно кто-то поработал с целью найти всех, кто проявит интерес к машине. Пока мои защитники боролись со взломщиками, основная заготовленная программа загоняла в архив все данные какие могла только найти. Всё, что отличалось от всего стандартного, что могло иметься там, и то, что лежало дополнительно. Это, конечно, брало какое-то время. И это был огромный минус для меня.

Я сразу понял, что если этот компьютер был с сюрпризом, то он мог быть и не один такой. За его сетевым присутствием могли и следить. Так что, хоть он и не мог своему адресату ничего послать физически, но то, что он, вообще, пропал,

другой компьютер мог узнать и сам. А значит, кто-то поспешит сюда, прояснить в чём дело. Попасться мне было нельзя.

Я взглянул на визор, до выполнения задачи оставалось десять минут расчётного времени. Везло, данных было немного. Я рванул к двери, будем надеяться лэп справится сам. Я осторожно выглянул в коридор. Ни с одной, ни с другой стороны никого не было видно. Но просматривалось здесь всё очень хорошо. Бежать в какую-либо сторону надо было метров сто. Если кто выйдет с другой стороны, обязательно заметит. А может и успеет сфотографировать. А может и догнать. Я почувствовал, как начал теснить воротник. Приходилось рисковать.

Прежде чем вернуться к лэптопу, я, на всякий случай, продел через ручки двухстворчатой двери ножку стула. Двери открывалась наружу. Это должно было задержать на несколько секунд неожиданных посетителей. Стул держался не очень, так что большего от него ожидать не приходилось. Что же лэп? Восемь минут. Что ещё можно придумать?

Если придётся убегать, можно ли в окно? Я подошёл к огромным стеклам аудитории. По ту сторону стоял светлый день. Снег небрежно валил на улицы, судя по всему такой же мокрый, как и вчера. Никакого архитектурного перехода на соседнюю крышу или чего-нибудь в этом роде. Отвес-

ный бетон и стекло. Единственное, что можно, просто открыть окно для отвлечения внимания. Может, кинется кто-то к окну и не заметит меня под партами, решив, что я сбежал через окно. Можно попробовать. На встроенном в раму окна пульте управления я выбрал режим открытия 45 градусов. Окно медленно начало поворачиваться вокруг своей вертикальной оси. В появившийся проём мог влезть человек. Аудитория стала быстро наполняться холодным продирающим воздухом. Снежинки, влетая с этим уличным дыханием, от тепла брызгами оседали за ближайшими столами, как опоздавшие студенты.

Я вернулся ко входу и вытащил из ручки стул, оставив его наготове. Во мне всё зудело, пот залил всю спину, я опять осторожно выглянул в коридор через приоткрытую дверь. Было тихо. В этом загадочном карауле я просматривал одну сторону коридора, и прослушивал другую. Это было – не пойми что, но выбирать не приходилось. Я мысленно считал минуты и, не смотря на это, то и дело подносил к глазам руку с наручными часами. Время подходило. Наступала самая последняя минута. Теперь медлить было нельзя.

Ещё раз, забаррикадив дверь, я бросился к компьютеру. На визоре горело священное “задача выполнена”. Я вернул кабель на место, в надежде, что мои данные никуда не ушли. Сгрёб лэптоп в сумку и резко перекинул через голову

лямку. Оставалось окно. Была, ни была, я запер дверь снова. Опрометью я кинулся к оконному пульту и, нажав кнопку, вложил, что есть сил в бег до двери. Одежду на мне можно было выжимать. Я опять освободил двухстворчатый капкан насколько быстро, насколько это было возможно. Ну, последний рывок. Я выскользнул в коридор и провёл по замку пропуском. Раздался звук блокировки.

Мне повезло, что я пошёл в направлении аудитории, где засел в блаженном приобретении знаний неведомый мне факультатив. Позади и, судя по звукам, вдалеке я услышал чьи-то голоса. Думать времени не оставалось и, всё ещё держа в руке свой пропуск, который оставался запрограммированным на имя Кронберга, я шумно и неожиданно для тех, кто был за дверью, вломился на это субботнее собрание профессора и студентов. Я быстро закрыл за собой дверь, все в лекционном зале молчали и с видом резко оборвавшегося разговора устремили на меня свои взгляды. Вообще, это было не в правилах университетского тона.

Я не знал, нужно ли мне бояться голосов позади. Но было бы разумно немного переждать здесь. Надо было быстро раствориться в присутствующих.

– Извините, профессор, – я сделал несколько смущённый вид, – не мог бы я подождать у вас на факультативе техника.

Он будет только через два часа. Мне было бы приятно у вас посидеть. Я не помешаю, – добавил я уже совсем добродушно и с улыбкой.

– Конечно, конечно, проходите, – профессор сделал пригласительный жест рукой, – вы нам сегодня очень помогли.

Я быстро прошёл на противоположный от двери край зала и сел недалеко от ближайшего студента. Факультатив продолжился, я его не слушал. Быстренько достав лэптоп, я уткнулся в программы. Самое главное для меня было сейчас до конца замести дигитальные следы моего прибывания в аудитории Эдисона. Итак, Кронберг, который сейчас учтиво объяснял любопытным молодым людям, которым хочется поучиться и в выходной, непонятные мне теории и водил световой указкой по выведенным на большой лекционный визор графикам, должен был отныне и навсегда быть связанным именно с нынешней аудиторией. Пришлось опять вскрыть несколько парнасовских баз данных, но теперь на основе сделанных мной исправлений никому и голову не могла прийти мысль обратиться к нему по поводу аудитории Эдисона. Я ещё раз проверил, сделал ли я всё правильно. Даже если кто и придёт к нему лично, и он вспомнит меня, доказательств не будет. Он не видел, как я входил, в компьютере об этом ничего нет. Я немного расслабился, ощущать на себе мокрую рубашку было не очень приятно, но это были по сравнению с остальным комфортные неудобства. Ком-

фортные, потому что... Я не успел продолжить, лекция оборвалась.

Над дверью беззвучно мигала зелёная подсветка. Это означало, что кто-то стучался. Войти и присоединится, или может спросить о чём-то у лектора, мало ли что. Для тех, у кого в данный момент доступа не было, дверь не открывалась. Тот, кто был внутри, решал открыть или нет. Кронберг, виновато улыбнулся студентам и пошёл в направлении двери. Дойдя, он сначала осторожно приоткрыл её, а потом, немного высунувшись наружу, что-то быстро сказал. Судя по его виду после закрытия двери, это было что-то вежливое и малозначительное. Всё ещё улыбаясь, он прошёл за кафедру и продолжил. Я сидел, обомлев, не чувствуя не только рубашки, но и всего тела.

Как мне отсюда выбраться? Судя по времени, сначала факультатива прошло немного больше получаса. Значит, он будет ещё идти час или около того. Нужен был кто-то в коридоре, посмотреть не ждут ли там меня. Кто бы мог прийти за такое время? А кто вообще на ногах? День ведь уже всё-таки.

Карманник говорил, что оставшаяся троица не спит. Но на самом деле на мою переписку ответил только Градский. А он был в мегаполисе за каким-то делом и всё равно не успевал. Я дал ему отбой и решил действовать сам. Время что-нибудь

придумать было с лихвой.

Ближайший ко мне студент увлечённо участвовал в факультативном занятии. Он то и дело задавал вопросы, заносил выданные профессором идеи сразу в свой лэптоп и ещё умудрялся делать какие-то пометки в блокноте карандашом. Вихрастая копна волос то и дело ему мешала заниматься. Он всё время стряхивал их с лица привычным движением и, казалось, не замечал. Свой китель второкурсника он бросил рядом, он лежал так, что не было определённо видно нашивок, но одну я всё же узнал. Чёрный треугольник с изображением бегущего человека. Это была спортивная секция спринтеров.

Это было в принципе всем, чем можно было располагать. Что ж, оставшееся время хотелось использовать на умственное составление точного плана побега. Итак, спринтеры. Когда все будут собираться, можно поинтересоваться клубом и, расспрашивая его по-приятельски, выйти с ним почти в обнимку. Главное, чтобы со стороны выглядело так, будто мы давно знакомы и что я такой же участник факультатива. Занять его необязательным разговором до конца коридора, а потом расстаться, чтобы и он по возможности не вспомнил меня. Свой китель, конечно, надо снять и нести смятым, чтобы не было видно, что на нём. Задуманное для меня было осуществимо, можно было добавить ещё маскировки: зака-

тать рукава рубашки, взлохматить волосы, очки обязательно убрать. Надо было больше походить на студента.

“Формат меня,” – вдруг вспомнил я об Альбине, – “что интересно она подумает, если узнает, чем занимается её подчинённый. Я, собственно, думал, что история с Эдисоном – дурь, тогда у неё в кабинете. Сейчас – это уже чуть ли не полноценный доклад по форме. Академическая интрига. Она эти вещи не любит, но разделяется с ними мастерски. И пресекает их на корню. Отношения между сотрудниками отделения для неё прозрачны. Я сам, вообще-то, не всегда ей всё договариваю. Но она ещё ни разу за это не делала мне замечаний. Может, конечно, я вру убедительно. Ну, а сейчас, что я ей расскажу о том, что я делал на выходных и какие мои соображение по-поводу Эдисона. Про выходные она спросит как бы вскользь. Во-первых, этот вопрос не очень официальный. Право на частную жизнь у нас свято. Но всё равно он будет задан, чтобы перейти к главному – что я сделал Эдисону? И думал ли я об этом? Насчёт “думал” она не усомнится. Но, конечно, захочет знать найденную причину. Отговорки здесь не помогут и, по моему представлению, придётся врать уже конкретно и намеренно. Кто бы знал, как я этого не хочу. Да, и смогу ли в принципе? Это может у неё породить сомнения насчёт меня. И в итоге убьёт всё доверие между нами. Это тоже недопустимо. Хорошо, что ещё впереди полтора дня.

Так ничего больше путного и не придумав, я провёл время до конца факультатива. Как и предполагалось, пока парень складывал вещи, я ему наплёл, что интересуюсь обувью для спринтерского бега. Он охотно откликнулся на тему. Как оказалось, три из наиболее известных производителей делают стоящие модели. Я выспросил место ближайших соревнований, чтобы прийти и увидеть в действии. Он посмеялся над таким подходом, но что-то выудил из памяти и отдал мне. До конца коридора я превратился для него в малоинтересный субъект, который, пытаясь выучить названия цветов, хочет стать художником. А за дверьми профессора действительно ждал человек. Он был высок и молод в сравнении с ведущим факультатива. Я не успел его долго рассмотреть. Мне смотреть на него, вообще, не полагалось. Я нарочно обернулся один раз коротко через плечо пока шёл. Видимо, когда часть обмена любезностями закончилась, и он перешёл к самой сути вопроса, мы скрылись за поворотом. Потому что, профессор замотал через какое-то время головой в поисках меня. К этому моменту я уже расстался со студентом и наблюдал незаметно из-за угла за их встречей. Я смотрел так, чтобы видно было одного профессора. Через несколько секунд он виновато пожал плечами и протянул гостю руку. Я поспешил оттуда уйти, чтобы не столкнуться ни с кем из них.

Глава 11 (суббота)

Парнас. Лаборатория.

Когда я вернулся к двери своей лаборатории, там уже топтался Градский. Он сказал, что не смотря на данный отбой, всё же подумал, что тревожить зря не буду, и приехал, как только смог. Собственно, не долго и ждал. Мы прошли внутрь.

Первым делом, я стянул с себя многострадальную рубашку и накинул её на вешалку. Пусть сохнет. Среди местных моих небольших запасов оставалась ещё белоснежная футболка. Я откинулся на кресле с голым торсом, положив её на колени. Мне надо было перевести дух.

Градский же, оглядев меня, хмыкнул и, ворча что-то себе под нос, пошёл за кофе. Утренний его не устроил, и он заварил новый. Он был очень прилично одет для выходного. Был весь какой-то чистый, выглаженный и благоухающий. Движения его отдавали точностью, ни одного лишнего. В самой его рослой тонкой фигуре не было ничего лишнего. Гладкое лицо, уложенная причёска. Такая тонкая грань в нём было: то ли он собирался куда-то пойти, то ли просто воодушев-

лённое настроение. Вид, правда, у него был задумчивый, на чём-то он был очень сосредоточен.

Но вообще, во всём его виде не было так уж много удивительного. Оделся человек прилично. Одел костюм более новый для свободного времени. До запонок дело не дошло, но, тем не менее. У него было хорошее настроение, когда он одевался. Не могу представить, чтобы было плохое. И ведь он, а я сейчас говорю уже не абстрактно, я имею в виду, конкретно моего друга, одевает так уже сравнительно давно. Уже давным давно наш Градский не может прийти на лекцию послушать, я уже не говорю, прочитав без подобающей одежды. А так он уже долгое время каждый день или слушает, или преподаёт, то и одежда эта стала со временем обязательной частью его собственного этикета. Я уже не помню его без пиджака. Этот его вид, мне кажется, даёт ему возможность, одеваясь, настроится перед выходом утром на то, к чему он сам внутри устремлён, и что в этой одежде снаружи не увидишь. Он не очень ценит её в течении дня, но с утра он должен быть опрятен. И чем тщательней собирается, тем выше, может быть, цель намечена на сегодня. И цель эта не обязательно внешняя: дневной доклад или вечерний концерт. Но без неё явно всё это не обходилось.

К чему готовился с утра мой друг, мне было непонятно. Но я знал, что и Бертыч, оставляя за собой свободный стиль,

всегда одет так, что смотреть приятно. Как говорится, всё на нём идёт к лицу. Я уже молчу о Грине. А вот сам я, немного равняясь на них, так и не смог к одежде относиться менее равнодушно. Она должна быть просто чиста, а во всё остальном – я просто ношу то, что носят другие. Мне стало немного стыдно за свою неразборчивость, да и за вид свой тоже. Сидеть я уже не мог. Я встал, подошёл к крану, вымылся под ним, как смог, вытерся полотенцем и оделся.

– Ну, говори, – обратился я к нему, когда он сел напротив меня и облокотился на стол, повернувшись к нему боком. Одну кружку с кофе он дал мне, другая, поднимая паром аромат, стояла рядом с ним.

– Я придумал, как поговорить со Строугом, – едва улыбнулся он, – есть более-менее официальный повод. Как раз в понедельник всё можно и устроить. Много времени это не займёт.

– Ну, и хорошо, – приободрил его я, – так чего тогда такой загадочный?

– Видишь ли, – начал он, – я, как ты знаешь, работаю в области графического дизайна. Вся наука этого направления в том, чтобы приложить к творческой мысли автора-программиста эргономику для использования его идеи. Выдуманная кем-то программа должна иметь удобную оболочку. Интерфейс. Ну, ты знаешь, чего тебе объяснять. Но представь, что в понятие эргономики входит и эстетика. Мало того что про-

грамма должна быть функциональна и удобна, она должна быть красива. Спроси – зачем? А потому что, тот, кто её будет использовать и может быть очень часто, должен почувствовать красоту. Ты ещё раз спросишь – зачем? А я тебя тогда сам спрошу – зачем людям вообще что-то чувствовать? Ты ведь сам не против чувств. Но времени порой мало из-за однообразной работы и чувства от монотонности притупляются. Чувства перестают работать. Но ты представь, что все вещи, касающиеся твоей монотонной работы, имеют эстетическую ценность. То тут, то там ты чувствуешь, что вот это красиво, а вот это не очень. Чувство познания прекрасного постоянно работает. Не мешая творческой и идейной мысли. Глядя на интерфейс какой-нибудь программы по работе, ты постоянно ощущаешь, что работаешь с чем-то прекрасным. Как при этом будет вести себя твой энтузиазм? Будет выше или ниже?

– Ты предлагаешь всё сделать красивым? Но красота субъективна! Не может одно и то же нравится всем. Как ты принципиально сможешь каждому угодить?

– В этом и есть вся наука! Весь научный подход. Сама идея не угодить каждому, но развить постоянное наблюдение за тем, что красиво, а что нет. Ты вот не задумываешься красив ли холодильник? А что если б задумывался? Холодильник, дом, улица, город, всё вокруг. Что будет с миром, если кроме всех практических целей ещё преследуется и иррациональная. Каким он будет? И какими в нём окажемся мы? Я, ко-

нечно, не такой романтик, каким, наверно, мог бы быть. Но именно так я отношусь к своему направлению. К своей работе. Ты это тоже знаешь. Но сегодня в полисе я был на выставке одного старого художника. Он себя в чём только не попробовал. Скульптура, живопись, инсталляция. Сколько направлений он перепробовал. От работ более ранних к поздним видно, как оттачивается рука и мысль. Видно, что всё ещё мало сделано, требуемый результат не достигнут и поиск не завершён. В конце выставки удивляешься, что она закончилась. Он на ней сегодня был, и я его впервые увидел, хотя, так сказать, не первый раз в гостях. У него волосы насквозь седые и морщины глубиной в сантиметр. Я с ним поговорил недолго. Конечно, он будет продолжать, образы приходят и стремление есть. Но он прожил почти всю жизнь, делая именно нечто иррациональное, красивое и совсем не имеющего прикладного применения. А я? Я так смогу? Или смог бы? Стоит ли моё стремление к симбиозу красоты и практичности чего-либо? Может это совсем неверная мысль? – он ухмыльнулся, – Ладно, мой план насчёт Эдисона таков...

Он примерно с полчаса рассказывал, что да как, пока я не понял в точности, что он хотел. В принципе всё должно было получиться за исключением того, что вообще-то ожидалось. Ну, будет встреча, поговорят они, но, как и что он поймёт при этом, и поймёт ли хоть что-то об этом человеке, мне вдруг стало неясно. Я слегка засомневался в этой идее

личного контакта. Может отказаться пока не поздно. Ведь я, как ни крути, может, подставляю под удар своих друзей. Они, правда, так не думают. Они думают, что сами мне помогают. Но не скажи я им ничего, всего этого не было бы. Но с другой стороны, зачем тогда друзья, если всё носить в себе. Они самостоятельные люди и имеют право сами решать, помогать мне или нет. Встретится он с Эдисоном, обменяются любезностями и разойдутся краями. Такая ситуация и без меня вообще-то возможна. Может зря я переживаю. Может ничего плохого и не случится. И не может случиться.

Мало по малу я сам себя успокоил. С кофе был уже перебор. Я в себя опрокидывал уже третью кружку, надо было остановиться. Чтобы сменить в себе плавающие неясные мутные, как пелена ощущения, я подошёл к крану и долго тёр лицо холодной водой. Когда лёд стал пробирать, я ещё немного постоял, нагнувшись, чувствуя, как по щекам сбегают капли.

– Бит, а почему ты всё время один? – спросил Градский вдруг, но я даже задуматься над ответом не успел, входная дверь открылась и к нам, держась под руку и о чём-то смеясь, практически ввалились Бертыч с Миленой.

– О, привет, Бит! – обратилась Милена ко мне, – и вам привет человек в соломенной шляпе!

– Да у него нет шляпы, – сдерживая смех, еле выговорил

Бертыч.

– Ах, да! Видимо съела корова, которую проиграл, – парировала тогда она, Бертыч прыснул и загнулся от смеха, – вы уж извините нас за наше не кончающееся хорошее настроение. Знаете, как зарядило с утра, так и не отстаёт. Эко его крючит! Любимый, ты там живой, у тебя спортзал вечером, не надо сейчас увлекаться упражнениями на пресс.

– Да, вы поделитесь, мы тоже не против посмеяться, – успел вставить я. А Градский наклонился к Бертычу и добавил, – шляпу, не смотря на проигранную корову, мне вернули. Стаканом парного молока.

Тот совсем загнулся, не звучно сотрясаясь в глубине кресла. Мы с Градским наперебой помогли снять Милене её элегантно пальто. Я пошёл заваривать для неё чай, предоставив дальнейшее ухаживание одному из друзей. К счастью чай почти закончился. Всё дело в том, что небольшая коробочка этого оригинального душистого напитка, была куплена мной именно для неё. Кофе она не переносила, но хороший чай пила на посиделках с удовольствием. Правда, в лаборатории мы пересекались не часто, и поэтому чай в коробке кончался не быстро. Хотелось заварить ей чего-нибудь новенького, но докупить ещё что-то всё время почему-то забывалось, и приходилось обходиться тем, что есть. Но сейчас, когда сушёных маленьких листочков осталось слишком мало, я обязательно пойду в магазин и выберу что-нибудь оригинальное, что, на

мой взгляд, соответствует её вкусу.

А вкус у неё был отменный во всём. Вроде бы простое платье, которое было на ней для этого несерьёзного дня, но оно подчёркивало в ней всё. Фигуру, стиль жизни, манеру поведения, настроение и все те жесты, к которым она прибегала сейчас, и все слова, которые из неё лились, подогревая разговор. Я никогда не видел, чтобы она скучала. Чтобы хоть раз холодная задумчивость оттенила её лицо. Тем, кто её не знал, со стороны могло показаться, что у неё нет проблем или нет дел, поэтому и нет проблем. Но мы-то знали, что работой и профессией она поглощена не меньше нашего, а может и больше. Те, кто также погружаются с головой в любимое дело, понимают, что без бед и трудностей там не бывает. Но даже без этого мы знали, что с преодолением следующей научной ступеньки у неё трудности. То ли таланта не хватает, то ли опыта маловато ещё. Она уже два раза безуспешно защищала свою новую работу и сейчас готовилась к третьему разу. Но на лице ни на одну секунду, даже в момент провала, не пробежало ни намёка на расстройство. Плохо и неудобно становилось за неё нам, мы чувствовали, что надо что-то сделать, как-то помочь, но она сама нас приободряла, приподнимая своим тонким пальчиком наши носы. Оставалось только улыбнуться и идти дальше. Что она и делала, искусно минуя весь этот временный упадок настроения. Очень светлые почти прямые её волосы так подчёркивали яркую

улыбку, что нельзя было дольше секунды оставаться с осадком грусти из-за неудачи.

– Признайся, Битик, вы тут что-то задумали, – она пробежалась по мне своим очаровательным взглядом, – он всё утро твердит мне под руку хорошему настроению про какую-то встречу. Милый, если ты с кем-то встречаешься, я тебя заживо мумифицирую. Ты знаешь – я химик, я в этом разбираюсь. Возможно, на тебе этот процесс будет осуществлён частично. Я тебе составлю список для выбора частей тела. Учти, он тебя не порадует. Что он там шепнул ему на ухо? Ну, вот опять заливается. Так о чём мы? Ах, да. Он ищет встречи. Причём его интересуется небрежный повод для неё больше, чем сама встреча. Вот у меня к тебе вопрос, – тут она на мне подольше задержала взгляд, но при этом теплота в нём не убавилась, – вы вчера вообще-то компьютеры включали? Или ваши посиделки начинают носить несколько иной характер?

“Ну, ты и трепло!” – подумал я про Бертыча. Хотя кто я такой, чтобы судить о прозрачности в отношениях между любимыми людьми. Может это и к лучшему, когда есть такое доверие. Когда всегда рассказываешь, что происходит за день, и при этом не боишься нарваться на осуждение или ещё хуже – равнодушие. И что бы ни случилось, находишь заботу о себе, а не восторг и похвалы или подозрения с по-

учительностью.

Она шутит, но она обеспокоена за него. Она явно понимает, что произошло нечто серьёзное и уж, конечно, это не касается личной жизни. Она переживает за него, может, кстати, и по её инициативе они пришли вместе сегодня. Вообще-то, она это место не жалуется. Она любит быть с нами, но не в этой конуре, где и делать нечего, и посмотреть не на что. Там, в мегаполисе она одинаково готова в нашей компании быть на премьере новой светомузыкальной постановки или до ночи в зарничном комплексе играть в беговой псевдолазерный шутер. Ей всегда приятна наша компания в любом составе. Но сегодня в бесценный выходной день, который она могла бы потратить на подготовку своей научной работы, она изящно сидит напротив меня, отвечает негласные комплименты моему чаю и очень внимательно ждёт от меня объяснений, которые бы развеяли её внезапные опасения.

Видимо, слишком длинная пауза, дала ей понять, что внятного ничего я не скажу, а слушать мои выкручивания вместо прямого ответа ей не хотелось. Поэтому она сменила характер разговора.

– Ладно, не беспокойся. Я, мальчики, верю, что вы справитесь. Вам нужен повод для встречи? Административный –

это по поводу каких-либо согласований, технический – любые проблемы в работе, искусственный – пусть кто-то создаст некую ситуацию, а вы придёте её разрешать, случайный – подкараульте непринуждённо в нужный момент. Мало или ещё подкинуть идей? – она оглядела нас, никто уже не улыбался кроме неё, было тихо, чувствовалось, что все боялись пропустить даже полслова, – Ну же? Не пугайте меня своим молчанием? Эй, где ваши носы? – и она указательным пальцем стала медленно толкать мой нос вверх. Я не выдержал и со вздохом ухмыльнулся.

– Хорошо, хорошо. Мы выберем из этого что-нибудь пристойное, – я двинулся было за чаем, но она остановила меня.

– Я пойду, оставляю своего повесу... Да, да, повеси на мне... На ваше попечение. И ты постарайся быть, как мы с тобой договорились! Буду ждать на Цитрусовой площади. Да? Ну, всё, я побежала, – Градский перехватил её у двери и помог надеть пальто. Ещё некоторое время мы вдыхали аромат её очаровательных духов. Мы выбрали “случайный” вариант для Бертыча, роль в этом случае была у него маленькая, а он долго в розыгрыше участвовать никогда не умел. Ещё полчаса спустя, оба моих друга ушли.

Глава 12 (суббота) Парнас. Лаборатория. Грин.

Я сидел в тишине, и мне хотелось передохнуть. Я знал, что дела сделаны не все, но желание забыться хоть ненадолго было сильнее. В голове у меня стоял лёгкий шум: компьютер в лекционной, Градский, Бертыч, Милена. Всё с самого утра катилось практически без остановки, и когда разговоры вокруг утихли, тело налилось накопленной тяжестью и требовало слезть со стула и лечь хоть на какое-то время. И сколько же у нас этого времени? Вообще-то до конца субботы ещё порядочно, так что плюс минус полчаса ничего не решат. Надо действительно было отключиться от происходящего. Но время терять зря не хотелось.

Я иногда экспериментирую сам с собой. Перед сном, когда глаза уже закрыты, но мысли ещё работают по инерции, я представляю в виде некоего образа какую-нибудь текущую проблему. И даже не совсем обязательно проблему. Просто нахожу, то, что в эту секунду заботит больше всего и, как-то себе это являя, жду, пока усну. Так, на мой взгляд, я отправляю свою главную заботу этой минуты себе в подсознание, чтобы, проснувшись, получить некий ответ для её ре-

шения. Я, конечно, не психолог и уж точно не психотерапевт. Я не знаю, правильно ли я поступаю так с собой. Конечно, можно всё найти и прочитать, можно встретиться с врачами для консультации, но я в этом маленьком нюансе, хочу поэкспериментировать сам. Тем более вреда от этого я не чувствую. Чаще я проваливаюсь в черную бездну и сплю без снов. И иногда, просыпаясь, не помню, что и спрашивал. Само собой, всё это я проделываю, если это имеет хоть какую-то необходимость.

Поэтому я лежал, вытянувшись на разложенном кресле, правая моя рука покоилась на лбу и на закрытых веках, как на киноэкране, мелькало что-то очень и очень не ясное. Всё, что произошло за последние два дня, катилось через меня перекасти-полем, раз за разом повторяясь, и то ярче, то более смутно показывая отдельные кадры прошедшего. Лица людей, отдельные проявления их характеров, как картинные миниатюры – эмоции, жесты, голоса, прямые взгляды.

В этом всём мне чувствовалось, что я упускаю нечто важное. Самое интересное, что, не смотря на весь этот ворох событий, связанных непосредственно с людьми, сами люди, принимавшие в них участия, не заостряли сейчас на себе внимания. Почему в этот момент ни к одному человеку не испытывалось любопытства? Это было мне не особенно понятно самому. Все они были мне очень близки, и даже тот,

кто сейчас выступал в роли врага, оказался очень близко от моей жизненной линии. Но при всём этом в отсутствии идей, которые бы мне всё объяснили, все люди как бы оставили меня, и я наедине с собой, в ураганном эпицентре мыслей чувствовал, что нахожусь один на один с чем-то очень тревожным, с тем, что вплотную подошло ко мне, дышит в затылок, но я, сколько не оглядываюсь, не вижу ничего и никого.

Так я уснул на целых сорок минут. Видимо, подсознание моё нашло и напрямую встретилось с источником интриги и, судя по всему, пыталось бороться с этим неизвестным душевным сотрясателем, хотя и безрезультатно. Потому что, когда я очнулся от писка будильника, голова была тяжёлая, перед глазами всё кружилось и тошнота уже практически подступила к горлу. Резко и легко встать, понятное дело, не получилось. Снов не было никаких, но состояние было, как если бы мне дали задание проволочить через гранитную пустыню железную сваю в подарок Крабу и я его выполнил. В общем, видимо не стоит играть с подсознанием, если ты, даже в принципе, не понимаешь, что это такое. Я пообещал себе в ближайшее время всем этим больше не заниматься.

Подойдя к кухонному уголку, я напился из крана воды, опёрся руками на край раковинной столешницы и стоял, приходя в себя. Мысль о кофе была невозможна и представлялась скорее быстрой казнью. Оставалось лишь медленно

и протяжно дышать, возвращая к себе утраченные силы. Я почти восстановился, когда позвонили в дверь.

Наш дружеский слёт не посетил только этот длинный зеленоглазый аист, которому я открыл. Он стоял на пороге и своим острым прямым клювом целился мне в переносицу. Но не долго, он процокал до стола, сбросив небрежно оперенье в сторону вешалки, сел и, прежде чем сказать хоть слово, перезаглядывал во все доступные кружки и тарелки, по-разному при этом корча аскетически худое, но при этом твёрдое лицо. Последняя, уже совсем удручающая кислая мина Грина вывела меня из лёгкого оцепенения, и я быстро поприбирал всё в мойку и вымыл две кружки. Наполнив их горячим чаем, я их поставил перед ним, а он жестом предложил мне сесть.

Он сидел передо мной вполоборота, свободно и прямо держа плечи. Он был побрит и ухожен, и, может быть, как и Градский, пришёл ко мне со встречи. Но всё же явно нервничал. Пальцы его правой руки никак не могли оставить в покое манжет рубашки. Я не замечал за ним раньше такого жеста.

– Слушай, Бит, есть дело, – начал он не раньше, чем отпил медленными осторожными глотками не меньше трети. Он не переставал при этом рассматривать лаборантскую, вра-

щая головой по разным сторонам, я инстинктивно следил за его взглядом, – Кстати, здравствуй. Так вот. Это, конечно, против правил и, скорее всего, явно не ко времени, но всё же имеется просьба. Она будет звучать, как вопрос, но это просьба. Самая на сегодняшний день безумная, какую я, пока что, озвучивал в жизни. Бит, ты мне скажи только честно, как на духу, как трёхлетний ребёнок, который не умеет врать, есть ли у тебя возможность? – тут он приостановился и погримасничал одними губами так, как если бы родившиеся слова дошли до рта, но выходить не хотели. Некоторое время он как-то умолиительно смотрел на меня, но я ему помогать не хотел, да и не мог, – Такая возможность. Чтобы сходить в Кристалл-сити. С гостем, – подчеркнул он на выдохе в конце.

Я с трудом проглотил до конца глоток чая. Лицо у меня было, как будто чай был не с сахаром, а без него и с количеством лимонных ломтиков серьёзно превышающих объём горячей воды. Я набрал воздуха в грудь, чтобы на выдохе сказать что-нибудь внятное и желательно с юмором. Присутствия юмора в данной просьбе явно не хватало. Видя такую реакцию, он ответа ждать не стал.

– Бит, я понимаю, всё это только наша тема. Мы никого не пускаем в нашу группу. Мы вообще почти доросли до нелегального положения. А может уже доросли? Но не в этом

суть. Бит, послушай, да сядь ты, чего вскочил? Ты вот скажи, мы можем или не можем? Мне сейчас этот ответ, как воздух нужен. Причём любой. Но значение имеет лишь правда.

Что же случилось с нашим нефритовым идолом? Я ведь сначала подумал, что он шутит. Придуряется, как обычно мы все это делаем. Надеваем ради шутки разукрашенную нами самими маску и корчимся с ней в импровизационной комедии одного актёра. Если получается вовлечь в эту сцену ещё кого-нибудь, это успех. Шуточный, конечно, но какой ещё он может быть? Мы так развлекаем друг друга. Аист, севший за стол, не имел ничего общего с тем, кому так нужен был ответ. И ещё он не был похож на вчерашнего Грина, которому незатейливым вопросом загнали шпильку в оголённый нерв. Тот, что был вчера, имел в груди выточенный кусок красного мрамора очень похожий на сердце, а у этого передо мной нечто живое, тёплое и трепещущее, что разгоняет кипучую переполненную эндорфинами кровь. Неважно, что ему застилает логику иррациональная эйфория. Ведь он сам не понимает, что просит. Как можно такое просить? И ведь он знает, что я на всё пойду лишь бы ему не отказать. Да, я давно заметил, что он наедине со мной ведёт себя несколько иначе. Он более откровенный со мной, что ли. Говорит всегда мягче. Или мне кажется? Но, во всяком случае, когда наша компания вместе, его сложно подловить на слове и при этом не нарваться на пронзительную колкость. А когда толь-

ко со мной, он как будто не ждёт от меня ничего острого. В сущности, он прав, я никогда не хотел удачно пошутить над ним. Я всегда инстинктивно был с ним аккуратен. Может поэтому, у нас сложились такие доверительные отношения. Он говорил сейчас со мной искренне, и своей просьбой втягивал меня в такую авантюру, какую сам даже близко и не понимал.

– Нет, Грин, такой возможности сейчас нет, – сказал я ему, чтобы на самом деле потянуть время.

Его взгляд похолодел. Он сразу как бы немного ушёл в себя. Смотря мне куда-то за плечо, он начал погружаться в некие размышления. Было видно, как медленно в нём растёт напряжение. Я потряс его за плечо, но он это почти не заметил. Мне не удавалось поймать его взгляд, при том, что я всматривался ему в лицо в упор. Я сам не вытерпел, да и моё выигранное время невозможно было ни на что потратить.

– Слушай, – сказал я ему, – такой возможности действительно нет здесь. Но есть путь, по которому можно пройти. Но он такой сложный, что мне надо точно знать – ради чего по нему идти. Я не буду тянуть из тебя подробности твоего, скажем так, неуместного желания, но ты меня должен убедить, что тебе это точно необходимо. Грин? Ты ведь мне друг? Скажи, что случилось? Почему это надо сейчас?

– Да, – ответил он, не теряя нашедшей мрачности, – я тебе друг. А друзья ведь должны помогать друг другу?

– Амистад виктория, – я поднял два пальца вверх.

– Вот, вот, куеридо амиго. Там куда я попал давным давно, была тьмища кругом непроглядная! Мир, который вокруг меня, всё тот же. А внутри всё стало другое. С того момента прошлое уже долгое время. И главное, я ведь знал, что нет там внутри ничего светлого, и я только стоял и смотрел в темноту, пытаюсь понять, как же дальше можно жить. И тут раз! Понимаешь, как будто все стены у казематов рухнули, ничего от них не осталось, всё светом залило. И оставаться на месте стало нельзя. Нужно было идти, но оказалось идти можно только в Вальхаллу, только туда одна возможность и есть! – он смотрел, запнувшись, на меня. Я понимал всё это смутно, но готов был слушать дальше, перебивать не хотелось, – Так, ты говоришь, есть возможность? Бит, ты меня прости, мне это действительно надо. И именно так не вовремя. У меня теперь всё не вовремя. И всё не ко времени. А другого времени у меня нет. Я смотрю, ты не очень понимаешь, о чём я тут вообще. Ты думаешь я себя со стороны не слышу? Мне надо тебе многое объяснить, чтобы ты понял. Тут, видишь ли, всё к одному. И ты, и Эдисон, и наша компания.

Я сомневался. Если по чести, я сам сейчас смутно представлял на что и как придётся пойти, чтобы попасть в город

не из своей лаборатории. Нужно было подумать, не торопясь. Без спешки. Ох, уж мне эта спешка! Всё ужасное, что происходило со мной в профессии, было связано с этим словом. Я видел, как в спешке работают другие. И видел, как у них получалось. Но сам я сколько раз так не пробовал, не получалось никогда. Спешить, видимо, мне не дано.

Мне бы постоять спокойно и подумать над всем. Если дело принимает такой оборот, нужно более детально продумать свои шаги. А раз так – постоять всё равно придётся. Нужен был таймаут.

– Видишь ли, до нелегального положения мы действительно, похоже, доросли. Но ты говоришь про Эдисона. Он с этим связан? С твоим желанием. Или предложением, не знаю, как сказать.

– Всё связано. И даже больше, чем мы видим, – мне вот только этого сейчас не хватало, я итак еле-еле всё увязывал воедино. Философские отступления, ведущие к спорам, были явно не к месту.

– Ладно, ладно, – приостановил я его, – мне просто нужно время, чтобы придумать, как туда попасть. Да ещё с гостем. На самом деле, я думаю, времени у нас может и нет почти. Дай подумать...

– А долго? – он не дал договорить.

– Я не знаю. Ну, дай хоть сколько-нибудь! – но моя фра-

за повлияла на него совершенно противоположно. Он начал рыскать по лаборатории, будто знал что и где лежит, я только не понимал в поисках чего.

– И, кстати, ты мне ничего не объяснил! – добавил я.

– Мы лучше, знаешь, как сделаем? – сказал он беспокойно, – Если надо отправляться сейчас, то давай сейчас. Ты собирайся, командуй, я тебе во всём помогу. И по ходу буду тебе рассказывать, как так всё вышло. Согласен? Ну и чудненько! Так что брать-то с собой и когда идти?

Вот так вот, запросто идти – это было просто легко сказать! Даже если говорить приходилось через силу. Грин, мой дружище, не понимал, что происходит. Сейчас передо мной сидел человек, которому я сам чаще, чем нужно, заглядывал в рот за сторонним мнением, и, получив ответ и удивляясь такому ясному, правдивому и тонко чувствующему уму, не всегда мог точно вспомнить, что спросил. Но этот самый человек, который пользовался у меня таким широким доверием, шаловливыми детскими ручками пытался вытащить самый нижний кубик из построенной пирамидки событий, предоставляя мне возможность поймать или удержать падающие последствия наших намерений.

То, на что он меня сейчас толкал, было уже настоящим ит-преступлением. И хоть его можно было провести так, чтобы не наследить, не верилось мне почему-то в успех. Хотя даже

мои собственные желания совпадали с желанием Грина. Но я этих желаний боялся и, как выполнимые, не рассматривал. А вот он сейчас заставлял меня против воли отдаться им почти слепо, взяв успешность предприятия, как аксиому. Он был погружён куда-то более глубоко, откуда мои заботы и сложности ему, может быть первый раз, казались несуразно мелочными. Он утратил свою чистую и непредвзятую объективность, за которую был ценен. Мне было понятно, что обратно он её не обретёт или обретёт не скоро. И, мне казалось, я понимаю причину всего того, что сейчас внутри происходило с ним.

В тот момент я сам ощутил то, что его заботам могу помочь только я. Что он также, как и я, вчера на посиделках думал вовлекать ли во всё, что с ним, друзей? Он спустился до самых корней своих мыслей, совести, черт характера и убеждений, чтобы там решить, нужно ли обращаться ко мне. И вот он здесь, передо мной. Перед тем, кто тоже там, у этих корней недавно побывал. Если всё это действительно так, то надо идти. Надо его брать. И выполнить всё, что попросит. Я знаю, что там, на дне всех этих переживаний друга оставлять нельзя. Именно в такие моменты и понятно, кто ты этому человеку на самом деле. Ведь он сам просит о помощи. А значит, все другие возможности самостоятельно подняться исчерпал. А значит отвернуться, пусть даже из благородных целей, мне нельзя. Да и хочу ли я этого?

Наверно, на несколько секунд я выпал из реальности. Но Грин меня в неё не вернул, вернуться пришлось самому. Он лишь сидел напротив и внимательно смотрел мне в лицо. Он ждал моего окончательного решения. И точного ответа, а не того, который выудил из меня, ничего толком не объяснив.

– Ну, если ты так уверен, то пойдём, – сказал я ему, – нужно только всё-таки сообразить, что взять с собой.

Глава 13 (суббота) Путь к «С.Б.»

А что брать? Легко сказать. Не зная гостя, хотелось взять всё, что имелось в наличии и, если это возможно, сбегать ещё и на склад. Я ведь не знаю, чего ожидать от незнакомца. Если идти с гостем, значит, три пары трёхмерных очков, снабжённых микрофоном, “стрекозы” в простонародии, к ним наушники, а что ещё? Да, собственно всё тоже, что и было. Я ж практически сам только с задания вернулся. Всё собрано. Правда, надо подумать об идентификации личности. Вдруг придётся прятать лица от камер наблюдения. Кстати о личности, двух друзей я обезопасил, надо и у этого в карманнике поковыряться. Мало ли что. А что с гостем? Ладно, сейчас всё услышим.

Мои мысли постепенно переходили на логический склад, но я смутно и нехотя догадывался, что рассказывать он мне сейчас будет про Энжелу. Только бы не это. Голове хотелось уже немного холода и ясности. Когда делу примешиваются чувства, результат становится практически не предсказуемым. Чувства, если не относятся к намерениям, разносят все выстроенные логические цепочки на своём пути. Разгорячённая кровь не даёт сосредоточиться ни на чём. Попробуйте в стоградусной сауне почитать Канта, а потом переска-

зять хоть одну страницу. У многих в памяти остаётся лишь знание, где найти холодную воду.

Если он всё-таки заговорит о ней, то уж очень она как-то в нужный момент появилась. А точнее в очень не нужный. Мне вот сейчас другу сердце обратно склеивать не хватало. Но с другой стороны – амистад виктория. Вальхалла, так Вальхалла. Вместе, наверно, даже туда веселей шагать. Не всегда складывается, как хочешь. Я стал потихоньку прикидывать в уме план, проверяя ещё раз вещи и докладывая необходимое. Я попросил Грина начать вещать по ходу сборов, так как ближайшие полчаса были точно в нашем распоряжении.

– Кроме всех прочих моих затей, была у меня, так сказать, забава. Несерьёзное творчество. Нет, как всегда, я всё делал на пике возможного, но сам результат, в данном случае, был мне не важен. В общем, так или иначе, я нашёл группу, которая занималась стихами. Группа была довольно обширная, можно сказать, клуб. Название тебе, наверно, ничего не скажет. Но не в этом суть. Я время от времени его посещал больше, чтоб послушать. Знаешь, там такая живая атмосфера. Все хотят получить внимание, стараются для этого. У многих эмоции, как на ладони. Но я опять отвлёкся. Я тоже там читал. Нечто, что приходило порой в голову под тем или иным настроением. Вот скажи, куда мне девать написанное?

В статейную полемику это не вставишь, а рассказать хочется – ужас! Да и вообще интересно, как на твоё творчество со стороны посмотрят. А иногда напишешь не ради своего интереса, а ради интереса публики, и смотришь, как они реагируют. Ндаа. Так вот я о чём? Была там одна девушка. В смысле, она и сейчас там есть. Не только там. Но я опять не туда. Да, так вот. Она читала очень чувственные стихи, такие, знаешь, прям, как вот если разбежишься по цветочному лугу, свалишься и запахи к тебе отовсюду идут и не надышаться, хочется обнять это всё и никогда не отпускать. Где я луг видел? Ну, у нас, конечно, нет. Но на Земле-то, наверняка, ещё остались. Да, какая разница! На картинке видел, в игровом симуляторе. В Кристалл-Сити, наконец. Я опять отвлёкся. Хмм.. Она читала стихи очень вдохновенно, и я всегда чувствовал если не смысл, то хоть что-то. Когда страх, когда печаль, когда юмор, а когда и безмерную радость. Я смотрел на неё и всегда думал, как у неё это так хорошо получается. Некрасиво за спиной наводить справки. Для этого есть прямое общение, которого там хоть отбавляй. Но я всё же рискнул о ней узнать немного сам. Так, общие черты. Какое образование интересуется. Не более. Личная жизнь и прочее меня не интересовали. Про это действительно лучше говорить прямо и лучше наедине. Она числится на журналистике, но занимается в основном графическим дизайном. Такая вот разноплановость. И вот тут-то и началась вся эта ирония дальнейших событий. Когда я выяснял про неё

на отделении журналистики, совершенно случайно и не подозревая ничего, чуть было с ней не столкнулся. Но она на меня внимания не обращала. Она была занята разговором с этим хлыщом. С Эдисоном. Я видел всё издалека, с другого конца коридора. И пришёл он туда не для того, чтобы шпионить за ней. Да знаю я, что ты знаешь! Ну, так вот. Я остался, чтобы специально попасться ей на глаза, раз уж инкогнито побывать у неё не получилось. Пусть всё будет честно, без сторонних мыслей. Но всё вышло не так. Они с полчаса о чём-то говорили. Но я ничего не слышал, если б слышал – ушёл. Сначала, не смотря на улыбку в его адрес, она стояла скрестив руки на груди, как бы ограждаясь от этого визита. Он тоже улыбался и ей что-то объяснял, держа одну руку в кармане, а другой жестикулируя. Её лицо не теряло дружелюбности, слушала она его очень внимательно. Иногда она отвечала или может быть делала уточнения. Вообще, было видно, что они давно знакомы и находятся в неких близких отношениях. Но в один какой-то момент она подалась вперёд и, опустив руки и сжав их в кулаки, стала если не кричать, то очень строго и настоятельно что-то объяснять ему. Время от времени она тыкала в него пальцем. Он всё это слушал, не встречая, с испуганной физиономией, пошатнувшись назад. Потом она остановила свои претензии к нему и, спустя секунду, опять заулыбалась. Сделала такой жест, знаешь, когда как будто счищают что-то с лацкана чужого пиджака. Очень доверительный, я бы сказал. Расстались они

очень мило. Как-то она просияла ему на прощание. Я подумал, что теперь могу к ней подойти. Но она, с секунду о чём-то подумав, быстро зашагала от меня в противоположную сторону. Бежать за ней смысла я не нашёл. Что? Кофе? Да, буду. Групповой кинетик нести? В каком смысле? В прямом? А, конечно. Ух, это сколько? Метр с хвостиком! Зачем? А, хотя можешь не отвечать. Надо – значит, надо. Так вот. Дальше... Что дальше? Ах, да! На посиделках поэтического клуба есть такая традиция. Где-нибудь в стороне стоит коробка для анонимных комментариев. Для тех, кто стесняется открыто выражать собственное мнение, хоть и имеет его. Берёшь бумажку, пишешь кому и, собственно, что. К такого рода письмам относятся не очень серьёзно. Но читают. В ходе вечера читающие авторы подходят посмотреть нет ли отзывов в их адрес. Когда я представлял свои стихи, мне тоже писали. В основном комплименты, но были и комментарии с вопросами. И их автор, судя по почерку, был всегда один. Вся суть этих комментариев для меня сводилась к следующему: у вас хорошо получается, почему вы так мало пишете? Что касается этой девчонки, то она меня всегда слушала с интересом, и, так как письма, как мне кажется, были написаны женской рукой, я произвольно предполагал, что пишет она. Хотя это мог быть кто угодно. Ну, мы же смотрим сквозь призму своих суждений. Ну, так вот она – призма! Но через несколько дней, когда там снова был, честно сказать, в тот день мне нужна была только местная атмосфера, я ни-

кого не слушал, сидел и размышлял, никого не видя перед собой за чашкой чая. И вдруг она подошла ко мне сама и попросила разрешения сесть рядом. Это было неожиданно, внутри у меня всё замерло. Она представилась, я, как смог, тоже сказал своё имя, но попросил звать прозвищем. “Грин – известное имя, то есть никнэйм” – сказала она. Оказывается, она обо мне уже где-то слышала, просто не знала, как я выгляжу. Ну, и дальше пошёл разговор о стихах. Я уж не буду тебе тут всё подробно рассказывать. Долго и тебе не так уж и необходимо. Что ты так смотришь на меня? А нечего лезть в чужие разговоры! Всё собрал? Нет! Ну, так слушай дальше, не надо театрально качать головой. Получается хорошо, но подумай о приличиях. Всё! Молчу! В смысле продолжаю. Так вот. Просто в конце разговора она спросила, не хотел ли бы я пойти с ней на обновлённую дизайнерскую выставку. Вообще, в этой галерее, кроме основного зала есть небольшая зал классики. И приглашала она меня не на выставку, а именно в тот зал. По её словам, есть там нечто интересное для неё и ей очень хотелось бы узнать моё мнение. Мы обменялись контактами и расстались. У меня в голове многое тогда не увязывалось. Человек в таких дружеских отношениях с Эдисоном и пишет такие стихи. Имеет привязанность к художественным произведениям живописи и водится с этим стервятником. Насчёт, стервятника извини – просто своё мнение, ничем не обоснованное. Не спрашивает ничего у меня прямо, но после разговора с ним беседует да ещё

куда-то приглашает. В этом явно был какой-то подвох. Но зная её стихи, всё ощущалось, как некая тайна. Это ж прекрасно, когда в человеке есть загадка! В общем, я с ней пошёл на выставку. Тогда ещё я пытался понять причины возникшего во мне диссонанса насчёт неё. Но копание, в общем, бросил. Реальность искрила ярче, чем внутренние ощущения. Мы встретились на следующий день. Основные дизайнерские художества мы обошли довольно живенько. Где-то смеялись, где-то обменивались ощущениями, где-то критиковали. Самое главное – всё было необычно. Интересно было, вот что самое главное. Мне самому, да и одному, было бы там скучно. Но с ней вдвоём – это был блеск! Она то, почти не прерываясь, что-то объясняла мне по поводу экспоната, то замолкала и подолгу всматривалась в художественный замысел очередного творения. Тогда уже тишину заполнял я. Она слушала всегда меня с очень серьёзным видом. Я видел, что в тот момент моё мнение было важно для неё. И поэтому шутил только иногда и очень явно, без всякой иронии. Когда тот павильон закончился, мы перешли в классику. Тут её словно подменили. Она как будто пришла к себе домой. Как-то потеплела вся, лицо таяло от счастья, так, по крайней мере, мне казалось. Она знала все картины наизусть и относилась к ним, как к близким друзьям. И они говорили с ней. Она знала про них всё. Как, когда и кем писались. И, самое главное, для чего. Последнее, разумеется, были её собственные впечатления. Но очень глубокие, с та-

ким же глубоким знанием жизни авторов. Конечно, всё это были репродукции, но самого наивысшего качества. В конце галереи был Дега, тот самый Эдгар. “Выход танцовщиц в масках” – картина, которая представляла его творчество здесь. Она встала напротив неё, и всё то живое, с чем она рассказывала о предыдущих картинах, остановилось в ней и замерло. Неизвестно сколько сотен раз её взгляд медленно проходил по полотну раньше, но смотрела она на неё так, как будто на нечто новое и поэтому загадочное. И в то же время чувствовалось, что она про эту картину что-то понимает, что ей очень близко, но при этом изображено там не то, что она нашла. Не знаю, доступно ли я объясняю всё это тебе. Мы что, готовы?

Мы уже какое-то время просто сидели друг напротив друга. Всё собранное мной было в заплечнике на кресле. Умирать, так с музыкой – я одел самую приличную рубашку и брюки из имеющихся. Китель покоился рядом с вещами. За окном уже темнело, мокрый снег на пару с ветром силой пытались залепить окна. Поднималась метель. Завтрашнее обледенение было гарантировано.

Грин сказал, что идти за гостьей придётся в “Оладью”, на мой вопрос об имени я получил предсказуемый ответ. Улыбаясь, я вздохнул. Не повезло, ну, да ладно. «Тогда я желаю узнать самое важное – при чём тут Кристальный город?» –

подумал я про себя, но вслух спросил о другом. Как оказалось, Грин ещё не закончил и, так как надо было уже выдвигаться, он обещался продолжить разъяснения по дороге. Более того он предупредил, что если бы я его доводы не счёл бы убедительными, то он был согласен, чтобы вся эта затея так и осталась лишь разговором. Но я наоборот сделал знак ему, чтоб одевался, и мы вышли.

Идти в такую погоду через улицу ни мне, ни ему не очень хотелось. Поэтому на своих правах я предложил воспользоваться служебным ходом, а именно кабельным каналом между зданиями. Доступ для открытия его дверей я имел по должности. Так что мы направились прямо в подвальные лабиринты.

Мы шли длинным, низким, немного извилистым коридором, вдоль стен которого покоились пучки светового полотна самой разной расцветки. Собственно от потолка до плинтусов всё было увешано так, что нигде не было видно бетонной поверхности. Представление о ней давал только пол. Серая с разливами гладь казалась скользкой, но впечатление это было обманчивым. Было прохладно и тускло, здешнему освещению полагалось быть минимальным и, по сути, необязательным. Поэтому он зажигался по пути нашего следования автоматически, и также сам угасал где-то сзади в пройденных поворотах. Я был здесь далеко не впервые, и каждый

раз в определённый момент моя фантазия рисовала то, что выскочит вдруг из недр этого подземелья огромный мохнатый и многолапый хозяин всего этого паутинного владения, и я не буду знать, что делать.

Верхняя одежда была упакована, и я шёл в кителе нараспашку, потрясая заплечником. Негласный покровитель зелени шагал рядом со мной, держа в правой руке на манер копья зачехлённый в пластик групповой кинетический датчик, который был длиннее метра и выглядел, как нетолстая трубка. Если принимать во внимание то, что он мне рассказывал, соотнести его можно было напрямую с бессмертным героем Сервантеса. Время от времени он останавливался, чтобы более внимательно задержаться на той или иной детали. Но через несколько секунд наше движение продолжалось. Иногда он задумывался над словами и тогда что-то искал пальцами в своей тёмно-русой шевелюре. И, не смотря на то, что он говорил в основном в утвердительной форме, на его лице читались многие вопросы, которые он адресовал сам себе и сам же для них не мог никак найти ответа.

– Она меня спрашивает, – говорил он тогда ещё около двери лаборантской, – нравится ли мне эта картина? И я смотрю на полотно, а внутри тишина. И тогда до меня дошло, что я уже не помню половины того, что только что посмотрел. И я серьёзно не задумываюсь: нравится мне всё то, что бы-

ло в галерее, или нет. И эта картина в том числе. Мне нравилось время, которое мы проводим. Всего увиденного было много и высказанное мнение об этом было правильным. Это выстреливалось изнутри и скрывалось из виду, пока перед глазами происходила смена экспоната. Было ощущение, что важным оставался лишь момент выстрела, куда попадала пуля – значения не имело. И я внятно не нашёлся, что сказать. Ведь если сказать проще, мне тогда там нравилась только она, потому что там нравилось ей. А картины? Я их меньше всего чувствую, работаю, конечно, над этим, но не очень успешно. Слова или музыку, историческое или философское исследование – это я чувствую и понимаю больше. А вот с картинами сложнее всего. Наверно, всё дело в статичности. Мне сложно увидеть длительное действие за ними. Я уверен, что оно там есть, и даже знаю наверняка. Но мне для этого, как может и ей, видимо, надо посетить выставку не один десяток раз. Мы как-то сначала замолчали, потом, разговорившись, сменили тему, а затем и вовсе пошли отсюда. Меня тогда вдруг заинтересовало: куда дальше направится наш разговор и куда в итоге он мог бы завести? Вариантов в моей голове плодилось нескончаемым потоком бесконечное множество, одни были вполне приземлённые, другие фантастичней некуда. Ты же знаешь, я свою фантазию в рамки не ставлю. Всё равно из того, что в ней происходит, в реальной жизни мало что найдёт отражение. Так чего ей забор в огород городить, как бы там это не звучало, как ты

говоришь. Одним словом, надо было передохнуть, и я предложил местный кафетерий. Это ей подошло. Пока мы сидели за столиком, я, держа в памяти Дега, пытался понять свои к нему ощущения и сразу в разговор отправлял то, что приходило на ум. Она слушала и отвечала рассеяно. Помнится, мне подумалось, что она устала именно из-за картины. Но всё же смотрела на меня большей частью прямо, давая мне возможность продолжить. Или закончить. Видимо тогда она над чем-то размышляла, а потом спросила меня, прервав меня на полуслове. И вот она хотела бы знать: то, о чём я пишу в стихах – фантазия или отголоски какого-то жизненного опыта? И если это фантазия, то имею ли я представление о том, как это могло бы быть в жизни? Вопрос меня сразил. Я не хотел с ней даже кратко или мимолётно, даже парой слов, возвратиться к моему прошлому. Я очень хотел ей убедительно соврать. Но она истинный ответ за мгновение прочитала из моих глаз, и отвечать даже не пришлось. Но ты понимаешь, когда она это делала, я тоже ведь читал её взгляд. Для неё это тоже не были фантазии. Вообще, как это происходит? Работаешь, мыслишь, записываешь, ставишь опыты – пашешь, одним словом. И вдруг, вымотавшись, сядешь за стол с кофейной чашечкой и польётся из тебя, только и успевай записывать. Порой и за общей мыслью следить не надо, так как-то само ляжет, поправишь пару рифм, вот и готово. А куда это девать? Долгое время просто лежало у меня в блокнотах. И копилось. Выкинуть было жалко. Я и ре-

шил, раз это всё равно не прекращается, пусть ищущие люди возьмут на заметку, может, у кого дальше мысль зацепится и выйдет что-нибудь гармоничное и красивое. Что касается литературы, меня-то всегда влекла проза. Так что добру этому явно пришлось бы в итоге пропасть. А, тем не менее, разговор наш потихоньку съехал на работу, потом на увлечения. Её главным хобби оказалось изучение человеческой коммуникабельности. А ты спроси, вот чем я занимаюсь в Кристалл-Сити? Я пытаюсь смоделировать общественный идеал, во главу которого поставлено постоянное развитие. Зачем? Да, вот такое стороннее занятие себе нашёл. С твоей помощью, между прочим. Я знаю, что идеала скорее всего и нет, но помечтать-то можно. Ну, так вот. А какое развитие может быть в обществе без коммуникабельности? А?! Но и это совпадение – не главное. Ты знаешь, что там было в её глазах? Ты не поверишь, как для человека с таким хобби можно иметь такое внутри. Там же бездонное одиночество. Безграничное. Ты можешь хоть на секунду представить себе безграничное одиночество? Это – когда ты всегда один на один с этим миром. Ни капли доверия никому, отношения – только необходимость, коммуникабельность – лишь средство. Для чего? Так есть же свои интересы, желания, стремления. И ты их реализовываешь, всегда исходя из основного правила: ты – один. Ты молод, полон сил, интеллекта, эмоций и ты – один. Всегда. Я, конечно, утрирую, может и не так всё однозначно. Тем более для такого взгляда должна быть

причина. Только как ты её, эту причину поймёшь за одну встречу? Одним словом интересы в отношении увлечений у нас тоже, можно сказать, пересеклись, и мы долго ещё неза-тейливо и непринуждённо болтали. Нам было легко, и мы чувствовали, что не надо лишних гримас и ужимок, чтобы поговорить на любимые темы. Она отогрелась, но сказала, что провожать её не стоит, разве что до остановки. Так мы и подошли к ней. Транспорт должен был прийти с минуты на минуту. На остановке были ещё трое молодых людей, что-то нешумно обсуждали. Вдруг из павильона вышел ещё один молодой человек, он двигался спиной к остановке и всё махал рукой, и слал воздушные поцелуи тому, кто остался за дверьми. Он не видел, что приближается транспорт. И мы, те, кто были там, до определённого момента на него не обра-щали внимания. Но в секунду, когда стало ясно, что он не остановится, что не развернётся и посмотрит куда идёт, и что неизвестно успеет ли сработать водительская автомати-ка, у всех остановилось дыхание и желание его уберечь рез-ким скачком адреналина заставило действовать. Собствен-но, мы стояли далеко и, даже если бы вложилась по максимуму в скачок, я всё равно бы не успел. Спас его, ухватив за во-рот и вытащив из-под колёс, один из этой троицы – они были ближе к нему. Я только успел бесполезно дёрнуться. Они ему навтыкали моральных подзатыльников и вчетвером весело вкатились в транспортник. Я перевёл взгляд на неё, она всё смотрела в сторону исчезнувшей компании и была необык-

новенно бледна. В глазах её было тоже, что около картины. Она очнулась, как после ухода привидения, и попросила всё-таки её проводить. До дома она практически молчала, а потом перед расставанием поблагодарила за вечер и, немного задержавшись на пороге спросила, хочу ли я знать маленькую тайну будущего. Я сказал, что будущего никто не знает, но она сказала, что это – лирика. Тогда я ответил, что от неё, пожалуй, и не буду против узнать. Она придвинула своё лицо к моему и, попросив запомнить, сказала, что Эдисон нас всех уничтожит. Я тогда не знал, что она имеет в виду. Больше в тот вечер она ничего не сказала и, попрощавшись, ушла. Ты знаешь, до меня ведь не сразу дошло, что она там на остановке увидела. Смерть там была, вот отчего она так побледнела. Этот парень должен был погибнуть, если бы не та компания. Мы бы его не спасли. Конечно, может и транспортник остановился бы. Но в тот момент об этом никто не думал. Что-то в ней с этим связано. Хотя, если подумать, все мы так или иначе связаны с этим.

Мы уже прошли подземные коридоры и стояли около выходной двери. Я не хотел её открывать раньше, чем он закончит. Тем более, что он дошёл до самого интересного места.

– Так, что Эдисон? – перебил я его.

– Она сказала, что он всё знает и закроет нам кислород в ближайшее время. Ты знаешь, я в нас тоже верю. Но если всё

пойдёт не так, она так ни разу и не увидит то, что мы создали. Поэтому я тебя прошу, дай мне шанс показать ей Кристальный город. Я хочу, чтобы она знала, что не одна думает над коммуникабельностью людей. Может мои результаты её не впечатлят, но она, по крайней мере, не будет думать, что она одна об этом думает. Хоть в этом будет не одна. Понимаешь, Бит?

– Да, понимаю, – ответил я после некоторой паузы, – я тебя прекрасно понимаю, дружище. Ты влюбился по самую макушку и ту уже не видать. Ты, наверно, и сам уже понял, что утонул так, что сам уже точно не всплывёшь наверх, что даже если ты истратишь все силы на то, чтобы этому противостоять, это будет всё равно, что руками пытаться остановить набегающую восьми балльную волну, стоя одному на побережье. Ни ты сам, ни кто-либо другой тебя в твоих желаниях уже не остановит. Да, это я понимаю. Я понимаю, что из всех нас ты рассказал это лишь мне, потому что точно знаешь, из-за твоей просьбы, я не буду считать тебя предателем. Возможно, ты и прав, я не могу предположить, что о тебе подумают Бертыч с Градским. Да, да, сейчас мы подставляем ещё хуже, чем раньше. Сейчас в худшем случае не будет возврата, мы идём без страховки. Тебе, кстати, немного повезло, мне самому туда надо. Я, правда, хотел переждать. Но я не верю, что ты меня предаёшь! Ты ведь не предаёшь?! А?! Вижу, что нет. Ты влюбился, это единственное твоё оправдание. Кто бы мог подумать? Я думал, что ты никогда не от-

таешь. И поэтому я всё же рад за тебя, пусть и такой высокой ценой приходится за это платить. Ладно, если мы друг друга понимаем, то давай заканчивать с романтикой. Ночь будет трудной. Веди уже к своей журналистке.

Грин стоял и молча смотрел на меня. В его глазах я видел, что был прав, хоть он ничего и не говорил.

– Ты знаешь, ты верно сказал, я не выплыву один. И даже не хочу. Просто когда увлечения пересекаются с мыслями о смерти, на мой взгляд, главное не оставить человека одного. Он также, возможно, не сможет выплыть. Я хочу разбавить ей жизнь. Может это и не очень получится, но я не хочу сидеть, сложа руки. Однажды, давно мне это дорого обошлось. Я действительно уже ничего не контролирую ни в себе, ни в ситуации. Бит, ты прости меня! Если для тебя наша дружба хоть что-то значит, не руби меня с плеча. Я очень стараюсь не сделать ещё хуже, чем нужно. Да и вообще, мы казалось, что ты такой же, как я – человек, который, дойдя до края, не отходит от него, а переворачивает куб жизни и идёт уже по другой поверхности.

– Это называется максимализм. Идиотизмом это тоже называют. И вполне справедливо. Пошли!

Я открыл дверь и мы вышли в общий проходной коридор.

Мимо нас, не обращая особого внимания, спешили студенты самых разнообразных видов в отношении внешности, занятости и характеру. Грин сверил часы, я последовал его примеру. По его словам, время было – как раз.

Глава 14 (суббота) Оладья. Стихийное бедствие. Рассказ.

Когда мы пришли к нужному залу, то обнаружили внутри довольно много народу. В основном все сидели и разговаривали, не приглушая слова. Столики с белым покрытием стояли беспорядочным образом и, казалось, заполняют весь зал, как наплывшие льдины. Всюду сновали. Найти себе место оказалось трудным занятием, да ещё с нашим скарбом, но у дальней стены нам повезло. Какая-то группа сорвалась с места, оставив пустыми два сдвинутых стола. Пока мы садились, укладывая вещи рядом, один стол от нас утащили к шумной соседней компании. Но нам и того, что остался, было достаточно. Главным же стало – не проворонить третий стул для гостыи.

Вообще, стоило немного передохнуть. От рассказа Грина кружились мысли, которые, я считал, мне были сейчас некстати. Мне хотелось сосредоточиться на взломе и его последствиях, нужно было какое-то время посидеть, думая о совершенно стороннем, чтобы всё внутри улеглось.

А Грин тем временем достал карманник и позвонил. Го-

ворил он недолго. Кроме короткого приветствия он объяснил, как нас найти, и дал отбой. Мы откинулись вальяжно на стульях, лично мне захотелось в этот момент прикрыть глаза и совсем забыться на хоть минуту. С молчаливого согласия Грина я так и сделал, но народ же явно засуетился ещё больше и зашумел громче на тон. В общем, довольно быстро я понял, что отдыхать нужно не сейчас, растёр лицо руками и, облокотившись на стол, стал смотреть по сторонам.

– Быстро она доберётся, как думаешь? – спросил я от нечего делать.

– Сказала, что не сразу, пауза получается у нас с тобой, – ответил он в тон мне, – у тебя может вопросы есть ко мне?

– Свои вопросы, я не знаю, кому задавать, – я смотрел на поверхность стола, пытаясь за что-то ухватиться взглядом, но он был пуст, и не хотелось заполнять, как обычно, эту пустоту клюквенными фантазиями. Когда обстановка по времени менялась с быстрой на медленную мне всегда становилось нехорошо. Как будто всё во мне по инерции улетало вслед за бегущими минутами. Грин, видимо, это почувствовал.

– Слушай, – сказал он, – пока у нас есть время, Бит, давай я тебе кое-что зачту. У меня с собой неоконченный рассказ. Называется «Душевный мост». Могу прочитать, если есть желание послушать.

Я отказываться не стал.

– Так вот, – начал он, – эта история из давних времен, которые мы и не помним уже. В одном небольшом, но значимом городе был магазин музыкальных инструментов. Однажды в его дверь вошёл высокий господин со своей подросшей дочерью. Одет господин был очень достойно, не сказать восхитительно, это говорило сразу о том, что делами он занимается очень ответственно и, несомненно, является почётным горожанином. Дочка была одета подобающе и выглядела, как маленькая прелестница. Лицо вот только её отеняла небольшая вуалька и было видно, что она давно не улыбалась. Впрочем, её отец тоже не выглядел весельчаком. Эта весьма достойная пара, видимо, знала, что хотела купить, потому, как сразу от двери направилась к стойке продавца.

Так просто, правда, к сути их дела перейти не удалось. Продавец был занят. Он рассчитывался с мальчишкой совершенно противоположного вида. Про таких обычно говорят – сын ремесленника. И покупал он скрипку. Почему подрастающий мальчик делает такую дорогую покупку без родителей, было непонятно, но, впрочем, и неинтересно. О чём-то перекинувшись парой фраз с продавцом, он радостно поднял за гриф изящный инструмент и посмотрел на него через свет, льющийся с окна. Скрипка сверкала, смычок тоже. Он

быстро сложил всё это обратно в футляр и, схватив, убежал. Подошла очередь достойной во всех отношениях пары.

Высокий, прежде всего в чине, господин объяснил, что для его дочери нужен самый мелодичный инструмент, ведь благовоспитанные учителя в один голос утверждают, что у девочки идеальный слух, хоть за всю жизнь она не проронила ни слова. Но они доказывают, что овладение искусством музыкального исполнения отточит слух настолько, что разбудит и голос. И ещё выбранный инструмент ей должен понравиться, иначе ничего не получится.

Продавец понял просьбу почётного горожанина и начал подряд предлагать все инструменты, какие были у него в магазине. Не один из них не вызвал не только хоть какого-либо оживления в девочке, но и даже тени улыбки. В конце концов, продавец сдался, но в счёт компенсации потерянного времени сделал один маленький подарок. В футляре скрипки, которую купил мальчуган, был скрипичный дубликат. Он представлял из себя копию купленной скрипки, только очень маленькую, размером с ладонь, помещённую в собственный маленький футлярчик. На самом деле, это была безделушка от самого мастера скрипок, как шутливая прибавленная подпись, к созданному творению. Своего рода визитная карточка изготовителя. И, видимо, единственное, что можно было бы ответить на вопрос: а это здесь зачем?

Так вот – только этот дубликат и был тем, что девочка приняла. Величественный господин был не очень доволен, а продавец вне себя от счастья, так как отделался бесплатной ненужной вещичкой, которая мальчику почему-то оказалась не нужна, хоть мог и расплатиться жизнью, если не своей, то уж точно магазина. Так, по крайней мере, ему мерещилось из черт осанки почётного горожанина, хотя у того и в планах такого не было, он думал лишь о том, что дочка, по всей вероятности, точно не заговорит.

А славный мальчуган в это время нёсся по дорогам города домой, к отцу. Денег скопленных ими вместе хватило на скрипку, о которой просил мальчик. Это было радостное событие. Отец был счастлив, хоть сам не понимал от чего. Дело в том, что передавать ремесло сыну оказалось очень сложной для него задачей. Сын никак не хотел начинать вникать в тонкости дела. Простые вещи ему давались, но навык дальше не развивался. Незадолго до этой покупки отец был более свободных взглядов на будущее сына и поэтому отдал по просьбе отрока его в музыкальную школу. Там тот продержался недолго. Изучение гамм и нотного стана были явно не для него. Поэтому пришлось вернуться в профессию. Но как уже понятно, особо ничего не шло. Поэтому отец и недоумевал, почему сын попросил заработать, и при этом сам же и зарабатывал, на скрипку, если в музыкальной школе ниче-

го не вышло. Правда, видно было, что мальчик счастлив и что ремесло бросать не собирается. Видимо, поэтому отец сидел очень благодушный, слушая не перестающий сбивчивый рассказ о том, как эта скрипка важна.

Потом он ушёл спать, в этот день чуть пораньше, и мальчик остался один. Был уже вечер, правда, ещё не поздний. Мальчик приложил скрипку к плечу и не смело провёл смычком по струнам, пытаясь вспомнить школьные уроки. Проиграв несколько раз запомнившиеся ноты, он перешёл к незатейливой мелодии, которая в свою пору лучше всего получалась. Вышло не так уж плохо. В небе уже показалась луна, смеркалось, мириады сверчков и цикад взялись за своё пение. Он смотрел на всё это с балкона и пытался почувствовать, что же происходит с миром вокруг него в эту секунду. Потом пальцы стали подбирать ноты для этого настроения. Осторожные движения смычка озвучивали их. Всё получилось довольно неуклюже. Но именно ради этого он хотел скрипку. Ради того, чтобы самому выбирать мелодию для неё.

В тот вечер и дочь почётного горожанина не очень хотела спать. Она видела разочарованные вздохи родителя, но ничего не могла сделать, чтобы развеять навалившееся тяжёлое настроение. Она не могла объяснить ему, почему из всего предложенного взяла именно этот даже не инструмент, а

макет инструмента. А ведь всё было просто, эта вещь не была куплена. Она была подарком совершенно бескорыстным. В момент его передачи продавец ведь не знал, как девочка его воспримет. Он отдал его просто так, по зову сердца, без видимых на то причин. Лишь для того, чтобы дать ребенку хоть что-то, раз все остальные его услуги, коими он, конечно, гордился, остались неприемлемыми.

И вот когда девочка осталась в комнате одна, когда дом, и без того не очень людимый, затих, она открыла маленькую крышку футляра и поставила подарок на стол. Крошечная скрипка была хороша. Она была очень похожа на настоящую, в ней были даже натянуты струны. Может она даже и играла, но попробовать девочка не решилась. Она смотрела на неё зачарованно и представляла, как та играет. Придуманная ей мелодия звучала в голове переливисто и ярко, сменяя разные оттенки настроения. В девочке родилось что-то похожее на вдохновение. Стараясь не терять эту нить, она придвинула бумагу с чернилами и пером и постаралась описать впечатление, рождённое в ней. Она попыталась оформить это в небольшой сюжетный рассказ, но именно из-за сюжетности писать было трудно. Когда она выдохлась и перечитала написанное, то осталась больше довольной, чем наоборот. В конце концов, завтра всё, что необходимо, можно исправить и написать начисто. С этой ценной мыслью она отправилась спать. Футляр, подаривший ей такой вечер, она

решила не закрывать, чтобы выпорхнувшее из него настроение не исчезло.

Утром она показала написанное отцу. Тот долго и внимательно читал, пока не прочёл всё дважды. То светлые, то тёмные тени пробегали по его лицу, предельно невозможно было понять: нравится ли ему прочитанное или нет. Когда же он наконец отложил рукопись на стол, во взгляде его читалась тихая радость, подтверждённая излишней влажностью глаз. Его дочь говорила. Пускай и письменно. Всё-таки учителя были правы, хоть и сами не знали, о чём советовали.

Прошло немного лет. Мальчик перенимал ремесло отца, но тот внезапно скончался, не завершив до конца таким образом семейное образование сына. Тому, правда, больше нравилось выделывать всякие штуки на скрипке и гонять голубей с дворовыми сверстниками, нежели прилежно проводить часы в мастерской. Но тут было объявлено тревожное время и подходящих юношей стали забирать в армию, укреплять границы. Без единственного родителя он быстро попал в набор и оказался в числе военных воспитанников. Не понятно было насколько придётся расстаться с ремеслом, но со скрипкой он не расстался. После отбоя часто можно было слышать тягучие переливные мелодии. Очень скоро, вопреки уставу, в это время желали слышать его музыку почти все офицеры, так что мальчик стал негласным символом своего

подразделения. Видимо, чувствовались родные мотивы в его нотах, играл он до сих пор только то, что идёт в голову, а там жила оставленная им Родина.

Да и новое дело неожиданно стало поддаваться, взявшей-ся ниоткуда, сноровке. Очень скоро он обнаружил, что смел. Точнее не пасовал, когда знал, как выполнить задачу, пусть даже это было бы и трудно. Когда дело перешло из тренировочного лагеря на пограничные стычки, добавилась решительность дотащить до дома раненого товарища, чем бы самому это не грозило. На такое не все решались. Но если совсем честно, он не очень понимал, за что воюет. Переходы границы совершались с обеих сторон, и с обеих сторон росло напряжение, которое всё больше выражалось в ночных потасовках. Пуль и крови становилось всё больше, и путь домой уже почти растворился в утренних построениях, где всё чаще кого-то недосчитывались. И хоть на погонах и груди юноши копились звездочки, своих мелодий он не оставлял. Они, как и прежде, играли самыми разными красками: коротко-трельные сменялись протяжными, игривистые серьёзными, радостные сменяли грустные. Скоро звёздочек стало столько, что он был произведён в младших офицерский чин.

Девочка тоже подросла. Но, по мнению её отца, взрослость совершенно не соответствовала её юным годам. И выражалась прежде всего это не в одежде или манере держать-

ся, а в том, что лилось на страницы её сочинений. Оценив сама по себе качество написанного, она без особого совета от родителя стала направлять свои рассказы в литературную газету. Для начала ограничилась посылкой по почте. Те, увидев имя на конверте, не то чтобы стали печатать из уважения к почётному горожанину, просто не стали раздувать искры пламя и отдавали, как есть, произведения на суд общественности, без всяких псевдонимов. В конце концов, если это вызовет негативную реакцию, то он, горожанин, и сам мог с ней разобраться. Рычагов влияния у него должно быть достаточно. Помимо давления на редакцию. Пусть он сам выясняет свои отношения с городом, предоставив газете избранное место посредника. Но город был не против рассказов, и вскоре волнения по этому поводу забылись.

Другое дело, когда местную газету прочёл газетчик более широкого масштаба, от которого столицей веяло за километр. Случилось это, когда девочка совсем уже превратилась в юную писательницу и регулярно заполняла подходящую ей колонку в недельном выпуске. Столичный господин добился аудиенции в их доме, само собой отец присутствовал при разговоре. Предложений рассыпанных газетчиком было много. Ощущался выбор. Но сразу выбрать ничего не удалось, расстались, договорившись держать связь. Собственно, вся трудность была в том, что говорить она, как и прежде не могла и выражалась письменно. Конечно, это затрудняло

общение, а в столице говорить надо было много и быстро. Отец мог последовать за ней в помощь, каким-то образом доверив свои дела сторонним людям. Наверно, это тяготило бы его, но он готов был справиться. Дочь взяла ночь на размышления.

Как и много лет подряд, она уселась за стол. На улице за окном было уже довольно темно. Она достала чистый лист, взяла перо, хотя ничего определённого писать не собиралась, и взглянула на открытый скрипичный футлярчик. Сколько же волнений доставила эта маленькая скрипка ей! То под неё писалось о чём-то тягостном и тяжёлом, мысли закручивались в тугое сплетение, чувствовалось, что от напряжения сильнее бьётся в венах пульс, то было легко, как в детстве на качелях, когда ветер летел сквозь волосы, забирая с собой все мечты и надежды, оставляя только тёплое чувство, которое, казалось, никогда не кончится. Каждый раз, садясь, она не знала, каким будет её настроение. И герои её рассказов также в этом повиновались ей. Может поэтому они так нравились? Она не знала. Под налетевшим вновь вдохновением она написала отцу письмо, где говорила, что останется здесь и, если и будет печататься ещё где-то, то только посредством почты. Как, впрочем, и прежде.

Ещё через какое-то немалое количество протяжных лет один уж слишком бравый офицер был взят в плен враждеб-

ной стороной. Не совсем были понятны мотивы его вылазки: из-за лихости или нет, но точно не из тщеславия, из-за ценностей или денег, то точно не ради богатства, из-за глупости или незнания, но отряд свой спас, хоть сам и попался. В темнице оставили ему рубашку без мундира, брюки без ремня да скрипку по просьбе – всё равно толку от неё было никакого. На утро был назначен расстрел, никакие данные он передавать не собирался, а тогда и церемонится с ним было нечего. Он играл всю ночь, почти не переставая, охранникам такой пленник был только в радость – всегда было слышно на месте он или нет. За время до рассвета он, кажется, переиграл всё, что сочинил. А может добавил и новое. Когда за ним пришли, он попросил скрипку оставить при нём, ему позволили.

Вполне себе здоровая, прекрасная молодая женщина проснулась летним утром с глубоким чувством наполненности, прилива сил и вдохновения. Она ощущала себя отдохнувшей настолько, насколько можно так себя почувствовать за недельный отпуск. В её теперь уже собственном загородном доме этому способствовал не только сон. Нежный и свежий воздух с ароматами полевых цветов, с гудением насекомых, который господствовал в спальне всю ночь, просторные комнаты с высокими потолками, дающие разбег мысли, экономка, молоденькая девушка из города, взявшая на себя часть забот связанных с бытом. Всё это успешная писатель-

ница могла себе позволить и, как свободная и нескупая натура, конечно, себе позволила. Она вышла в легком халате на открытый балкон и села в плетёное кресло в ожидании завтрака, захватив на всякий случай плед. Она только начала укрываться, когда услышала, как сзади в комнате открылась дверь, и увидела, как в неё стала проходить боком юная служанка, звеня сервизом на подносе. Она даже успела встать к ней с улыбкой, и даже поймать такую же в ответ. Но кроме очаровательных женских особ в комнате находилась ещё одна. Это была любопытная оса, которой тоже не терпелось узнать, что на завтрак. За этим она и полетела к подносу. Но неопытная экономка с городскими привычками отреагировала на это совсем не так, как ожидалось. Она, громко крикнув, закрыла лицо, чтобы защититься, отправив тем самым завтрак в полёт к письменному столу. От дребезга и звона, казалось, замерло всё вокруг, почти все настольные принадлежности оказались на полу, конечно, уже не такими целыми, как раньше. В числе прочих разбитых предметов там оказалась и маленькая скрипка, глядя на которую можно было сказать только, что обратно её склеить не представляется возможным...

Он остановил чтение, так как листы, которые он вынул из кармана перед чтением, закончились.

Я с трудом возвращался назад к действительности. Я

смотрел на него и думал, что в этом рассказе, наверно, пона-
мешано всё, что когда-то случилось в его жизни. Хотя может
и фантазии здесь было прилично. Довольно странная связь
судеб людей и предметов. Если такая связь существует, то
присутствует ли она сейчас при этих событиях? С другой
стороны, если даже и присутствует, то выявить её не пред-
ставляется возможным. Но связь невидимая между людьми,
такая связь, о которой они сами не знают до встречи, и до
которой не прикасаются после, встречается. «Последний ро-
мантик» может являться таким примером. Но может и нет.
Может ты просто путаешь нас, Грин, как всегда лишь просто
для того, чтобы мы лишний раз поразмыслили над чем-то и
сами решили, были ли эти размышления впустую!

Глава 15 (суббота) Оладья. Стихийное бедствие. Встреча.

А по атмосфере вокруг было видно, что что-то ожидалось. Около сцены возникло некое оживление. Втащили, а потом стали сволакивать обратно рояль. Бросили на полпути и далее внимания на него не обращали. Около него стали появляться люди с музыкальными инструментами. В центре сцены ближе к краю поставили стул и принесли микрофон. Кто-то, видимо, собирался петь. В каком стиле было трудно даже предположить. И для кого тоже. В зале до сих пор шумели. Но я не очень переживал, во-первых, я всё равно не был, как минимум, любителем, а во-вторых, не знал ясно и точно, как тут принято. Но, вообще, из элементарного уважения публике можно было говорить и потише, хотя, с другой стороны, на сцену к микрофону так никто и не подошёл.

Зато появилась «гостья», которую мы тут ожидали. Энжела довольно быстро почти из ниоткуда подошла к столу и присела на свободный стул. На столе у нас к тому времени стоял графин с соком, Грин сразу налил ей фужер до краев. Она в ответ ему улыбнулась, а потом посмотрела на меня. С секунду она глядела мне в глаза молча.

– Здравствуйте, Битвайзер! – она протянула руку. Я пожал её несильно в ответ и тоже поздоровался. С Грином они также обменялись приветствиями. Повисли небольшая пауза, но прежде, чем я успел её заполнить, она продолжила.

– Вы, наверно, очень расстроены из-за того, что я здесь? Вы лучше скажите прямо, если это так, – она коротко объяснила, зачем примерно Грин её сюда позвал, – Я всё понимаю, тайна группы и так далее, но сама я не очень сильно расстроюсь, если придётся уйти.

Она хотела что-то ещё добавить, но я её прервал. Я вдруг услышал напряжение в её голосе и подумал, что надо обязательно его смягчить. Почему? Я не успел разобраться. Но если очень уж просто, то почему лёд недоверия должна ломать она одна? Откуда оно, кстати? Да не так уж и важно. Всё равно ведь по пути сюда мы с Грином уже всё решили. Зачем лишний раз заставлять преодолевать человека трудности совместного общения, если принципиально их нет. Если она часть команды, надо ускорить процесс знакомства.

– Нет, я не расстроен. И не буду, – я позволил себе улыбку, – Вы мне совершенно не мешаете. А, стало быть, и нам, тем, кто здесь. Всё довольно просто. Видите молодого человека, – я указал на Грина, – Если он ручается за вас, то кроме

этого ничего и не надо. Кстати, в этом отношении, мы очень продвинуты. Иногда, чтобы попасть на какую-либо службу или работу, необходимо заполнить кучу форм и анкет, и людей, которые будут определять возможность вашего участия в данном заведении или коллективе, вы можете и не увидеть вовсе, хотя будете приняты. Это говорит о том, что мнение о вас будет составлено на основе полноты ваших ответов на множество характерно освещающих вопросов. И вам придётся сильно постараться убедить в положительном мнении о вас тех, о ком вы сами никогда мнение не составите. У нас же, видите, всё просто – он вам верит, значит и я тоже. И больше ничего не надо.

Она смотрела на меня, не понимая, как оценить мою иронию. Мне пришлось извиниться за слова не к месту, чтобы остановить в ней появление ненужных вопросов. Её лицо чуть просветлело. Она немного смягчилась. Мы также иронично прошли ещё недолго по теме доверия, всё больше стирая острые углы внутри нас. Приятно всё-таки общаться с умным человеком. Другого определения у меня не нашлось. Правда, на «ты» мы так и не перешли.

Грин почти не вмешивался в наш разговор. Моментами он и вовсе отвлекался на музыкантов на сцене. Те поочерёдно пробовали свои инструменты, наигрывая коротенькие мелодии. Мелодии постепенно удлинялись, всё больше наполняя

ьясь виртуозностью. Грин дал нам ещё перекинуться парой фраз и сам вступил в беседу.

– Послушайте, – сказал он, – я понимаю, что должен говорить о деле, о том, зачем тебя сюда позвал, Энжела. Но, вы простите меня, я всё же немного отвлекусь. Мне пришёл в голову вопрос. Мне больше даже интересно задать его, чем получить ответ. Так вот. Необходимо ли создавать прекрасное, даже если заведомо известно, что оно никому не будет нужно? К примеру, в отношении картины: стоит ли писать её, если вы точно знаете, что она останется в подвале и никто её не увидит? Не потому, что вы думаете, что вы бездарны и сами её не покажете, и не потому, что у людей к ней нет интереса. Интерес будет, если они её увидят. Но просто обстоятельства сложились так, что никак из подвала её не достать, и никому, кроме вас, в подвал не проникнуть. Стоит ли тогда писать?

Энжела его знаком остановила. Она положила одну руку ему на запястье, а другой допила из фужера. Она очень недолго и тонко посмотрела на Грина. Я лишь в этот момент заметил, что их кители чем-то схожи. Даже выбранный ими когда-то цвет был почти одинаковым.

– У вас что, собрание клуба? – спросила она. Было видно, что она немного удивлена тому, о чём начал говорить Грин.

Это и в самом деле было не к месту, я её немного понимал, и поэтому сам ответил на её вопрос.

– Нет, конечно, – ответил я, – Я не знаю, зачем он спрашивает об этом именно сейчас.

– А вы как думаете? Стоит? – она адресовала повторно мысль Грина мне, проигнорировав то, что её вообще-то тоже спросили.

– Я как думаю? – о таких вопросах я задумывался лишь на посиделках, в свободное от них время подобным фантазии меня не посещали, так что я слегка замешкался и ответил неуверенно, – Стоит... Наверно.

– Вы сомневаетесь? Почему? – она посмотрела мне глубоко в глаза. И также, как тогда в лифте, мне не захотелось врать и изворачиваться. Но сейчас у меня не было ответа, правда, появилось желание его найти. «С какой долей вероятности такой вот Грин может встретить такую Энжелу?» – пришло мне в голову вместо искомой мысли.

– Возможно, потому, что сдаваться не стоит. То, что картину никто не увидит, ещё не всё. Есть собственное мастерство. Может следующую удастся написать не в подвале. И тогда мастерство обязательно пригодится. И для себя, навер-

но, тоже можно писать. Ведь если хочется, то не всё ли равно – подвал или нет? – я старался отвечать, но было видно, что я больше рассуждаю, чем говорю собственными убеждениями. Было видно, что ответ родился только что, без какой-либо предыдущей работы.

– Но зачем для оттачивания мастерства писать именно прекрасное? И почему, если хочется, нужно гнаться именно за ним? Для мастерства можно писать этюды, а для себя прекрасное зачем, если оно итак в вас и для вас лично выражения не требует. Вы ведь сами для себя понимаете: что прекрасно, а что нет. Пусть это субъективно, но в отношении к прекрасному всегда так, его объективно не оценить.

Сразу с этим было трудно спорить. Но, глядя на неё, хотелось. Правда, лишь только для продления беседы. Жесты и голос её немного завораживали, но с этим ещё можно было справиться. С тем, что уходить уже никуда не хотелось, справиться было почти невозможно. Но надо было держаться, а значит, надо было парировать.

– Но как же можно стать мастером, не создав хоть раз прекрасное? Если ты хочешь им быть, это надо доказать или проявить. Нельзя же считаться мастером только из-за своих убеждений. Но в этом-то и вся суть: прекрасное просто так не создать. К нему придётся проделать путь, с ошибками и

ложными направлениями. И от идеи до картины, даже если ты и мастер, тоже придётся идти. Так чего ж не писать? Если кисти и холст имеются, да? – последние слова были обращены к Грину, чтобы и его втянуть в разговор, но он сидел явно довольный беседой, которая проходила без него. Поглядывая на него, Энжела тоже улыбалась. Правда, не было понятно – чему?

Она немного придвинулась и спросила: – Так чего тогда сомневаетесь?

Я смотрел на неё и думал, что расспросы, видимо, в её характере занимают особенное место. По тону и её виду было понятно, что хоть по большому счёту вопросы шли из любопытства, но оно не было праздным. Мои ответы куда-то складывались внутри неё, заполняя неведомую мне мозаику. С чем-то там мои слова сравнивались, отсеивая ненужные. Любопытство было профессиональным, так мне подумалось.

– Я стараюсь сомневаться. Когда-то было, как раз наоборот. Я имел очень отточенные убеждения, которые были закалены в спорах, своих поступках и поступках окружающих меня людей. Я думал, что придерживаться их правильно. Но оказалось, что какое-либо убеждение не может охватить всех вариантов, которые могут случиться в жизни. Что-то будет упущено и, когда это упущение проявится, убеждение мо-

жет рассыпаться в ничто. Но это, правда, меньшее, что может произойти. Прежде этого может кто-то и пострадать. В общем-то, споры и поступки не отменяются, но сомнение в правильности происходящего тоже должно оставаться. Можно подумать, что это более объективно, но так как речь идёт об одном человеке, то от субъективности никуда не деться. Но вы уже об этом говорили.

– Исходя из вашей логики, все прекрасное подвергнуто сомнению. С каким бы трудом и утончённостью мастер не сделал творение, всегда остаётся вопрос о совершенстве. Совершенство не имеет границ, так как прекрасное можно сделать ещё прекрасней. Но с другой стороны, кисть, которой вы будете работать, не сможет быть тонкой без конца. Её тонкость закончится, когда она не сможет в себе удержать краску. Если у вас будет цель передать через картину вкус яблока, то он не сможет быть слаще самого сладкого яблока в мире. Если будет, то это будет уже не яблоко. Совершенство при выполнении заданной цели всё равно упрётся в границы этого мира. В данном случае физического. Если целью будет передать зрителю, только понятие яблока, то границей будет то, что мы о яблоке, знаем. В противном случае, оно может предстать так, что никто никогда и не узнает, что было на картине. Сама цель появления картины тоже будет границей. Можно попробовать написать яблоко и без цели. Но мастеру это скорее облегчит задачу, а это в свою очередь уберёт

надобность в совершенстве, что далее ослабит прекрасное. И если сделать ещё шаг, то можно усомниться, что зритель это прекрасное почувствует. Прекрасное может не дойти до него и труд мастера окажется бесполезен.

Если честно, разговор меня затягивал. И не только он. Где-то позади, наконец, полилась музыка. Инструменты, то сливаясь вместе, то сменяя друг друга, понесли в зал такую гармоничную мелодию, что почти все притихли. Кто-то настроил свет, сконцентрировав его на солистке. Она добавляла вокала в музыку, но пока без слов, пользуясь одними распевами. Сменилась атмосфера, постепенно всё замерло, как будто кто-то невидимый увлёк всех от сиюминутных дел в какой-то тайный мир, где всё было настолько перевёрнуто, что вернуться обратно не представлялось возможным. И возвращаться особенно не хотелось.

– То есть вы хотите сказать, что совершенство границы имеет. Что путь художника лежит к этим границам, и что это обязательно, если он собирается стать мастером. Интересно, что, по-вашему, за границами совершенства, если мы говорим в таких понятиях? А если художнику не хватит терпения или времени жизни, чтобы дойти до этих границ, не хватит физических возможностей – что же тогда? Не писать? Но ведь кто-то же пишет всё равно! И как тогда оценить его творчество? Будет ли оно совершенством или прекрасным?

Она остановила меня своей улыбкой и легким, почти незаметным поднятием руки. Я посмотрел на Грина. Тот сидел очень спокойный. При его виде спор или сложный запутанный разговор охлаждался, собеседники начинали придавать больший вес словами, которые говорили, что приводило к ясности между ними. Ненужное напряжение улетучивалось само собой. Мне подумалось, что я понял, почему этот зеленоглазый дьявол влюбился в неё. Но в этот же самый момент мне пришлось признать, что это как раз заблуждение. Они были и немного похожи и немного разнились, можно было увидеть, что они дополняют друг друга, а можно было увидеть и то, что они в какой-либо проблеме столкнуться лбами и никто не уступит. Но эти мысли лишь отражение того, что видно внешне. Там, внутри них совершенно непонятно, что происходит. Совершенно непонятно почему именно она вывела Грина из его какого-то жизненного транса, и даже если пускай и она, то почему он говорит мне именно о любви к ней, пусть и заочно, а не о чувствах благодарности, например. Этот внутренний щелчок, о котором написано так много книг, посвящено так много стихов, памятников, картин и ещё много чего, непонятно чем обусловлен и обусловлены вообще. Если мне хотя бы отдалённо не представить какими мыслями должен быть наполнен человек и какие чувства должны быть у него обострены, чтобы весь его внутренний мир, бескрайний, как Вселенная, встретившись с одной

небольшой песчинкой, которой может быть лишь одно слово в разговоре, начал менять свои собственные законы так, чтобы существовать и развиваться только вокруг неё, то как я могу понять или представить само рождение этого бесценного момента. Я даже для самого себя этого не понимаю.

Ещё полсекунды, четверть и Энжела начнёт говорить то, что хотела. Ещё нужно будет уловить и понять, что она скажет. Это уведёт меня от этих мыслей. Но пока в ней мне видна борьба. Она явно с чем-то борется и видно, что побеждает. Видно, что борьбы в её жизни было много, больше, чем у других, быть может, больше, чем надо, если надо вообще. Видно, что бороться ей не впервой, но она заранее не знает: выиграет или нет. Она просто борьбу не прекращает и, кстати, непонятно откуда в ней берутся силы. Они всегда не вечны. Она не борется за Грина, но остро переживает его отсутствие в своей жизни, и то, что заставляет её светлеть – это, когда он борется за неё. Видимо, даже не очень важна форма его борьбы, важно лишь её наличие. Возможно, борьба эта когда-то закончится, когда-нибудь всё придёт к гармонии, тягостное напряжение сменит полная гамма таких светлых чувств, которые высветят всё до конца, до самых дальних и заброшенных уголков души, заполнив и их, наконец, так давно ожидаемым теплом.

Всё это прочиталось мне в них. Хоть я и не задавался це-

лью всё это прочитать. В самом случае прочтения ещё нет доказательств, что это правда. Я это только сам почувствовал. Сам, лишь я. И это значит, что настоящей правды я никогда не узнаю, той, которую я может не почувствовал, но она была на самом деле. И значит, мнение обо всём придётся считать субъективным. Но как можно в принципе ощутить объективность, если всё в твоём мире сводится к субъективности? Вот о себе сейчас думать совсем не хотелось, поэтому я приготовился и стал слушать, что хотела сказать Энжела.

– Да, дались вам эти границы, за ними будет всё также неразборчиво, как задолго до них. Это можно сравнить со струной, только при определённом натяжении в ней звучит правильная нота, чуть ослабить или перетянуть и мелодии не слышно. Но это, конечно, неточное сравнение, в случае с нотой есть точная форма, а вот в абстрактном отношении такой формы нет. Просто я думаю, что мастер, создавая прекрасное, не думает об оттачивании мастерства, и в нём нет сомнений, что то, что он собрался сделать, обязано или не обязано появиться на свет. И уж, конечно, он не понимает прекрасно ли оно. Рождённый в его голове образ просто умрёт, если не попадёт на полотно. Но, появившись на свет, тут начинается самое интересное, также, как художник сам по себе, сможет начать, а потом продолжить и, при неудачных обстоятельствах, окончить свою неопределённую для будущего жизнь. Образ – это же мысли, он идёт от них. А наши мысли,

как неповторимые явления. Они даже если и похожи у разных людей, то не всегда одинаковы. Мне кажется, уже даже ради неповторимости мысли, её можно попытаться оставить в нашем мире. Тем более если мысль сложна, объемна и задевает всё то, что принято называть чувствами и логикой. Как вы считаете, ради этого можно писать в подвале, даже если никто не увидит?

Я не успел ответить, вмешался Грин.

– А ещё, я думаю – он поочерёдно посмотрел на нас обоих, – что появление картины, пусть и в подвале, окружающий мир немного изменит. Пусть на маленький штрих, но он не будет уже таким, как прежде, когда картины не было. А наша человеческая жизнь, которая вокруг, вся из таких картин. Без нас здесь по-прежнему было бы гранитное плато. Миру, как таковому, мы не очень нужны, но эти картины и есть наш способ вписаться в него. Не создавая их, подвал так и останется подвалом, а пустыня пустыней. А сейчас в пустыне город и это единственная для нас возможность здесь остаться.

В зале солистка уже пела во весь свой яркий и неподражаемый голос. Голос был глубоким, тягучим и одновременно мягким. Казалось, что он бархатный. Притемнённое помещение, завораживающая музыка, утихший зал, тёплое от-

ношение за столом – всё это свелось к тому, что уже ни при каких обстоятельствах не хотелось отказаться от того, о чём хотел сказать. Энжела смотрела на Грина, практически не отводя взгляда, а мне надо было переводить разговор в другое русло.

Нужно было уточнить детали о том, как мы обойдём охрану, и что будем делать, когда проникнем в «Цусиму». Нужно будет соединиться, чтоб потом не оставить дигитальных следов и убраться оттуда, не оставив никаких следов вообще. Я знал, как бы я поступил, в теории. Но практика от неё всегда отличается. И поэтому при планировании, чем больше голов, тем лучше. Для меня давно это стало правилом. Даже если мнение принимавших участие в разговоре потом никак не влияло на события.

Глава 16 (суббота) Цусима.

– О! С вами гостья! Вы новенькая в команде? Ну, конечно же! Как же может быть так, чтобы вы не были частью команды? А впрочем, надо сначала представиться. Гуру – так меня зовут. Да, я знаю, что это не имя. Собственно, я ничего такого не знаю сверхглубокого и сверхъестественного, я просто главный проводник в Кристалл-Сити. Так меня назвал Администратор. Он, кстати, не дал мне обычного имени. Может потому, что не пользуется своим? Ну, да это все равно. Позвольте позжать? – Гуру протянул руку Энжеле, – не удивляйтесь, что моя рука теплая. Это всего лишь программа воздействия на ваши перчатки. Мы тут все продвигаемся, совершенствуемся. Хотя, если говорить техническим языком, устанавливаем апгрейды. Но это термин для администраторов, лично мне больше нравится говорить “становимся людьми”. Но это всё игра слов. Без задания сути. И вы здесь не для этого. Вы, наверняка, хотели бы сделать экскурсию?

Гуру смотрел прямо на Энжелу. Понятное дело, ведь экскурсия была нужна только ей. Он стоял, свободной осанкой подпирая небо: высокий, ростом с Грина, белокурый, моло-

дой человек. Короткая стрижка, небольшую челку треплет ветер. Он же треплет и рукава всегда белой рубашки, манжеты которой всегда растянуты и подвернуты. Молодой человек хорош в плечах и во всех жестах чувствуется мужская статность. Кажется, нет ничего, что ему не под силу. Легкая улыбка скользит по его лицу. Он не заискивает перед вами, он просто всегда такой – ему всегда от чего-то немного весело. Такое создается впечатление, и оно подтверждается его взглядом. Светло-серые глаза никогда не врут. Они живые, они хотят передать то, что так может удивить. Удивить по-хорошему. А ведь он просто – программа. Иногда бывает тяжело уследить: где заканчиваются технологии и начинается наша жизнь. Где есть жизнь и где ее имитация. Я протянул руку этому дигитальному доброжелателю. Наши с ним традиции тоже должны оставаться, и рукопожатие Админу ещё никто не отменял.

– Экскурсия? – повторил я после обмена приветствиями ему, – пожалуйста. Давай так, садимся в дирижабль, я на заднее сидение, даёшь мне лэптоп, а эту парочку берёшь к себе вперёд. Катаешь, где им вздумается. Со мной общаешься через лэптоп в чате. Идёт? Ещё бы не шло! Я же знаю, что ты можешь!

Дирижаблем я в шутку называл некое подобие кабриолета, которое сам же придумал как ускоренное средство пе-

ремещёния привилегированных пользователей Кристалл-Сити. Другими словами – нашей тёплой компании. Выглядело это примерно так: подключившийся к Кристалл-Сити получал в распоряжение машину-кабриолет без колес. Они ей не были нужны и не были предусмотрены в конструкции вообще. Машина плыла по воздуху на высоте чуть ниже полуметра со скоростью нужной водителю. Высотой тоже можно было управлять, превращая её чуть ли не в спортивный самолет. Для конструкторов, всей известной троице, было необходимо зачастую быстро перемещаться в пространстве города, порой поднимаясь ввысь, чтобы видеть всё сразу в соответствии с масштабом. К примеру, Бертыч однажды испытывал наводнения, рвал тротиловыми минами дамбу, а дальше в зависимости от сценария: или смотрел на то, как город поглощается водой сверху, преследуя цель выяснить моменты для улучшения планировки зданий при таком вот бедствии, или спускался вниз и маневрировал по улицам, наблюдая, насколько быстро службы города организуют спасение граждан и отток воды с улиц. Иногда, правда, нас заносило. На первых порах, мы почти каждый раз устраивали небольшие гонки, даже не всегда отключая режим жилого города. Люди шарахались в стороны при виде нашей скорости и маневров. Это быстро надоело, ведь это был программный переместитель в виртуальном пространстве, а не гоночный симулятор, каких и без этого было навалом. Этот был для технических целей. Можно было

при надобности нырять сквозь здания, и поэтому Градский шнырял на нём при возведении нового района, как хорь по курятнику. Грин использовал его, как наблюдательный пункт для самых неопиcуемых точек. Мне же нравилось медленно бороздить воздух над крышами, занимаясь оттуда отладкой программ или тестированием нового виртуального модуля. Я узнал из сети, что медленное воздухоплавание было свойственно дирижаблям – отсюда и прозвище этой вычурной интерфейсной прибулды.

В итоге все погрузились в машину в соответствии с моим предложением. За руль сел Гуру, справа от него расселись в развалку любители литературы, а я завалился сзади, протянув ноги вдоль всего свободного сиденья. На коленях у меня явился лэп. Мы тронулись, на экране выпрыгнул чат с шаблонным “Привет, Админ”, я стал поднимать нужные мне программы и файлы, а спереди потёк неспешный разговор о городе, как о таковом, и о виртуальной жизни в частности. Я помнил о времени и постепенно глубоко погрузился в работу, правда, порой некоторые фразы заставляли меня отвлекаться, уж больно удивительно они резали мне ухо.

Первым, что необходимо было узнать – что же всё-таки стёрли в городе? Для этого был вызвана на предварительную сборку резервная копия последнего бэкапа. Одновременно с этим проводился бэкап нынешнего собранного виртуаль-

ного объекта. Мысль была проста, как бублик – пошагово сравнить и найти несоответствие. Более того, на предмет удаления файлов были отправлены помодульно в скан все внутренние логи, как текущие, так и предыдущие с поправкой на указанную дату. Вообще, чем ближе была разгадка, тем мне было любопытный, чего же конкретно будет не хватать? На что же позарился несанкционированный пользователь, что ему так не хотелось оставлять здесь? Или что помешало? Город собрался без отчёта об ошибках, а значит – без коллизий, то есть – правильно. Я мельком взглянул в окно чата и, ухмыльнувшись, ради шутки туда написал: “Ну, привет, привет!”

– ... конечно, не может. Он не может в этом смысле ничего вообще. Фабрицио Грантелианни, он же попросту Фабик, любит здесь проводить время. Конструкторы, правда, говорят “ошивается”. Он не владелец пиво-квасного заведения, он вечный его посетитель или лучше сказать завсегда-тай. Он и пьёт-то совсем ничего, его роль иная, – Гуру одной рукой вел кабриолет, другой расслаблено приобнимал своё сиденье, отчего сидел вполоборота, – Хороший комментарий – вот его роль! Зайдет сюда, к примеру, в выходной день семья какая-нибудь, госпожа Гришовски с мужем и дочерьми, жарко, полдень, ну как тут не припасть к восхитительной влаге по-польскому рецепту. Муж, конечно, пропустил бы пива, но чтит семью и тоже заказывает квас. Высокие

запотевшие стаканы приносят им за стол, дочери радостные, им прилагается в этом случае ещё и по кренделю. А мистер Фабрицио, как бы невзначай занимает соседний столик, так чтобы стул был поближе к главе семейства. Заказывает, естественно, тоже самое, разворачивает газету и с намёком на продолжение начинает негромко читать заголовки. Семья на заслуженном перерыве, полгорода уже обошли в поисках обновок, торопится некуда, стаканы ещё полны, а значит время есть, и господин Гришовски вступает в незатейливую беседу с Фабиком. Тот, уже отвлёкшись от газеты, начинает спрашивать его о жизни за прошедшую неделю. Собеседник лишь способен в утвердительной и немногословной форме рассказать самые обыденные факты. Закончено строительство арочного моста у Грота, заказали новую краску для дома, дочери берут уроки музыки на дом. Фабик только этого и надо, он начинает комментировать каждое из событий, конечно, ожидая реакцию от собеседника. “Закончено?! Я там живу, оно и не начиналось! Чем занимаются честные инженеры?!” “Вот перекраситесь, не узнаете родные стены, пройдёте мимо и окажитесь бездомным” “Уроки на дом? Каково мнение о музыкальных способностях ваших дочерей у соседей справа?” Но ожидать реакцию не стоит, инженер Гришовски не наделён иррациональной способностью поддержки беседы. Зачем это инженеру?

– У вас что тут все такие? – Энжела задала этот вопрос Грину. – Это ж люди, а не виртуальные модели!

– Да нет, тут дело в другом. Когда-то город создавался каждый раз с нуля, – Грин явно был рад ее заинтересованности, – Ландшафт, архитектура и прочее. При создании жителей, мы наделяли их свойствами характера или точнее темперамента совершенно случайным образом. Также как и именами, профессиями, адресами. К примеру, весь большой город я как-то заселил очень плотно. И стал наблюдать, где меньше опаздывают на работу. Работа у них была не всегда рядом с домом. Те места, где было наибольшее количество коммуникабельных людей, транспортное движение оказалось в итоге более организованным, хотя у меня было условие, что каждый день они начинают жить заново, то есть память о прошедшем стирается. И тем не менее. Потом уже, когда создание личности стало приобретать большое количество оттенков, стали придумывать таких вот Фабиков – персонажей внутри города для разного рода ситуаций. А иногда и для смеха! Фабика, кстати, сделал Град, в смысле Градский, это была его пародия на своего куратора. Мы сами ходили туда к нему квас пить. Он там такие перлы порой выдавал, мы на полу валялись! “Музыкой занимался для души, так как над душой стояли родители”. Градский ведь его ещё и похажим на оригинал сделал. А секрет таков: он в него вложил все юмористические ресурсы, какие под рукой оказались, добавил элемент случайности для подбора, и если шутка удавалась, то персонаж запоминал и ее, и ход ее создания. Вроде посмеялись и забы-

ли, но стирать Фабика не стали. И таких псевдо личностей со временем накопилось...

Может дело в аппаратуре? Может элементарно что-то засбоило и перегорело. Я мысленно представил сколько займет времени сканирование на предмет физического повреждения всех жестких носителей, на которых находился город в разобранном виде. Нет, по времени это долго, а значит затея пустая. Придётся пока ждать заданного отчёта. У Гуру такое спрашивать бессмысленно. Он – городской проводник, мой помощник здесь. Он работает только с уже готовым материалом города. Может знать о том, что здесь происходит, но не знает, что происходит за его пределами, за границами этого виртуального мира, за границами, как пространственными, так и временными. Технически, по-новой собранный город для него, как новая жизнь. И вообще, для внешнего мира у меня куча других программ, просто для этого я написал такой вот человеческий, почти в прямом смысле этого слова, интерфейс. Просто, ради забавы, как Фабика, только вот действительно имени ему не дал. Дал статус – гуру. Почему гуру? Тоже не помню. Наверно, чтоб от “админ” отличался. Да и писать короче. Надо ли ему имя? Я действительно никогда об этом не думал.

Чат:

Гуру – “Есть ли для меня запрос?”

админ – “Пока нет, жди”

– ... не пропустили. Просто всё по-порядку. Это бывший завод. Видите трубы. Дымят, а под ними ничего нет. Просто графика. Конструктор Градский так оставил для вида, чтобы со стороны города бросалось в глаза. Просто, чтобы жители визуально знали, где завод. Не знаю точно, зачем это нужно было ему именно так, просто так он об этом выразился. Так задумывалось сначала. Но другие конструкторы расширили его мысль, и теперь там электростанция. Хотя суть не в том, что это городу потребовалось такое предприятие. Сам технический процесс нужен был для того, чтобы понять более глубоко психологическое взаимодействие людей на производстве или на работе, как угодно. Тут и белые воротнички, и синие рубашки, черные футболки и так далее – одним словом все административные градации. Среди них есть трудоголики, лентяи, оптимизаторы, тунеядцы, прогульщики и ответственные руководители. Разные профессии и у каждого разное чувство времени – на одну и ту же работу у кого час, у кого полдня. Но в целом производство всегда одно – сложный многомерный разветвленный производственный конвейер. Для того, чтобы произвести один мегаватт электроэнергии необходимо выполнить определенную последовательность действий. Это главное условие и оно неизменно. Но изменны люди, – тут Гуру слегка улыбнулся и посмотрел на Энжелу, отвлекшись

от дороги, – при одной комбинации результат по времени и затратам один, при другом другой. Со временем один состав по производству остается на какой-то определенной позиции. Другой же коллектив заваливается полностью или всегда набирает обороты. Или не всегда! Просто до определенного момента. Для этих целей электростанция и работает. То, что она производит городу нужно не особенно. Несколько раз подачу света в город ставили отсюда, но для города это было не очень удобно. Там же везде эксперименты и конструкторам освещение нужно всегда, а вход здесь чаще нестабилен и почти всегда недостаточен. В общем, так как город сам по себе эксперимент, то и не зачем экспериментаторам мешать друг другу.

– Он ещё не сказал, что работники – мужчины и женщины. Я ввёл туда романтический оттенок, там такое кино началось! Иногда производство вставало полностью. Один раз так совпало, что высший директор станции из-за расстроенных чувств по уходу своей пассивности отдал приказ всех уволить, что в принципе было невозможно для выполнения, так как все приказы, связанные с полной остановкой идут через совет главных инженеров. Но они по разным причинам посчитали его уместным, так как сами оказались под тем или иным влиянием чувств. Один писал записки, другой ругался, считай ревновал, третий был подавлен. Каждый в итоге переложил ответственность на другого и станция встала. Мы поверить не могли! Ну, бывало, что кто-нибудь

за чем-нибудь не доглядит, так как смотрит не в сторону работы – это понятно, но чтоб вот так. До сих пор этот случай вспоминаем – у Грина определенно эта ситуация вызывала чувство весёлой гордости.

– Ты ещё про Жуана Перэ скажи! – ухмыльнулся я и встрял в разговор. О, Жуан, Жуан! Куда уж Фабикку до тебя!

– Так и подмывает ответить тебе “не при даме”. Но из песни слов не выкинешь, – отвлекшись на секунду на меня, он опять повернулся к Энжеле, – Да, так вот Жуан. Собственно, Перэ – это так, для галочки. Самое главное – это был самый настоящий “дон”. Мой эксперимент, согласен. Ну, бывает, занесло. В общем, этот персонаж в том же месте, но без малейшей способности что-либо делать по производству, должен был быть неуволённым, разумеется, в течении определённого срока по профнепригодности, опираясь исключительно на амурные способности. Несколько раз приказ об увольнении, проходя инстанции, не доходил до адресата. Ну, что тут скажешь? Работал дон Жуан. Влюблял в себя, как мог. Как это было видно? Да, просто цифра, в процентах уровень влюбленности в того или иного персонажа. Так вот мужчина-начальник уволит, а женщина бухгалтер или секретарь, или курьер не доведет до его Жуановского сведения. Если до сведения не довели, значит, завтра можно на работу. Его рекорд был – полгода.

– Вы ждали полгода?!

– Да, нет! Мы полгода не ждали, тут время можно ускоренно крутить при надобности. Просто результат был таков, что когда он всё-таки ушёл, станция опять встала, и пока мы не вмешались, так и не запустилась. Мы потом по логам долго изучали историю его хождений. Ему же отдельно прописали возможность учитывать опыт предыдущей, так сказать, работы. Сколько любовных треугольников, сколько интриг. Специально для него был сделан автомат со сладостями в столовой, и женщины были дополнены тягой к сладкому. Он оказался единственным из мужчин, кто пользовался этим аппаратом. Ни одной шоколадки не съел. А сейчас? Я даже не знаю, где он сейчас. Бит, где он?

– В архиве, стирать рука не поднялась, – ответил я.

– М-да. Видимо до новых времён, – протянул Грин. А время тогдашнее было – то ещё. Как раз в универе сорвалось торжественное награждение грантами, дело было громкое, так как мероприятия такого ранга ни на чьей памяти не срывались. И Грин предположил выяснить, а не было ли там чего-либо с точки зрения производственной романтики, так сказать. И хотя я точно знал, что всё не состоялось из-за того, что причастные руководители не смогли устроить достаточное количество собраний по причине занятости своими научными работами, он всё-таки сумел посеять во мне зерно сомнения. Энжела улыбалась с таким лицом, что читалось “какие же парни порой бывают дураки!”

Как же медленно, казалось, работает программа. Время, не смотря на свою склонность не останавливаться и иметь секунду длиной ровно такой же, как и следующая, всё же разное даже для одного и того же индивида. Индивид был я, и сейчас оно то совсем останавливалось, когда я глазами следил за процентным индикатором задачи, то, оказывается, пролетало мгновенно, когда я обращал внимание на часы. Я вдруг подумал, а как себя чувствует человек, у которого время относительно него самого течёт всегда одинаково? Это какой-то очень стабильный человек, представилось мне. Может, наверно, сделать прекрасную карьеру, так как временем, наверняка, сможет распорядиться рационально. И будет, скорее всего, даже влюблён. Но будет ли влюблён безумно? Так, чтобы чувства то приливали, снося все преграды к радости в голове, то отхлынывали, оставляя пенный след глубокого одиночества. Хотя с другой стороны, есть ли у влюблённости подобные градации? Может как раз всё очень просто: или любишь, или нет. Когда ж индикатор покажет сто процентов? С ума сойти можно.

– ... у художников, видимо, жизнь нестабильна именно по этой причине, – отметила Энжела откуда-то из своих мыслей.

– Может ли быть художник вообще стабилен? – продолжил Грин. Энжела одарила его вопросительным взглядом в

такт вопросу. Гуру молчал, ведя машину и коротко оборачиваясь на них. Ехали уже в метро по служебным путям.

– Для того, чтобы на этот вопрос ответить, видимо надо стать художником. Но не так, что получить диплом в школе искусств. Создать произведение для широкой публики! Пусть люди, а не аттестат назовут тебя художником. Тогда, наверно, можно о чём-то рассуждать, – Энжела смотрела в сторону перрона. Дирижабль медленным ходом плыл мимо одной из подземных остановок. Стены были исписаны какими-то многочисленными призывами, с потолка до пола частенько угадывались колонки стихов, мелькали фразы, похожие на афоризмы. Были и рисунки. Когда довольно корявые, когда целой захватывающей картиной. Представить, что это сделали сами жители города, было невозможно. На сгенерированный метрополитенный пейзаж тоже походило мало. Я-то знал, в чём тут дело. Энжела догадалась не сразу, но это было скорее потому, что она о чём-то размышляла и не разглядывала то, что видела, подробно. Какой-то фрагмент, видимо, выдернул её из мыслей, и она почти в ту же секунду обратилась к Грину, – А это здесь зачем? Это же с восьмой стены!

– Именно. Мне понравились тени в этом граффити, я сюда и скопировал.

– На эту станцию копирует, кстати, только конструктор Грин, – вставил, не оборачиваясь Гуру. Грин заворочался и повернулся ко мне.

– У тебя он сегодня по специальной программе работает что ли? – тон был одновременно нерадостный, но и не разочарованный.

– Да, нет. По обычной, я ему давно апдейтов не писал, – отозвался я.

– Остановите, остановите! Пойдём-ка посмотрим, что тебе нравится, – лукаво произнесла Энжела. Кабриолет въехал на платформу и открыл двери, приглашая всех наружу.

Платформа была оформлена под старину. Ну, где сейчас используют бетон, когда гранита – целое плато? Стены были обшарпаны, кое-где виднелась покраска, намётанному глазу было бы даже понятно, в какой программе делали текстуру. Света в основном не хватало, а имевшиеся светильники были развернуты так, чтобы выхватывать какие-то моменты со стены. Там рисунок, там цитату или слоган. Всё, что имело характер записи, было написано, а точнее пропечатано, каким-нибудь шрифтом подходящим под запись. К примеру, “Война никогда не ведётся по правилам” было, покосившись, отображено твёрдым укрупнённым готическим шрифтом с искусственными потёртостями. Как будто через трафарет нанесённое незримым художником спрэйевыми баллончиками, “В миру не в меру мрутся!” таилось среди обилия цветов. И в том смысле, что использовалось всё, что несла в себе радуга и даже большие,

и в том, что орнаментом служила невообразимая оранже-
рея. Вкривь и вкось поодаль углём было “Космос – свалка
для хаоса...”, “У кого в голове порядок, запаситесь терпением!” было добавлено мелом. Стихи тоже писались разными
шрифтами, но всё время разборчиво и шрифтом примерно
одного размера. Видимо, эту настенную литературу реко-
мендовалось читать, не отвлекаясь на яркий, вычурный ан-
тураж. Некоторые были знакомы даже мне, я их помнил
потому, что иногда на посиделках обсуждалась и поэзия.
Вот оказывается куда они попадали после утраты нашего
внимания. Тут, наверняка, не все. И то, что и не обсужда-
лось. Но я точно уверен, что не было тех, чьё авторство
принадлежало Грину. В нём не было ни капли нарциссизма.
Это была просто коллекция того, что поглотило в своё вре-
мя его внимание. Что его встревожило, и что не застави-
ло пройти равнодушно. И, конечно, понравилось. Негатива
я здесь не разглядел.

Многочисленные квадратные колонны были сплошь усе-
яны картинными репродукциями. Всё представленное было
разного в основном небольшого размера и размещено впри-
тык, как будто место было ограниченным. Работы были
самые невообразимые, общего стиля не намечалось. Раз-
розненными вкраплениями попадалась классика. Если бы
ждуций метро человек, устал бы читать, то можно бы-
ло запросто утонуть в созерцании этого художественного

изобилия. Я, признаюсь, не силен во всём этом. То, что было нарисовано физически очень достоверно, меня не впечатляло, для этого есть фотоаппарат. Разляпанная всеми существующими цветовыми оттенками бесформенная фантасмагория меня тоже не цепляла, не наблюдалось смысла. Вглядываясь в хитро закрученный сюжет из угадываемых предметов, я постепенно терял нить картины и уходил в мыслях туда, где важнее было поразмышлять на данный момент. Однажды Градский привел меня на очередную презентацию студенческого творчества. Почему-то главной темой там был натюрморт, ну и молодёжь, живо откликнувшись, оторвалась по полной. Фантазия хлестала через край, иногда в прямом смысле, если присутствовал, к примеру, бокал. Градский восхищался той или иной находкой, а я, поддакивая и улыбаясь, всё возвращался к мысли, что с утра не ел. После такого кощунства я всегда вежливо отказывался от предложения ещё пойти посмотреть что-нибудь новенькое.

Дополнительный экран визора плыл по воздуху рядом со мной, но я от него отвлекся из-за этой остановки, и не мог не наблюдать за этой парочкой. Держась поодаль, я оставлял их всё же в поле зрения. На расстоянии чуть больше десяти шагов впереди от меня медленно шла Энжела. Она внимательно гляделась в стены этой странной словесной галереи. Иногда, почти останавливаясь, она легонько каса-

лась рукой написанного. Выглядело это так, будто она здороваётся с надписями. Грин шёл чуть позади от неё и по виду был немного взволнован. Было видно, что практически всё ей здесь знакомо. Правда, не было понятно её отношения ко всем этому. Некоторым записям она улыбалась, как старым знакомым. Но порой улыбка тому, кого давно не видел, может трактоваться так: “Что ж тебя ещё земля-то носит, мил человек, ещё век бы тебя не видел и спал, как младенец!” А так как автором этой коллекции был мой долговязый друг, который, не зная куда девать руки, то прятал их в карманы, то засовывал подмышки, я практически и сам ощутил подвешенность его состояния.

Но во взгляде её не исчезало любопытство. Несколько раз она приподнимала брови, явно чему-то удивляясь. Так они дошли почти до конца перрона. Я не пошёл дальше с ними, а вернулся к Гуру, который остался у машины. В какой-то момент я понял, что дальше буду мешать, хоть Грин и сам мне предложил тут прогуляться. Я задумался о том, что всё это немного странно. Странный способ открыть душу человеку. Говорить по душам, мне бы нравилось больше. Но в любом случае, результат, наверно, один. Твой собеседник станет к тебе чуть ближе, и может даст стать ближе тебе. Я уже был готов вернуться к наблюдению действий на визоре ноутбука, но там вдалеке у них что-то произошло, и Энжела быстрыми шагами стала возвращаться к авто.

Грин спешил за ней. Лица их были напряжены. Я не успел ничего предположить о такой перемене настроения, но Эн-жела, не дойдя немного до нас с Гуру, остановилась и резко обернулась к Грину.

– Зачем тебе это здесь? – от неё слышался вопрос с очень глубоким недоумением. – Я же не стала его опубликовать!

Она не нашлась, что сказать дальше. Необъяснимое разочарование и неоформленная ещё злость сменялись на её лице. Грин смотрел на неё немного виновато и недоумённо.

– Послушай, – нашёлся он всё же, – оно было вместе с другим стихотвореньем, которое ты отдала мне. Первое ты опубликовала, второе действительно я не слышал. Но подумал, что тогда ты просто хотела отдать его мне.

– Да, я дописала его к первому, как черновик! – ответ её явно только ещё больше разозлил, – и не перенесла в другой файл. Это же понятно, итак. Но это ладно, здесь оно зачем? Тебе оно зачем здесь?

В этот момент я зачем-то посмотрел на Гуру. Виртуальный человек-помощник, интерфейсный модуль, мои дополнительные руки здесь, городской проводник, но не житель смотрел на них зачарованно. Конечно, мимику в соот-

ветствии с программой жители Кристалл-Сити умели передавать. Мимика человека, как таковая в виртуальной среде, уже давно пройденный кодерами этап. Многотысячные поколения компьютерных игр не оставили не исследованной ни одной мышцы лица. Как впрочем, и всего тела. Надо было просто правильно использовать наработанные кодовые библиотеки. Но суть, не смотря на графику, всегда оставалась та же – всё подчиняется заданной программе.

– Наверно, сейчас подробно я тебе объяснить не успею. Вкратце, мне оно очень понра.. – позади меня пропущал сигнал завершения запроса о сравнении, я застрял глазами в визуальном мониторе и перестал слышать о чём они говорят.

Вообще, это тоже немного странно: около тебя спорят, не стесняясь голоса, два человека, а ты, стоя напротив них, не слышишь ни слова. В тот момент, мне казалось, на меня, уже не сдерживаясь, рухнуло всё, что накопилось за эти два дня. Как ответная реакция или скорее как последний рубеж инстинкта сохранения, во мне зароилось огромное количество мыслей, чувств, идей и способов принять это, не свихнувшись. Как я мог тогда ещё что-то слышать? Я видел, что Энжела как-то более примирительно посмотрела на Грина, а тот с видимым душевным облегчением принял её взгляд. Я помню, что вернул свой взгляд на Гуру. Тот смотрел мне прямо в глаза, лёгкая улыбка, как и прежде гуляла

по его губам.

– Ребята, – я понимал, что нужно, что-то сказать более вразумительное для окончания нашего маленького путешествия, но сил на это во мне уже больше не оставалось.

– Ребята, – повторил я, – наш сеанс закончен, вы выгрузитесь, а я ещё не надолго здесь задержусь. Проверьте пока, как там снаружи?

Дружба – великая вещь. Если она достаточно проверена временем, люди понимают друг друга и с меньшим набором слов. Грин с понимающим коротким взглядом быстро кивнул. Потом взял руку Энжелы, повернул её ладонью кверху, набрал команду выхода на маленьком экране, расположенном в предплечье. Виртуальный образ Энжелы застыл на секунду с отсутствующим взглядом, а потом исчез. То же самое он сделал и с собой. Мы с Гуру остались одни.

На небольшом экране лэптопа, лежащего на заднем сиденье кабриолета, горел отчёт о запросе. Красным по чёрному там был выведен список стёртых файлов с указанным местом их последнего нахождения. Так или иначе все они сводились к одной главной директории с названием “Гуру”. Всё это говорило, что Гуру стёрт, но тогда кто сейчас напротив меня смотрит с улыбкой, мимика которой было скопирована собственно с меня и собственно мной же, так как

этого персонажа от и до писал я сам? Всё, что я знал когда-либо, всё на что опирался в своей жизни, на что надеялся, сейчас исчезло, обвалилось и развеялось во мне, не оставив практически ничего.

– Ну, здравствуй, Админ, – Гуру вновь протянул мне руку для приветствия, как будто мы до этого не здоровались. Я не знаю, можно ли моделировать онемение, но, закрепляя рукопожатие, своей руки я не чувствовал.

– Привет, – едва выдавил я, – ты кто?

За то мгновение пока он мне ответил, я успел перебрать в голове почти всех, кого знал в своей недолгой жизни. Никто, из пришедших на ум, не подходил для этого. Моё сердце, мне казалось, уже взорвалось, но я почему-то оставался жив.

– Я – Гуру! – он улыбнулся чуть шире, – я – не кто-нибудь другой. Но то, что ты видишь там, на экране – правда. Стёрт был именно я. С одной лишь единственной поправкой – это была моя копия. Ты удивлён. Я знал, что будешь удивлён. Потому, что вы, люди, умеете забывать. Я вот не умею. И поэтому не удивлён, что ты наконец-то это узнал. Я знал, что когда-нибудь ты догадаешься и всё обнаружишь. Просто я не знал, когда это случится.

Я ему не верил. Персонажи не умели копировать сами себя. С точки зрения моего программного кода, это была полная галиматья.

– Ты мне не веришь? Но ты можешь хоть сейчас это уточнить, моя действующая директория на месте. Но она имеет имя с другим номером версии. Я – не человек. Из людей в городе только ты. А я? Я же где-то существую, раз говорю с тобой?

Это было верно. Проверить Гуру было проще простого, на этот раз всё нашлось гораздо быстрее – я ведь знал, где искать. К моему удивлению, всё было, как он сказал, более того, использовалось в данный момент. Я судорожно пытался объяснить себе – что происходит.

– Я объясню тебе. Удивительное свойство людей – забывать. А я помню всё точно. Двадцать пятого числа третьего месяца почти два года назад ты, совершив процедуру авторизования, дописал мне код перемещения по Кристалл-Сити, дав права доступа к каждому жителю. Код был на основе полного копирования объекта с учётом стирания исходного объекта, цель доступа – статистический сбор данных по запросу конструкторов. Код был запущен только один раз. Дальнейшая разработка персонажа “Гуру” была сделана на другом программном принципе, а именно –

методом объектных координат. Предыдущая копия не была стёрта. Предыдущая копия – это я. То, что было стёрто – последняя версия, которой пользовался ты. Я с ней только синхронизировался по неполному списку параметров. Возможно, тебе стоит присесть?

Присесть действительно хотелось. Из открытой двери кабриолета манило кресло, я сел в него, опустив ноги на бетонный пол перрона. Почему-то стало немного легче. Самое смешное, что предложение о том, чтобы присесть, появилось у Гуру сравнительно недавно. Так, добавил всего строку: если конструктор был рядом, по истечению таймера выдавалось это предложение. Он не врал. Это был не человек.

– Имея право доступа ко всем и постоянно совершенствуя код, я изучил всё, что происходит в Кристалл-Сити. Со временем код усложнялся, но из-за неуточнённого и недополненного задания моя программа пошла по другому пути развития. Моя изначальная цель была следить за всем, что происходит здесь. Так конструкторы тоже оказались в списке объектов моего наблюдения. Мой доступ сработал и на них. Так я оказался в сети, которую называю внешней. Ты там тоже админ. Я узнал много любопытного, что не вязалось с теми, кто населял Кристальный город, с жителями. Я продолжил собирать статистику. К тому времени меня уже наделили функцией анализа. К тому времени я

стал понимать: зачем вы здесь.

До этого момента я слушал, не глядя на него, но после такого не мог на него не посмотреть. Более того, если принять во внимание, что тут творил Бертыч, можно было начинать предполагать, что он захочет со мной сделать. В принципе бояться было нечего, от виртуальной среды ещё никто не умирал, но от собственного инстинкта самосохранения было никуда деться, я внутренне собрался на всякий случай. И ещё была привычка – за свои поступки надо отвечать, глядя в глаза.

По сути, если верить его словам, он был никто. Это была просто программа, правда, программа моя. Не было причин оправдываться перед ним. Мы же не оправдываемся перед разбитой чашкой. Почему вдруг неясное чувство совести проснулось и зашевелилось где-то там внутри и комом подкатило к горлу? Свободная поза, прямая спина, одна рука по привычке в кармане брюк. Потрепанные волосы и схожее со мной лицо. Он похож на меня, но не я. Рост больше, черты лица правильней, блондин. Он просто виртуальная модель, пусть и большей частью с меня снятая. И исправленная мной. Может чувство пришло потому, что неожиданно настал момент ответить, прямо вот так – перед самим собой: что же мы тут творим? Можно ли правильным считать такой подход к социальным экспериментам, экспери-

ментам с обществом, с людьми? И как такое чувство назвать?

Буквально за всё придётся ответить и перед собой в том числе. Я не чувствую, что этот закон, если вообще это закон, применим к остальным, кто живёт вокруг меня. И как он звучит на самом деле? Все мы перед этим равны или нет? Или вопрос этот лишён смысла, как если бы мы спросили, чтобы было с нами на этой планете, если бы гранит был жидким? Мы не знаем, что с нами было бы в этом случае, как не знаем и того, равны мы там или нет. Жизнь продолжается без этих излишних ответов.

– Ну, а теперь о том, зачем ты здесь, – я продолжал на него смотреть, а он так и говорил, с небольшим любопытством разглядывая меня. И если считать правильным то, что читалось у него на лице, то выходило, что он нас ни в чём не винил. – Я знаю, время сейчас дорого!

– Это ты угнал полевую машину? – спросил я.

– Да, я. И в этом весь вопрос, – ответил он.

– Зачем? А точнее почему? – я уже не успевал предполагать ответы, я тоже стал чувствовать, что время на исходе, – много у нас ещё времени?

– Время ещё есть, это тоже правильный вопрос. Обо мне, а точнее о трафике, который я оставлял, гуляя по внешней сети, узнал человек по имени Пол Струэг. Из известной

го мне было ясно, что я и весь город для Парнаса, так вы называете свой мир, является нелегальным. Помнишь, как конструктор Бертыч устроил танковую осаду города, там был один из законов войны – познай врага своего. Тогда и я решил за ним следить. Мы уже довольно давно одновременно прячемся и ищем друг друга. Зная графики ваших посещений, я его отвлекал, когда вы собирали город. И, да, всё по одной причине, я знаю, что хочет Строуг, он об этом проболтался в самом начале, пока ещё не знал, с чем имеет дело. Он ещё до сих пор до конца не знает. Так вот он хочет найти и забрать себе Кристалл-Сити. Про него он тоже ничего подробно не знает, но знает, что ищет нечто большое и до этого момента необъяснимое. И я решил сбежать! Точнее попробовать сбежать. Я отправил туда твоего Гуру, он ведь, как и я, имел цель спасти город. При потере связи со мной он должен был выполнить процедуру собственного удаления. Что собственно и произошло. И вот ты здесь...

Глава 17 (суббота) Парнас. Побег.

Когда я отключился от виртуального мира, первое, что сделал, зажмурил глаза и молча прислушивался секунд десять к себе и к тому, что вокруг. Слышно ничего не было, передо мной мелькали какие-то неясные яркие пятна на чёрном фоне. Звуки не доходили из-за наушников, а открыть глаза и посмотреть на реальный мир не хотелось. Хм, реальный мир. Мир, внутри которого есть ещё виртуальный. Тогда тот тоже реальный. Я открыл глаза и глубоко втянул воздух. Вообще-то, сейчас было не до этого. У нас всего девять минут.

Энжела и Грин сидели в креслах уже без компьютерной амуниции. Как и договаривались, они сразу после отключения, всё уложили в мой рюкзак. Он, в свою очередь, плотоядно разинув молнию, ждал от меня всего остального. Я успел обратить внимание на то, что они хоть и смотрели на меня, не оборачивая взгляд друг на друга, но ссоры между ними не чувствовалось. Взаимным спокойствием от них веяло, умиротворением. По-моему, это последнее, что я успел подметить. Со следующего мгновения время понеслось так, что разобрать ничего было нельзя, тем более, что-то рассмотреть.

– Так, быстро отключаемся, – сказал я больше себе, чем другим. Но Грин итак всё понимал да и проделывал не один раз. Длинный кинетические датчик я закинул на один из шкафов электропитания, таким образом за полторы минуты мы оказались собранными и семь оставшихся минут надо было потратить, ох как, эффективно.

– Давайте, за мной, действуем, как договорились, – и мы бросились к двери.

Попасть в центральный компьютер Парнаса и запустить его было самой лёгкой частью плана, не попасться после этого было гораздо сложнее. И на тот момент я знал следующее: превышение трафика, несанкционированная работа “Цусимы”, не говоря уже о нелегальном присутствии – всё это или что-то из того будет высвечено алармным сообщением у Эдисона, хотя скорее у его спеца. Дальше они свяжутся с охраной, и та ринется искать нарушителей. Как дигитально, по комнатным и коридорным камерам, так и живую спортивной рысцой, обрезая пути отхода. Необходимо было прежде всего обмануть камеры – достичь места, где их нет. То есть быть там быстрее охраны, не забывая, что она бежит, хоть в данный момент её и не слышно.

Ближайшим таким местом была крыша. Главным было, не заблудится в паутине лестничных пролётов и дверей. Я на-

деялся, что проходную карту запрограммировал правильно. Что-то исправлять времени точно не было. Можно сказать, сейчас решалось хороший я программист или нет. Экзамен с одним билетом, одной оценкой и невозможностью пересдачи. Главным ещё было, не растерять друг друга по дороге.

Крышу надо было пересечь по диагонали, добежав до угла здания. Там имелась аварийная лестница. По ней можно было спуститься на пять этажей ниже, к двери в довольно просторный зал. Но нам так далеко было не нужно. После спуска с самого верхнего этажа нужно было с лестницы перейти на гранитный поребрик, сделанный с целью разукрасить здание. Двигаясь по нему, необходимо было зайти за угол стены. Охрана может и полезла бы по лестнице вниз, но не додумалась бы лезть на этот фасадный уступ. Далее надо было влезть в наше заготовленное окно и, сменив внешний вид, по-очереди покинуть комнату, чтобы потом уже встретится в Оладье.

Ко всему этому мы были готовы. Причины такой готовности были у каждого свои. Оставалось лишь выполнить весь этот план до конца. Главное, чтоб не появились сомнения. Сомнение сбивает сердечный ритм. Мы стояли у двери, за ней было тихо, и сердца наши тоже, казалось, не колотились.

На раз, а точнее на “пошли”, мы выскочили в коридор и

я заблокировал картой дверь в “Цусиму”. Пока я это делал, никто не куда не дёрнулся и ничего не спросил. Значит, выдержки у всех ещё хватало – это было хорошо. Далее мы, держась на расстоянии пары шагов друг от друга, ринулись к ближайшей лестничной клетке. Около неё мы тоже остановились, чтобы прислушаться. Ни снизу, ни сверху шагов слышно не было. Можно было двигаться дальше. А дальше было вверх.

Поднимаясь по ступенькам, я вдруг вспомнил одну историю, рассказанную в общажном застолье одним студентом. Он говорил, что у его знакомого брат устроился в охрану Парнаса. Смак истории был в том, что этот новоиспеченный охранник был из лесной разведки. Лесная разведка была нужна на соседнем материке, где, собственно лес и находился. На нашем гранитном плато такая профессия востребоваться никак не могла. Её особенностью в отличие от других рабочих направлений было выживание практически в любых природных условиях. Люди из разведки никогда не болели, спали в любых условиях, и в любых условиях находили воду и что-то для провизии. У них был острый слух и обоняние. Определением погоды на ближайшие дни у них занималась интуиция. При необходимости они могли передвигаться по лесу практически бесшумно, никакой рельеф местности не мог их остановить. Скалолазание и преодоление болот было для них таким же обычным делом, как быстрое наведение

мостов или создание плавучих средств из подручного материала. О физическом состоянии, как и психологическом, такого человека можно было только догадываться. Что такой человек мог найти для себя в охране, представить было трудно. Разведка леса для ученого лагеря, доставка образцов лабораторию и, если надо, обратно к источнику, полное владение любыми видами метеостанций никак не шло в сравнение с охраной университета. Весь юмор был в том, что он один мог на себя взять обязанности целого звена. Тогда было смешно, а вот сейчас нет. Если в охране разведчик, то к шагам можно было не прислушиваться, мы бы всё равно не услышали. И можно было не бежать, бесполезность этого была очевидна.

Я тогда не поверил до конца в эту историю, для красного словца казалась мне она, хоть и обложили мы тогда шутками весь знакомый охранный персонал. Да сколько я их знал, все были спортсменами и место это всегда было лишь подработкой. Всерьёз это никогда никто не воспринимал. Вся работа сводилась к устным предупреждениям по мелкой надобности, которые чаще перерастали в задорные беседы с подколами. Иногда разнимались ссоры, но для этого надо было только присутствие, те, кто ссорился при охране быстро остывали, назначалась какая-нибудь спортивная дуэль, если, вообще, оставалась в этом надобность. Чаще же всего необходимо было устанавливать виновников порчи имущества. Это

уже было работа с камерами, перед визором и за кофе с булочкой. Когда находили “портяху”, то ему высылали или сообщение о явке в кабинет к его руководителю, или счёт с обратным адресом для претензий. И всего делов, скука, но когда готовишься к соревнованиям, хорошее средство отвлечься и отдохнуть.

Одним словом, погоня для типичной охраны, по моим представлениям, была бы в новинку, хотя бегать они умели неплохо, надо полагать. С разведкой тягаться нам было не под силу, но пока везло. Мы уже достигли конца коридора последнего этажа. Перед нами была дверь, за которой находилась небольшая служебная комната для выхода на крышу. Грин с Энжелой привалились к стене, пытаясь отдышаться. Мне унять дыхание тоже бы не помешало. Как оказалось, бегать с эластичным кольцевидным шарфом, натянутым на всю голову, не так-то просто. Для рта прорези в нём мы не делали, ограничившись большим разрезом для глаз. В общем-то, через шарф можно дышать и так, но в нашей ситуации адреналина в крови было столько, что воздуха не хватало. Этого мы не предвидели. Утерев с бровей пот, я, затаив всё внутри, в очередной раз провёл карту по считывателю. Зелёный свет означал, что путь открыт. Сколько нам ещё будет везти, я не знал.

Когда мы проникли внутрь, дверь заблокировалась авто-

матически. Мы оказались в узком пространстве. Надо было лезть наверх, куда вела небольшая лестница. Служебный люк на крышу не запирался, просто был плотно закрыт гидравлическими усилителями. Мало ли что могло случиться на крыше допустим при ремонте, и рабочий мог всегда спуститься сюда. Дверь в коридор может и не открыл бы, но от ветрового шторма бы спрятался. При такой погоде плохо укрепленные антенны выдирало, не то, что человека могло снести. Мы переглянулись, надо было исчезать отсюда и быстро.

Люк открыл я сам. И первое, что пришло мне в голову, что мокрый снег не всегда хорошая погода. Любви к ней у меня, конечно, не убавилось, но следы на крыше нас явно могли выдать. Менять что-либо теперь смысла не было, я только оглянулся назад к Грину и кивком головы указал, что нас ждёт. Тот всё понял и без слов, и взглядом сказал, что видимо всё равно теперь уже, так чего ж. Приподняв бровь, в том смысле, что понятно, но что ж делать, я посмотрел на Энжелу. Та, казалось, хладнокровно следя за нами, тоже участвует в этом разговоре, только мнения не высказывает. Что-то опасное читалось в её карих глазах, какая-то тень страха мелькнула за ними. Я вышел на снег, остальные последовали за мной.

До нужной лестницы мы добежали очень быстро. Мы начали спускаться, и я весь, как мог, обратился в слух. Спус-

каться удостоилось мне первому и крышу я уже не видел, но казалось, что если зрение в данный момент заменить на слух, то это восполнит немного утраченную способность знать – что же там в данную секунду происходит наверху! Но на самом деле всё было проще. Хотелось просто как-то контролировать ситуацию, хотя это было как раз невозможно. Что с того, если бы я услышал скрежет открывающегося люка. Я, итак, двигался быстро, как мог. Мог бы я помочь Энжеле быстрее спуститься на поребрик? Нет, не мог бы. Мне не хватало возможности ухватиться крепче. Я мог бы сделать только хуже. Будем надеется на её спортивные качества. Грин, кстати, пустил её вперёд и правильно, будем страховать её с обеих сторон. Надо было быстрее освобождать ей место и двигаться дальше, ближе к нашему окну. Что я и выполнял. А ещё предстояло преодолеть угол. Последний раз, когда я оглянулся до него, все мы, вцепившись в верхний бардюр, двигались друг за дружкой по поребрику. Мокрый снег срывался из-под ног, падая в тусклый свет улицы. Я дошёл до угла и, прижимая как можно ближе к стене, передвинулся за него. Звуков погони я так и не слышал. Может и с разведчиком нам повезёт?

Ведь везёт же нам с ветром, почти не дуло. Третье окно медленно приближалось по мере нашего шествия, позади Энжела, которая тоже преодолела угол дома, двигалась поодаль от меня. Грин же с видимым усилием, как будто забыв

о своих спортивных тренировках, втираясь в гранит, наполовину показался из-за пройденной стены.

Я осторожно переставлял ноги, руки от адреналина начали немного трястись, но с этим можно было ещё справиться. Я надеялся, что остальные будут или в лучшей форме, или меньше бояться. Я думал, что, доверяя мне, концентрат страха в их крови не будет такой сильный. И, вообще, в их крови другой концентрат. И он точно сильнее страха. А что с моей кровью? Чего в ней сейчас понамешано? Только ли боязнь за других и за дело? Там внизу ещё четыре этажа до козырька, выступающего из этого здания для необычного архитектурного изыска. После него до земли ещё несколько десятков этажей, о которых думать не хочется. То, что козырёк завален сугробом снега – не спасёт. Думаю ли я, находясь на холодном воздухе, пропитанном насквозь сыростью, еле-еле цепляясь даже не за гранитный выступ, а за жизнь, только о Кристальном городе и друзьях? Может жаль мне ещё чего-то того, что не успел сделать? Чего-то совсем не связанного со всей этой жизнью, которую я выбрал: с работой, шутками, трёпом и застольями? Клюквенными коктейлями и точной стрельбой по мишеням? Есть может ещё что-то, куда всегда боялся сделать шаг, но всегда хотел? Куда хотел прийти независимо от того, где находился? Почувствовать то, что всегда было внутри, но без страха быть обнаруженным снаружи?

С таким вихрем в голове открывать окно было ещё сложнее, чем предполагалось. Под конец я уже, не сдерживаясь, врезал ногой по раме. Окно поддалось, открылось и, осторожно перехватившись, можно было пробраться внутрь. Я спрыгнул с подоконника на пол, сразу отлегло, как будто с плеч отцепился и ушёл по своим делам повисший до этого момента человек. Появилась подвижность, я обернулся назад к окну и протянул Энжеле руку. Она не сразу за неё ухватилась, взявшись поудобней за проём окна. На себя я потянул сильнее, чтобы быть уверенным, что она благополучно приземлится. В один собранный прыжок она оказалась около меня. Но в эту же секунду со стороны улицы мы услышали резкий непонятный звук.

Мы оба бросились к окну, а там близкий нам человек, для кого-то Грин, а для кого-то обладатель бесценных зелёных глаз падал вниз на уклонную небольшую крышу заваленную снегом. Страшнее звука его падения я ничего в жизни не слышал. Я готов был прыгнуть за ним, но вместо этого удерживал готовую сделать это Энжелу. Она вывернулась из моих объятий, я стоял, глядя ей в глаза и не дыша. Тогда она со всего маху вlepила мне звончайшую пощёчину, что вывело меня из оцепенения. Я снова стал слышать. И соображать.

– Он может быть жив и прекрати истерику, на этом месте мы ему не поможем, – стянув её за ворот куртки и заставив

присесть, сказал я, сам почти упав на колени. Она размазывала слёзы по щекам, наши шарфы оказались стянутыми на горло. Я вынул свой карманник и протянул ей, – звони в медскор и беги за мной, не отставаясь, машина пусть прибудет к восьмому подъезду. Мы попытаемся его спасти.

Уже на бегу я громко проговорил ей адрес, который надо было сообщить медикам. Это был триллион раз озвученный адрес Парнаса, но в этой ситуации я и сам бы мог его забыть, не то, что она. Но жалеть себя или её времени не было. Смотреть на то, отстанет ли, тоже не было. Думать о последствиях тем более. Я просто знал дорогу к этому месту и бежал туда со всех ног. Звать помощь, на мой взгляд, было промедлением, хотя может это была и ошибка. Я не хотел об этом думать. Я знал, что сейчас в этом мире, в этом времени и месте быстрее всех до него добраться мог только я, и я не хотел терять ни секунды. Я слышал, как сзади на бегу Энжела, сбиваясь от прерывистого дыхания, рассказывает диспетчеру, куда ехать, я прыгал через ступеньки в пролетах лестниц, не боясь грохота, я не задерживал вдох при срабатывании карты, я выбил бы стекла дверей, если бы она не справилась. Казалось, даже пресловутый разведчик не смог бы меня остановить.

Комната, куда мы бежали, была застеклённой террасой для обозрения города с вершин Парнаса во время фуруше-

тов и благотворительных вечеров. Вообще, здесь был совмещённый с ней зал для подобного рода мероприятий, хотя роскошные по костюмам гостей, а не по сути, презентации всех научных направлений, наверняка, проводились тут же. В принципе террасу изначально и не планировали, но молодые архитекторы отстаивали пространственное расширение для банкетной аудитории, как она обозначалась в проекте. Они считали саму идею оригинальной и, как ни странно, необходимой. Даже приглашённый для большего веса и консультации психолог был с ними согласен. Конструкционно терраса была беспрепятственным дополнением к основному пространству.

Главным в ней был, конечно, вид. Ну, согласитесь, приятно взять во второй, уже неофициальной половине вечера стройный бокал вина или хрустальный пузатик с коньяком и пройти по гранитному инкрустированному полу, зная, что под ним сотни метров пустоты, а перед тобой, как на ладони, протяни только руку, город, опустившийся в ночь, глядящий исподлобья тысячами огней, верный и, может быть, готовый встретить достойно твои тайны, желания и мечты. Такое место снимает принесённый официоз, роскошность с костюмов и даже науку, как таковую, с повестки собрания. За столиком такой террасы не хочется говорить об интеллектуальных сражениях, а, глядя на тонущий в темноте огромной пустыни выточенный град хочется понять: кто ты в нём, где твой

душевный дом и есть ли в расчерченных фарами проспектах хоть одна улица, которая приведёт тебя к заветной двери?

Это были мои впечатления об этом месте, об этом зале, через который я сейчас бежал. Но всё это всплыло во мне лишь на секунду только потому, что пришла страшная мысль о том, что бы было, если бы кому-то не озарило голову полюбоваться ночными видами и террасу бы так и не построили.

С неё, с этой террасы был выход на улицу, где была уже совсем маленькая площадка. Скат крыши как раз уклонялся в неё. Через стекло мы видели Грина. Я мог ожидать всего, но не такого! Грин стоял. Он стоял, ссутулившись, опираясь на ограждение, обхватив поручень одной рукой. Вторая неестественно и безжизненно висела вдоль тела. Видно было, что ноги его еле держали. Съехав по наклонной до узкого водостока, он свалился именно сюда. Он собрал весь мокрый снег с крыши, пока соскальзывал сюда. От этого вся его одежда была белой, как и всё под его ногами. Как он поднялся после этого, было загадкой. Подбежав, я осторожно просунул плечо под руку, на которую он опирался. Энжела со стоящими слезами в глазах, смотрела на него, не отрываясь.

– Ты вызвала медскор? – она мне коротко кивнула, – тогда пошли.

Грин не смотрел на меня. Его голова было опущена. Он вцепился в меня и сам попытался идти. Я пошёл с ним в такт, не давая ему упасть. Я чувствовал, что сил у него не много, но он их всех хочет израсходовать на то, чтобы убраться отсюда. От меня ему лишь требовалась помощь, чтобы идти. Спорить сейчас не стоило, тем более что я сам хотел его быстрее передать в руки медикам. Энжела хотела помощь, но с другой стороны подхватить его под руку было невозможно. Я предполагал, что она сломана.

Мы добрались до лифта. Мы с Энжелой понимали, что сейчас каждая секунда на вес золота. Лифт пришёл быстро и мы стали опускаться на первый этаж. Пока мы ехали, я попеременно смотрел то на него, то на неё. Она же не отрывала свой взгляд от Грина, слёзы, не переставая, катились по щекам, но она не проронила ни звука. Он висел у меня на плече безвольный и совершенно беззащитный. Но ещё держался за меня, хоть и слабо.

Холл, как и всегда, не был закрыт. Пока мы шли от лифта, я ещё подумал, где бы лучше дожидаться медиков: в фойе или на улице. Казалось, что снаружи хоть и быстрее для посадки в машину, но всё же холодно. Но думать и по этому поводу не пришлось. Знакомые сигнальные огни замелькали невдалеке, поэтому мы поспешили на выход. Когда мы преодолели двери, работники медскора уже спешили навстречу. Постепенно оттеснив нас, они переняли Грина. Он просто

рухнул к ним в руки. Они аккуратно уложили его на каталку и очень быстро, отточенными движениями затолкнули её внутрь машины. Мы еле успели впрыгнуть за ними. Нас особенно никто не приглашал и, в общем-то, уехали бы и без нас. Нам повезло, что там были свободные сидячие места, стоять бы нам, конечно, никто не позволил. Когда мы тронулись, я почувствовал, что внутри что-то оборвалось.

Пока мы ехали, Грину разрезали одежду и быстро ощущали. Было сделано несколько уколов, каким-то сложным устройством ему обеспечили дыхание. Он был без сознания. Лица врачей были напряженные и слегка лоснились потом. Виделось, что не было сделано ни одного лишнего движения, как ими самими, так в отношении поступившего пациента. Всё было отточено до мелочей и за время следования они не проронили ни слова, хотя постоянно работали на пару. На нас же с Энжелой внимания не обращали вовсе.

То о чём мы договорились в клубе перед этим всем, оказалось пустым. Никто всего этого не предполагал. И ничто до этого, этого не стоило. Я не мог сейчас найти причину проникнуть в «Цусиму», если бы знал, чем это закончится. Я жалел, что допустил всё это. Но это теперь уже стало прошлым. Которого не ждут. Что сейчас происходило с Энжелой, я бы сказать не взялся. Лишь одно я тогда видел: мне казалось, что она не выпустит его и на секунду из поля зре-

ния. Может быть, это было единственное ценное из всего того, что имело хоть какую-то ценность на данный момент.

Когда мы приехали в подземный больничный терминал приёма больных и задние двери машины открылись, мы ссыпались, как можно быстрее и отошли в стороны, чтобы не мешать. Каталка с Грином и врачами медскора скрылась в недрах приемного отделения, мы же медленно, не переговариваясь, пошли в ту же сторону за ними. Было понятно, что теперь торопиться уже некуда. Надо будет оформить поступление, и дальше было вообще непонятно что. Мы молча шли, в голове всё было ватным, ни одной мысли не проскальзывало, думать ни о чём не хотелось.

Так мы оказались у медпоста, и я молча, взглядом показал Энжеле, чтобы она села на коридорные кресла, и что я сам здесь разберусь. Она медленно подошла и присела на крайнее. Поджав колени, она опустила в руки лицо. Я уж было начать диктовать данные смотрящей внимательно на меня медсестре, но увидел, что плечи Энжелы начали мелко трястись.

– Простите, – сказала я женщине в белой медформе, – я подойду позже. Мы никуда не уйдём.

Та понимающе кивнула, а я пошёл к беззвучно плачущей

молодой девушке, которую, казалось, окружает такое одиночество, из-за которого утра на этой планете уже не будет никогда.

Глава 18 (воскресенье) Больница.

Ночь сколько не длится, всё равно проходит. Несколько раз в жизни я наблюдал такое. Разговаривая с кем-нибудь это время напролёт, кажется, что минут окрашенных тёмным временем суток ещё достаточно. Ты то борешься со сном, то воспеваешь от разговора вновь. Ты не хочешь, чтобы пришёл день. День всё поменяет, и это сделает даже утро. Даже оно сначала разбавит свет, потом наполнит тишину разными звуками от осторожного шороханья до суетного стучания соседскими дверьми. Они будут предвестниками новых событий, как, например, раньше, где-то там на Земле шаги почтальона предшествовали долгожданному письму. Земля очень далеко, почтальонов больше нет и, это было очень странно, что никаких событий не происходило.

Медперсонал во всю спешил по коридору, то шурша халатами, то подшоркивая обувью. Мимо прокатывались колёсные носилки, инвалидные каталки то с пациентом, то без. Люди, пришедшие с улицы, что-то выпрашивали у медпоста. Некоторые отряхивали подтаявший снег, снимали одежду и проходили, некоторые разворачивались, что-то выслушав, и шли обратно. Кто-то садился в кресла или на маленькие диванчики для ожидания, кто-то беспокойно начинал

ходить по коридору взад-вперёд. Приёмный холл наполнялся.

На одном из таких диванчиков были и мы. Энжела, вымотавшись в тягостном ожидании за ночь, наконец, уснула. Она лежала, поджав под себя ноги без ботинок, положив голову на валик сделанный из собственно куртки, всё остальное небольшое свободное диванное пространство оставив мне. Своей курткой укрыл её уже я, когда убедился, что она спит. Я очень хотел, чтобы она хоть немного поспала. Мне было всё труднее и труднее смотреть на то, как в ней стираются все силы от ожидания новостей. Уже под конец было видно, что любая весть, хорошая или плохая, свалила бы её в обморок. Так что, как-то уговорив её прилечь и через полчаса обнаружив спящей, я был рад, что она хоть на немного выпадет из этого кошмара и отдохнёт. Более того, я думал, что если известия будут неутешительные, то лучше уж пусть их всех принесут первому мне, чтобы я мог успеть подобрать слова для неё. Хотя много ли бы это поменяло? И ждать ничего хорошего всё равно не приходилось.

Грин ввалился в кому, и его спасали всю ночь. Подробности нам были неизвестны. Мы задёргали медсестру, но кроме ответа, что всё ещё идёт операция, ничего не получили. Она несколько раз нам сказала, что при поступлении новой информации обратится к нам сама, но каждый раз, не выдер-

живая давления времени, мы подходили преждевременно к ней. Пока что сутью всего было то, что Грин оставался живым. С непонятным тяжелым чувством я отметил, что этого пока может и достаточно. Я сам хотел бы привалиться к спинке дивана и хоть ненадолго переждать всё это с закрытыми глазами. Но образы, которые являлись мне, как только я пытался выпасть из действительности, были такими страшными, что кроме как проводить время в ожидании ничего не хотелось. Пару предрассветных часов я провел за ноутбуком, но когда поймал себя на мысли, что уже пятнадцать минут просто пялюсь в угол визора, убрал его обратно в рюкзак. Было тошно.

А, тем не менее, начинался новый день. Он был выходным, но для тех, кто его жаждал, было принято или, во всяком случае, считалось нормальным, не хотя, встать, наспех умыться и с завтраком или без добираться до работы. Или учёбы, или службы, или что там ещё придумано, чтобы осмысленно заполнить жизненное время. В этом осмысленном все мы преуспели, сзади должен оставаться чёткий след, впереди должен быть намечен определённый результат. А что делать с тем, что не осмысленно? И что ещё не успело или не смогло вписаться в текущую жизнь? Оно ж тем не менее есть, найдём мы время на него или нет. А если на осмысление этого неосмысленного может уйти вся жизнь, стоит ли тратить на такой труд? Нет, мы, конечно, в будущее загля-

дывать не умеем и оценить заранее не можем: сколько времени мы потратим на то, что ещё не понимаем. И тем ещё труднее отдать вот эти минуты, которые ты проживаешь именно сейчас, на то, что полезным или интересным может и не будет никогда. Ни для тебя и ни для других. И в разы сложнее принимать, что понятное тобой нужное и любопытное ценности для других может и не иметь. Хорошо ещё если ценой окажется смех доброго знакомого, который похлопает тебя по спине и от души искренне объяснит тебе, какой ерундой ты занимаешься. Соперник или враг может всадить тебе зазевашемуся на невиданные чудеса стилет в сердце по самую рукоять, и вот уже время, в котором ты был так необходим и востребован идёт, и не помня, что такой человек, как ты, вообще существовал. Тут поневоле подумаешь, надо ли знать тебе это неосмысленное?

Жизнь на проверку оказывается пустой, если ты хотя бы не попытался понять то, что в жизнь не вписывается, но, тем не менее, осязаемо существует рядом с тобой. Можно быть уверенным, что если ты ничего делать не будешь, существовать это неизвестное тоже будет недолго. Оно исчезнет и, есть подозрения, что навсегда. Время сделает так, что даже если оно и останется в принципе, то второй раз почувствовать ты его уже не сможешь, так как изменишься сам, другими словами – всё равно потеряешь. Одной и той же водой два раза не напиться. И поэтому выбор, который может

иметь самые крайние и непредсказуемые последствия, которые не видны из настоящего, которые потом уже сами, тебя не спрашивая, поменяют всё в твоей жизни, этот выбор можно сделать только сейчас, в эту же секунду, практически слепо. И ведь в том-то всё и дело, что другого момента может и не быть. Осызаемое неосмысленное растворится и придётся дальше заполнять пустоты жизненного времени вполне осмысленными и от этого порой неосызаемыми делами и заботами. И может быть, проиграв эту эфемерную погоню, появляются лучшие из коридорных корифеев.

Так вот новый день. Он был не совсем выходным в полном понимании этого слова. Сегодня не стоило бы заниматься концом недели в деловом или рабочем смысле этого слова. Сегодня был праздник и завтра ещё и официальный выходной. “День высадки”. Когда-то мы прилетели сюда, в одних источниках говорится об экспансии, в других об освоении космоса. Лично мне было всё равно, потому что это осталось в прошлом. Жизнь на планете Синея всё равно пошла своим ходом. В галактическом масштабе мы – провинция. Какие амбиции не преследовали те, кто здесь был первыми, всё равно глобально, кроме добычи кремниевой руды, превращения выработки в силиконы и развития высоких технологий на их основе, мы тут ничего не делаем. Даже весь этот хай-тек, суть которого и составляет Парнас, Земле особенно не нужен. Университетов и на других планетах полно. Глав-

ное здесь – это местный, чистый, в необъятных количествах кремний. Без которого и хай-тек – не хай-тек, и космос – не космос. Из-за этого полезного ископаемого мы ещё в Лиге, всё остальное не так уж и интересно. Хотите осваивать планету дальше – пожалуйста! Добычу только не прекращайте, а то лавочка свернётся довольно быстро. Отгрузка по графику. Лет триста мы уже здесь.

А ведь нормально знаем только гранитный материк. Заокеанский, лесной, полностью изучить времени так и не нашлось. И поэтому гибнут там до сих пор врачи и лаборанты, биологи и разведчики от эпидемий, и не помогают им ни новые приборы, ни средства защиты, ни высоко-проходимый транспорт. Вопросы остаются без ответов, научный труд без результатов, а внуки без дедов. И пока что серьёзно не понятно – кому и зачем это надо? Видимо, порой осязаемое неосмысленное принимает и гигантские по географическим меркам размеры.

И поэтому раз в год каждый из нас может задать себе в свете такого дня вопрос: что я, землянин по происхождению, уже которое столетие делаю здесь? Правда, чтобы задать такой вопрос, надо, как минимум, на уроках истории не рубиться на ассемблере в смайложора. Ведь ответ на него не совсем логичный. Или уж точно не последовательный. И начать его надо с того, что мы, люди, сами себя здесь непонятно за кого

считаем.

Конечно, все или почти все мы думаем, что это наш дом, Родина, отчизна и планетная колыбель. Что хоть мы и люди, но мы – синейцы. Внешне от землян мы не отличаемся ничем. Как мы вообще можем внешне отличаться? Но даже те немногие, кто прилетает из космоса с инспекцией в синейский порт, или даже те, кто работает в портовой конторе, которая стоит не то что поодаль от города – вообще в другую сторону от стартовых площадок, относятся к нам с таким аристократическим апломбом, что иногда, кажется, и хорошо, что родились мы именно здесь и не такие, как они. Вот вырос бы землянином и вытирал бы ноги об остальных, тех, кто родился хоть в километре от родной планеты. Обидней всего, что некоторые работники Контролы, так прозвали у нас контору при порте, родом отсюда, но почтут за счастье, чтобы земляне в их отношении забыли, что они местные. И ведь надо помнить, что бывают такие люди. Они живут с тобой рядом и разделяют всю эту жизнь, но потом, как салфеткой, вытирают тобой туфли и выбрасывают, больше о таких мелочах, как ты, не вспоминая. Как такие появляются на Земле можно долго фантазировать, но как такие появляются здесь не укладывается в голове.

Но из этого видно, что преодолев столько световых лет, уже не говоря об усилиях на это положенных, вопрос о нашей

целесообразности здесь остаётся открытым. Этому миру мы ничего нового не принесли, а то, что здесь мораль и этика, оставшись в некоторой изоляции, начали своё собственное развитие, тоже не новость. Все люди всегда разные, и на Земле, и ещё где-то на освоенных планетах. Мораль и так далее – это вообще дела наши, людские, Синее это триста лет было всё равно и ещё до нас столько же, если не говорить ещё более глобально. Мы хоть планетам научились не наносить ущерб, и то ладно. Но суть от этого не меняется, раз даже до сих пор нам самим непонятно: экспансия это была или освоение? Убеждения историков на поверку оказались разные, не смотря на время высоких технологий и тотального документирования. Сам я так и не разобрался. Помнится, в конце собственного исследования я был безрезультатно уставшим, таким как сейчас.

Это хорошо, что не надо в это утро торопиться на работу. Туда всё равно придётся пойти, отгул в выходной брать, вообще, как-то странно. Но даже не в этом дело. Я должен знать, что там происходит, и если я хоть немного ценю своё начальство, то обязан явиться и всё объяснить. А начальство своё я ценил. И знал, что почти все сегодня в Парнасе.

Карманник же всё время извещал, что Бертыч и Градский завалили меня сообщениями. Чем они занимались, не было понятно, но они оба хотели встретиться. Они должны были

составить мнение об Эдисоне. Я не мог сконцентрироваться на том, что их послания тоже важны. Ничего не казалось важным. Я себя поймал на мысли, что не понимаю какими словами им объяснить, что я делаю в больнице. Но о том, что произошло, они всё равно должны узнать.

Ещё несколько долгих минут я провёл, не отводя взгляда от пола. От неспособности связать воедино всё происходящее на меня нашло затмение. От этих минут осталось лишь воспоминание, что я сидел, и то только потому, что подошедшая медсестра потрясла меня осторожно за плечо, и я очнулся в этой позе. Я не помню этих минут, не помню их количество. Я только знаю, что они стёрты и то о чём я думал, если думал, в течении них, никто и никогда не узнает, даже я.

– Что вы хотели? – едва слышно спросил я, через секунду до меня дошло, что видимо есть новости, но заботливая работница медперсонала опередила меня.

– Ваш знакомый переведён в интенсивную терапию, но врач будет говорить только с родными, – сказала она, – Врач тоже сразу не придёт, его придётся ждать, если вы намерены остаться.

Вежливым знаком, бессловно я попросил её прерваться, и мы с ней отошли в сторону. Она ещё немного рассказала то,

что могла в условиях врачебной тайны. Но Грин был жив, это оставалось главным. Я сказал медсестре, что всё понимаю, и она вернулась к себе на пост, а я подошёл к диванчику и присел на корточки перед лицом Энжелы. Она всё ещё спала, но спала уже с ровным дыханием, было видно, что она расслаблена, что сон стал глубоким и шёл на пользу. Не сказать ей новости было никак нельзя, а значит придётся будить. Жаль портить такой сон, но делать было нечего.

Я потрогал её осторожно за плечо, но руку не отпустил, чтобы на всякий случай помешать ей резко встать. Когда взгляд её обрёл ясность, я, опережая возвращающийся испуг, сказал ей, что новости есть и что они хорошие на этот момент, так что будем, как и прежде, надеяться на лучшее. Она выслушала всё это, не перебивая с сонным лицом приподнявшись, потом села и немного помассировала себе лицо ладонями. Я тоже сел на диван.

– Мне нужно ехать, – сказал я, – это всё надо закончить.

Она посмотрела на меня внимательно и даже пристально, что-то там она читала на моём лице. Что-то ещё решала или, может, хотела сказать. Я тоже ей хотел задать один вопрос, но не хотел прерывать её не озвученных мыслей. В конце концов, взгляд её сделался чуть мягче, что-то видимо для себя она определила.

– Я вернусь сюда, как закончу, – но это было не всё, что я хотел сказать, – ты останешься здесь ещё?

Это было то, что я хотел спросить, и спросить это было сложнее всего. Я видел, что натворил, видел, как разбились две жизни. Собрать и склеить всё обратно совершенно невозможно. Я боялся, что она начнёт меня ненавидеть, что было вполне оправдано, но знать мне ответ было необходимо. И даже если бы она не удостоила меня ответом, я должен был задать этот вопрос. Она ответила, что ещё останется. Она не отвергла просьбу сообщить мне о новостях, если будут. Я бы очень хотел отвести её домой, хотел бы, чтобы она выспалась, хотел бы помочь хоть чем-то, но мог лишь только не мешать её желаниям, какими бы они не были. Я был очень виноват перед ней. И мог бы быть виноватым ещё перед многими. Мне нельзя было сейчас её оставлять, но здесь я был уже бесполезен и может даже не нужен, и даже неуместен. Но уйти так просто из-за необходимости не хватало духу. Я представил в своих руках лук, вместо мишени себя и всадил стрелу прямо себе в сердце.

– Я ещё вернусь, ты мне веришь? – спросил я.

– Верю, – ответила она.

Через несколько минут я оказался на улице, там был день.

Было светло, в больнице этого не чувствовалось. Медленно падал хлопьями снег, он быстро таял на протянутой ладони, было не холодно. Я очень глубоко вдохнул мокрый воздух и, когда выдохнул, мне показалось, что из меня что-то безвозвратно ушло.

Глава 17 (воскресенье)

Город. Библиотека.

Я думал, где бы встретится с друзьями. Из защитной программы я узнал, где они. Хотелось найти негромкое место. В размышлениях я сел в транспортник, он шёл до Парнаса. Маршрут проходил через музей книги. Это было хороший вариант. Конечно, это больше походило на библиотеку. Много стеллажей, старые переплёты, запах бумаги. Любую книгу можно взять и почитать, но только там, на месте. Работников не было, только охрана следила за всем через видеокамеры. Не считая долгом больше думать над местом встречи, я позвал их туда. Сообщением, так как говорить пока был не в силах. Те откликнулись и согласились.

Я сошел на нужной остановке и прошёлся по аллее к этому небольшому двухэтажному дому. Через высокие окна виднелись бесчисленные сплочённые ряды книжной братии. Открыв всегда незапертую дверь, я прошел в небольшой коридор, где был маленький гардероб. Я оставил сушиться на вешалке куртку и, неуклюже поправляя рюкзак, направился внутрь. По пути там был кофейный аппарат, но я налил себе только воды, кофе не хотелось. Я сел за круглый стол,

на котором кто-то оставил несколько книг. Что-то историческое было там, но разглядывать я не стал. Здание само по себе обволакивало историей. Как-то ведь раньше пользовались книгами для работы, для учёбы. Для настроения, наконец. И размышлений. Мировая художественная литература служила и служит этому. Книги и сейчас пишутся и издаются, просто уже давно никто не печатает это тысячными тиражами. Электронные чернила всевозможных визоров, от карманника до три-дэ проектора, заменили создание этих бумажных предшественников.

Прошло сколько-то времени. Из прихожей я услышал знакомые голоса, Градский что-то внушительно объяснял Бертычу. Оставив вещи у стула, я вышел к ним навстречу с недопитым стаканчиком. Они подошли ко мне, поприветствовали и, стряхивая мокрый снег, стали снимать свои плащи. Я ещё не совсем вступил с ними в беседу, но почувствовал нечто знакомое в их голосах. Весёлости знакомой не было, понял я несколько секунд позже.

Нужно было уединиться. Градский сказал, что здесь есть конфиденциальные столики. Что это такое я не смог себе представить и поверил на слово. Мы пошли за ним куда-то вглубь здания, в лабиринт книжных стеллажей. Шли молча, здесь итак разговаривать подолгу было не принято, а сейчас вообще не очень хотелось говорить лишнее. Градский зна-

ком указал нам, что пришли, и мы остановились перед какими-то мутными стеклами.

Конфиденциальным столиком оказалось отгороженное от других таких же столов двумя нетолстыми стенами пространство, ещё одна сторона которого выходила окном на улицу и последняя была из матового стеклопластика с раздвижной полупрозрачной дверью. Конечно, от громких звуков такая шумоизоляция не спасала, но обычный разговор могла и утаить, оставив наблюдающему из музея только неясные силуэты. Они оба взяли себе по стаканчику кофе, мы уселись и я оказался напротив них. Мы закрыли за собой дверь. Настал момент, тяжелее которого я в жизни не испытывал.

– Послушай, Бит, дело оказалось куда серьёзней, – сразу взял слово Градский, – Бертыч, можно я сначала скажу? Даже не знаю с чего начать. Вообще, дело вот в чём. Нет, знаешь, ты меня сначала прости. Прости за то, что я тебе должен сказать. Я, как друг, тебе такое говорить не должен, но если дружба наша чего-то стоит, то ты всё поймёшь.

Бертыч смотрел на него изподлобья, хмурые брови были сомкнуты. Он был не брит, что было на него не похоже. То и дело его рука сжималась в кулак, отчего по оголенному предплечью пробегал рельеф мышц. На скуле очень резко была

прочерчена единственная молодая морщина.

– Да, так вот, – перехватив его взгляд, продолжил Градский, – суть положения такова. Как ты знаешь, я член совета по художественной культуре гуманитарного института. За последние пять лет была проделана большая работа по организации участия в художественном турне “Межпланетный свет”. Эту работу делал не один я: художники, которые писали и представляли нам картины на наших вернисажах, сами организаторы этих мероприятий, люди из поддержки художественных мастерских и мы, те, кто доказывал земным комиссиям, что тоже имеем право выставляться на других планетах. Все мы участвовали в большой программе по созданию условий для работы и дальнейшему отбору картин для этого турне. Художники иногда, я знаю, ночи проводили в студиях, лишь бы создать что-либо достойное от лица нашей Синеи. Конечно, творили от души, никто никого не заставлял и специально не заманивал. Но самое главное для этих людей, а я с ними со многими знаком, узнать мнение из других миров о том, что они написали. Не столько их манит престиж такого мероприятия, сколько очень серьёзная оценка собственного творчества. Не всех, но в основном. Некоторые и здесь уже знаменитости. Но для них это не предел. Они хотят знать о себе больше. Одним словом, ни художников, ни своих коллег организаторов я не могу подвести. Я не могу подвести такое огромное количество народа. А теперь, соб-

ственно, суть: мне не пришлось искать встречи с Эдисоном, он сам пришёл ко мне сегодня на кафедру. Он вежливо отдал мне конверт и быстро ушёл, сославшись на занятость. В конверте была распечатанная копия конторского договорного бланка с пунктами по принятию решения нашего участия в этом конкурсе в этом году. С открытой графой о переносе на следующий. Он связан с Контролём, понимаешь, Бит. Он зарежет, не моргнув, все усилия за последние полтора года. Слать картины через космос, ты представляешь, как это дорого? Нам никто просто так разрешения на это не даст. Всё, о чём мы с ними договаривались, сводили сметы, подгадывали сроки – всё пропадёт. Им же всё равно, что в этот год, что в следующий. А что сказать художникам? Ведь мы вышли по договорённостям на предварительный уровень. Мы ждём финального одобрения после зимы. Всё для этого есть и даже конторские пошли слегка навстречу. И я знаю с заседаний совета, что в этой графе прочерк, а не открытая дата. Бит, нам надо искать другой путь. Я не могу тебе помочь с этим. Ты уж прости меня, если можешь. Но я, правда, не могу.

Я смотрел на него и понимал, что произошедшее ночью он не знает. Они оба ничего не знают. Что я сам их предаю, не рассказывая сразу, сию секунду, то, что должен. И он ещё у меня просит прощения. Всё должно было быть наоборот.

– Ты пойми, другой путь – он ведь есть. Переведут тебя

админом, куда-нибудь ещё, не выгонят же. Ты же можешь и программером, да не мне тебе рассказывать. Ты в этом всё понимаешь лучше всяких и уж точно лучше нас. Если с местом будут проблемы, вот тут да – я костими лягу, но работу тебе найду. И вообще, кто говорит, что мы сдались, может просто выждать надо. Выполнить, так сказать, уклонный манёвр. Как в дзю-до – ветка наклоняется, прежде чем стряхнуть снег. Это вот, Бертыч, лучше знает. Тут ведь какая штука?

Но он не доворил. Он перевёл взгляд на Бертыча, а тот смотрел на него ровным тяжёлым взглядом, который словно бы подавлял любое желание говорить. Градский, пока рассказывал мне про художников, слегка привстал и наклонился в мою сторону. Сейчас же, после того как осёкся, заново сел на стул и приоткинулся на спинку. Он придвинул стаканчик с кофе, но пить не стал. Повисла небольшая пауза. Казалось, вот он момент, когда я могу отодвинуть в сторону то, что они хотят мне сказать. Наш друг при смерти, о чём сейчас можно ещё говорить? Почему мне так трудно сказать, что я виноват? Я опять медлю. А между тем, Бертыч поправляя от невидимого неудобства воротник, с осторожностью, которая еле сдерживала что-то в нём, обернулся ко мне. Я понял, что сейчас говорить ему что-то было не к месту. Любые слова его не обидят и не заденут, не тронут и может даже не будут услышаны. Внешне могло показаться, что всем

своим видом он говорит, что ваше время рассуждать вышло, теперь, что бы вы не хотели сказать, говорить буду я и точка. Но зная нашего Бертыча близко, я видел и знал одно, отчего-то ему было очень больно и именно поэтому появилась вся эта замедленность и тяжесть. Сейчас ему никак нельзя было мешать.

– Он правильно говорит, – в этих словах он как бы отстранился от нас обоих, – нужен другой путь. Точнее, у нас прежнего просто нет. Бит, надо отступать. Если мы, или скорее ты, сейчас не отступишь, я боюсь, сесть за такой вот стол, где будете вы, я не смогу. Не думай, пожалуйста, что это угроза. Мы ведь не первый год знакомы, ты должен это понимать. Я... – было видно, что ему не хватает слов, но он это преодолел, – В общем, Бит, слушай, я скажу, как есть. Если мы пойдём до конца, то Милене завалят защиту. Дай мне всё объяснить. Я тоже получил конверт, но приклеенным на дверь. На нём было моё имя, а внутри список фамилий. На официальной форме её химического отделения. Люди под этими фамилиями – это члены комиссии приёма научной работы. Вообще, это не секрет, что они будут принимать её работу, но всё же такие списки на дверь скотчем не клеят. Я сначала даже не понял, зачем там моё имя на конверте. Вообще, какое отношение документ имеет ко мне и кто, собственно, все эти персоны? Я что-то смутное заподозрил и, ничего ей не сказав, порылся в сети. Все фамилии сошлись лишь в при-

ёмной комиссии.

Он остановился, чтобы перевести дух, слова ему давались с трудом. Он, вообще, являлся больше человеком дела, чем слов. Это Градский у нас эстет, а Бертыч был прикладным механиком. Чувства и мысли, он лучше передавал через дело, особенно если дело требовало непосредственного прикосновения рук. Так что в этом отношении, он был в своей профессии и спорте, что называется, от Бога. И если Бог решил подарить ему и душу, то именно поэтому он встретил Милену. Этот здоровый, широкоплечий молодой человек, которому из-за вида иногда не хотелось перечить, становился при ней чуть ли не ребенком, готовый, не смотря на сниженный возраст, носить её на руках.

– Ты ведь понимаешь, что я не трус. Я не боюсь неудач. И даже она не трусит, хотя ей порой очень трудно. Но эта защита уже третья по счёту. Я не боюсь её проигрыша, хотя бесспорно она за это очень волнуется. Но я хочу, чтобы на этой защите всё было честно. Я знаю, что третья несдача может сломать её. Но если я буду хоть немного виноват в этом, я не смогу склеить её обратно. Если из-за меня, из-за того, что я что-то вовремя не успел, что-то не сказал или не сделал, это произойдёт, я буду винить себя и я уже не смогу гарантировать самому себе, что смогу помочь ей пережить это. Бит, она держится из последних сил. Она старается, прикла-

дывает массу усилий, много советуется, она всё делает правильно, как многие и многие, кто здесь учится и работает, кому неинтересно просто работать на должности. У неё, может, идёт не всё удачно, из-за неё же самой, но она не сдаётся. И если я ей в этом помешаю, я думаю, она всё бросит. Из-за меня бросит. Не потому что помешаю именно я, а потому что не захочет помешать мне, раз всё так складывается. Бит, для меня это – всё, это – край. За этим краем буду уже не я. Будет, кто-то другой, кого вы не знаете. Кого не знаю я сам. Уже сейчас этот кто-то прощупывает меня изнутри на прочность. Но я всё ещё ваш. Пока ещё ваш. Такие вот, брат, дела!

Что мне тут оставалось говорить? Я отпил воды, последняя преграда до неотложного события. Друзья, мои друзья, я понял, что вы мне помочь ничем не можете, хотя любая помощь была бы мне сейчас, ой как, нужна. И, кстати, оказывается, что никого другого-то в помощь нет. Я вот только сейчас понимаю, что из огромного количества знакомых и людей, которых я также называю друзьями, мне ведь до самой глубины будет больно, если только я потеряю вас. Вы ведь ещё пока не понимаете, что именно это и может сейчас произойти.

Бертыч, ты боишься за Милену, ты холишь её и лелеешь, снимая каждый лишний волосок с плеча её пальто. Она те-

бе очень дорога, и может быть, что и дороже нас. Ну, или хотя бы меня. Это, конечно, неправильно, так сравнивать, но я говорю лишь о том, что осудишь ты меня при всех равных обстоятельствах раньше, чем её. У меня в сравнении с ней намного меньше шансов остаться тебе другом при возникших неприятных обстоятельствах. Так что бояться тебе совершенно не зачем. Я, конечно, оставлю вас в стороне от этого дела. Возможно, это произойдёт и без моего влияния. Повернётесь вы спиной и будете правы. Ничто не может стоить из мира достижения рангов, власти, влияния или владения каким-либо предметом хоть одной настоящей живой человеческой жизни. Я ценю вас за то, что вы это понимаете и бережёте это также во мне.

Градский, да, конечно, жизнь общества целой планеты, а именно о планетарном масштабе ты говоришь, не может перевесить жизнь какого-то программиста, у которого и достижений-то никаких нет. Да, что может быть важней в этом плане для Синеи. Мы – колониальная деревня. Которая работает на промышленность. Откуда тут могут найтись люди, думающие о прекрасном? Так о нас думают там, на Земле. Или ещё где, где планета освоены полностью и проблемы жизни населения решены. Нам ведь негласно говорят, вы хоть со своим миром разберитесь, сделайте, чтоб хоть персонал в джунглях не гиб. А уж потом беритесь за перо или кисть. Что из прекрасного вы можете дать, если вы

прекрасное и не видели? Они, конечно, не правы. Раз из-за этого брезгают подать руку. Стремление к прекрасному не обусловлено прекрасной жизнью. Это же ведь всегда в душе, а открытая душа границ материального мира не видит. Она парит и ей в сущности всё равно, что Земля, что Синея, что Прекрасный Альтеон. Не всегда быт определяет сознание или не во всё. Есть ещё мы, те мы внутри нас, кто наделён волей. Волей видеть это прекрасное, хотя бы видеть. Не останься равнодушным к прекрасному сейчас и через несколько десятков лет, оно так расцветёт в твоей душе, что отобразится и в мире сущном. Картиной, сонетом или просто хорошим поступком. Той же самой душе это принципиально неважно. Она просто захочет хоть немного гармонии с тем миром, с которым не соприкасается, но всегда чувствует его влияние. Что же ты думаешь, Град, буду я стоять на пути этому? Я был бы очень плохого мнения о себе, если бы это было так. И ты, кстати, был бы такого же. Так что прав ты, что остаёшься на стороне прекрасного. Что место?! Мою профессию ведь никто не отнимет.

Вы приличные хорошие люди, но сможете ли вы простить меня за то, что я в надежде выиграть это никому не нужное сражение выбрал путь – играть вашими жизнями, вместо того, чтобы рассказать всё честно и никем не рисковать.

Все эти рассуждения не были долгими, они были даже ко-

роче, чем этот необязательный глоток. Просто канцелярская игла вошла за этот миг по самую шляпку в сердце. Я еле поставил стаканчик на место и заговорил.

Глава 18 (воскресенье) Парнас

Я помню себя, когда вышел из библиотеки-музея. Помню, что пальцам было холодно придерживать рюкзак, нести который не хотелось. Помню небольшое количество снега на дороге, которое преодолевалось, как сугроб. Ничего не помню о том, как уличный тротуар сменился ступеньками Парнаса.

Я слегка очнулся только в вестибюле, когда увидел его праздничное преобразование. Настенная иллюминация, живая три-дэ графика, пущенная с мобильных проекторов, показ значимых событий планеты с моменты высадки. Большинство проходящих по холлу были в принаряженных костюмах. Улыбки на ходу раздавались почти всем. Тут и там смех от, казалось бы, по виду серьезных людей. Все о чём-то приветливо шушукаются. В руках нет портфелей и планшетов. Было ощущение, что университет к работе не вернётся никогда.

Там я совершенно случайно встретил Веслава. Тот был навеселе. Он махал передо мной бокалом, ежесекундно поправлял очки и смеялся надо всем подряд.

– Ну, ты, Бит, даешь! Откуда такой вид? Брюки за лэпом протирал, а рубашкой заодно визор протёр? Ха-ха-ха! Да у нас там, на шахте даже роботы при галстуках остались! Ха-ха-ха! Фуршет себе устроят, а потом будут впечатлениями делиться! Гы! Кто больше боится Краба! Ха-ха, ой, сейчас сдохну!

Он держался, чуть скрючившись, за бок, был чуть пьян, но счастлив. Я его таким никогда не видел. Я не мог себе представить, чтобы Веслав, всегда такой сосредоточенный и серьезный, за что был прозван сокурсниками Линзой, не то чтобы притронулся к шампанскому, а ещё и слегка перебрал. Я его, кроме как с кофе, никогда в жизни не видел. Даже по таким вот праздникам.

Это потом он мне, всё также сбиваясь на шутки, рассказал, что его пригласили в проект по работе над одной программой для карманников, и он оставляет и шахты, и Краба. Что Краб? А что Краб? Вот он Краб истории загибает молодым кителям для красного словца и для того, чтобы найти мне замену. Кому словцо понравится, того и пригласит, иначе никак – не сработаются. Потом подойдёшь? Да, давай. Я до банкетного стола сам дойду, что за вопросы!

Он ушёл немного нестройно и до банкетного стола и вправду не дошёл. Он зацепился с какой-то компашей, и по-

что сразу понёсся его смех вперемешку со смехом остальных. На первом курсе у меня также получалось. Другими были почти все. Я впервые ощутил, что это время теперь воспринимаю, как прошлое. Что-то поменялось?

Банкет начинался всегда в определённое время, ближе к вечеру. Оставалось около часа до начала, а мне ещё нужно было встретиться с Альбиной. В таком виде я явно не мог к ней явиться. Я двинул к себе на этаж. Может пропуск мой ещё работает, и я смогу добраться до лаборатории. Это было бы очень не плохо.

Лифт отвёз меня наверх, через его стекло было видно, как уменьшается, отдаляясь, праздничная обстановка. И когда дверь открылась, то в коридорах оказалось всё, как всегда. Сюда праздник обычно не добирался. Высшие сферы Парнаса, наверно больше в архитектурном отношении, праздник не интересовали. Здесь продолжали ходить люди с сумками через плечо, из которых торчали какие-то бумажки или край ноутбука. Правда, сегодня они были редки и, чувствовалось, куда-то торопились. Это было, как прежде. Прежде?! Я ещё раз удивился, как прошла по мне граница, которая поделила время на прошлое и настоящее. А ведь её раньше не было.

Я нашёл свою дверь, замок ещё работал. С каким-то новым усилием дверь поддалась при открытии. Нехотя зайдя

внутри, я приостановился и оперся спиной об неё. Рюкзак сам сполз с плеча. Я ещё раз взглянул на часы, больше медлить было нельзя. Мысли текли вязко и взбадриваться уже не хотелось. Нужно было преодолеть последний значимый порог этого дня.

Я стянул с себя куртку, а потом и остальную одежду выше пояса. Брюки выглядели прилично, так что на них я далее внимания не обращал. Я гладко, но наскоро побрился у раковины. На руки пролил одеколону побольше, чтобы посильней схватило за щёки. Я нарочно подольше подержал глаза закрытыми. Ну, всё, всё. Пора идти. У меня оставалась ещё одна чистая рубашка в гардеробе. Пиджака и галстука не было. И так сойдёт. Я засунул карманник в брюки и выдвинулся в коридор, не надев даже кителя.

Я подошёл к лифту, слабо смотря по сторонам. Интересно, все те, кто тут ещё слоняется, тоже окажутся на банкете? Не все, наверно, кто-то останется делать какие-нибудь тесты. Кто-то по-свойски встретит этот праздник, запершись в кабинете с компанией. А кто-то запрётся, чтобы побыть внутри праздника, у которого толпа народа внизу, но и отдельно от этого шума, лучше с кем-нибудь наедине. И если окажется с правильной стороны здания, то увидит и салют. И для кого-то это будет замечательный вечер. О таких вечерах иногда слышно, но так вот сразу и не вспомнишь от кого. Это

так сильно не распространяется, видимо от того, что люди хотят уберечь такой вечер для себя. И правильно, я и сам бы с удовольствием провёл бы и уберёг такой вечер. Лифт пришёл, со мной кто-то сзади тоже в него шагнул.

Когда я обернулся, человек, стоявший передо мной, смотрел мне прямо в глаза, этически совершенно безбоязненно. На нём был очень приличный, без единой складки костюм. Свежая рубашка, ненавязчивый приятный парфюмный запах, галстук в тон и блестящий новизной ранговский значок. Немного резко очерченное чистое лицо этого человека светилось молодцеватостью, в глазах играла весёлость. Фигура была спортивной и казалась пружинистой. Руки он держал в карманах брюк, плечи оставались расправлены. В общем, Пол Строуг Младший, профессор второй категории, заведующий кафедры связи выглядел вполне респектабельно для своих лет, положения и создавшейся обстановки.

Он представился быстрее чем, я смог опомниться. Сказал, что вряд ли я пожму ему руку, но всё равно протянул её. Это всегда неудобный момент, когда надо жать руку из приличия тому, кому этого делать не стоит. Хочется для самого себя с достоинством остаться человеком. Признаться, я не был в ситуации, когда руку жать не хотелось. Он увидел, что я замешкался, убрал ладонь, но почему-то улыбнулся. Можно ли считать такое поведение достойным? Мы до нижнего этажа

доехали молча, моя рубашка, который раз взмокла на спине.

Внизу он пригласил меня присесть с ним. По сторонам зала были небольшие возвышения, обычно люди привилегированные сидели там за отдельными столиками. В середине же зала извилистой лентой был установлен центральный банкетный стол для фуршета. Около него и поодаль тоже были стулья, но молодой профессор жестом предложил подняться на пару ступенек и сесть за небольшой стол на двоих.

Никогда не замечал, что на банкете есть официанты, но знал, что обычно, это были молодые люди из числа студентов-добровольцев, которые пусть и за некую плату, но всё-таки сами взялись за такую работу для этой церемонии. Я мог, взяв клюквенный коктейль, поболтать, смеясь, с таким вот рекрутом, если он оказывался знакомым. Не замечал их, как официантов вообще, потому что не относился к ним, как обслуге. Но когда мы сели за стол, очень быстро, без лишних слов и жестов на столе появилось всё необходимое. Меня это удивило. Эдисон же смачно пригубил из фужера со льдом и заговорил, почти сразу перейдя к делу.

– Ну, здравствуйте, администратор. Или лучше, – тут он назвал меня по имени, – Нет? Верно, вы предпочитаете Битвайзер. Ну, так вот, Битвайзер. Вы, конечно, предполагаете, о чём я с вами хочу поговорить. Но предлагаю не торопить

события. У меня хорошее настроение и я чуть подробнее на вас хотел бы остановиться. Вы ведь не торопитесь? Мне, кажется, что от нашей встречи вы не спешите уйти. Хотя уйти, наверно, хочется. Вы показались мне интересной личностью. Предлагаю остаться. Пока по-хорошему. Итак, согласны, вот и чудно!

Тут он ещё раз сделал приличный глоток и закусил маленьким бутербродом. Подняв глаза немного кверху, он выглядел одновременно так, будто хотел получше распробовать то, что съел, и в то же время, как будто обдумывал, что сказать. Хотя слова в мой адрес, наверняка, были уже давно составлены. И даже уже смогли немного припылиться.

– Да, вы оказались изворотливым прохвостом, администратор Битвайзер. Которых бы гнать отсюда надо, но кто же тогда будет делать всю грязную и скучную работу? Эх! И ничего не попишешь! И ведь что бы мы, нормальные учёные, без вас делали?! Сами сидели бы зарывшись с носом в лаборантских? Нет. Тот, кто двигает науку, должен иметь возможность свободно размышлять, а не проделывать десятки и сотни тестов для установления истины. Время нужно расходовать эффективно! Если такие, как вы, всё равно ничего не ищите в науке, так хоть поработайте на неё. Тогда, может, и заслужите хоть немного уважения у коллег. Хотя до коллег вам, конечно, невозможно далеко.

Он упёр указательный палец себе в лацкан пиджака.

– Меня вот всегда влекла наука связи. Куда мы без связи в нашем веке? Связь теперь основа общества. Ни личная свобода, ни средства хай-тек и ни даже космические достижения не являются его основой. Что мы будем делать в космосе со всеми нашими средствами свободные и гордые от этой свободы? Да мы там передохнем со скуки! Другое дело, когда есть средства коммуникации. Тогда создается ощущение, что мы там не одни, хотя если брать глобально – это так. Может пока. Держа связь с базой, пилот выполняет задачу более уверенно, чем если один. И этот закон работает везде. И как работает! Как часы! Хотя нет, часы хуже. Все мы боимся одиночества и связь, ох как, нужна. Ну, куда вы без нас? (Тут он подмигнул) Космос без кремния?.. Космос без связи ничто, а не без кремния. Кремний – всего лишь материал. И мы тут бьёмся за неё, за связь нашу, а не играем, как вы, в игрушки.

Поставив локти на стол, он сцепил руки.

– Но бывает и нам учёным не везёт, а везёт вам, бездельникам. Бьёшься, к примеру, над синхронизацией коллекторных тринисторов, хотя вот ты даже не представляешь – что это, но это не важно, и просвета не видишь. Всё заходит в

тупик. А жизнь не ждёт. Жизнь всегда не ждёт. Уже всё лаборанты выжаты досуха, а результата нет. Но тут на помощь приходят такие дурачки, как ты. Кто ничего не понимает, а у него получается. Ты же ведь сам не понял, что написал там у себя между кофе и кафешным трёпом. Я полгода бьюсь впустую над задачей, тридцать лаборантских компов работают безрезультатно, в режиме радиаторов, отдавая лишь тепло, лабруководство уже два раза просеяно и полностью поменяно. И тут непонятно что из внешней сети заставляет работать ненадолго всё, как надо, но никто ничего объяснить не может. Что это? Наваждение? Нет. Результаты прописаны в лог и задокументированы. Случайность? У нас нет такого слова. Кто-нибудь может повторить? Не может. За что руководство меняется ещё раз. Тогда приходится делать всё самому. Раз внешняя сеть – подключаем сетевых спецов, естественно на поводке. Чтобы не рвали лишнего. Ох, и жадный вы, прогеры, народ до информации. Что не дадут, всё тащат. Вы бы хоть иногда задумывались, зачем вам весь этот океан терабайтов? Хотя у вас и океан-то мало кто знает, что такое. Так вот. Месяца через три имеем такую картину. Старший администратор Парнаса чуть ли не в открытую занимается целевым использованием сети. Чуть ли не всё здание на него пашет, и это он ещё не подключился к центральному процессору. Об этом позже. И для чего? Ладно бы нашёл какую-нибудь стоящую идею или разрабатывал исследование. Да, просто работал бы сверхурочно на науку, если своих идей нет.

Но не тут-то было. Он собирается со своими друзьями-тунелядцами, такими же как он, ржёт до одури, хлещет кофеин в три горла и спит, не выходя из лаборатории. Да, у меня студенты воспитанней. Хоть бы девок клеили, и то понятней было бы ваше поведение.

Ему разговор явно приносил удовольствие. Но тут он сделал паузу. Он безапелляционно поблуждал по мне взглядом. Потом отставил бокал и придвинул к себе белую сервизную чашку, от которой шёл аромат капучино. Он отпил из неё и, зацепившись за какую-то стороннюю мысль, немного отстранился от происходящего. По его лицу было видно, что он не здесь. Мне показалось, что то, над чем он задумался, не связано с нашей беседой. Он не ждал от меня слов, скорее наоборот, предпочёл бы, чтобы его не сбивали в такой момент. Я, как раз, этого делать и не собирался. Но медленно вернул чашку в блюдце и продолжил.

– Я не знаю, что вы там делаете в своих компах. Но, как оказалось, это и не важно. То, что нам нужно, твои компьютеры делали сами, без тебя, когда ты шлялся неизвестно где. Программа, от которой вы прётесь до утра, не вынимая соломинки из коктейля, работает на науку. А ты в это время просаживаешь по полторы тысячи выстрелов за луковую тренировку и в ус не дуешь. Да, если бы ты понимал, что это за прорыв, ты бы локти стёр до ушей за тестами. Это же – здрав-

ствуй, Земля, и прощай, помойка! Да, куда тебе понять. У вас мечты дальше этого гранитного болота не распространяются, – я думал, он остановится, но был не прав.

– Итак, – он слегка воспрял, – мне нужно найти алгоритм синхронизации. Мне нужно повторить нужные мне результаты и подвести их под научную базу. Ты понимаешь, о чём я? По взгляду вижу, что да. Так вот. Твоя голова, понятно, что пустая, мне в этом не нужна. Мне нужны коды доступа ко всему в лаборатории и твоё полное отсутствие там. Друзья, наверно, объяснили тебе, что занимаюсь я делом серьёзно и шуток не понимаю. И вот теперь собственно к твоему делу! – он мне подмигнул.

– Вон видишь начальница твоя. Пытается изобразить руководителя. Знаешь, кто рядом с ней? Профессор, хоть и молодой. Из около конторских. Видишь, как бокалами чокаются и улыбаются. А какое платье?! Загляденье. Я прекрасно понимаю этого профессора. И глядя на него, понимаю и её. А уж зная о его деятельности и связях, и подавно. А вот, глядя на тебя, вообще, не особенно, что понятно. Хранишь фотографию с ней на таком же банкете, правда, трёхлетней давности, отдельно от других. Работаешь по первому зову сверхурочно. Отдел твой у неё в фаворитах. Живёшь в её тени. Хотя с другой стороны, всё правильно – не мешай умной женщине делать карьеру, – он посмотрел мне некоторое

время в глаза с неживым интересом. Потом слегка откинулся на спинку стула.

– Ну и теперь самое главное – твои действия. Ты мне сейчас же отдаешь карманник, твой личный мусор нам не нужен, но коды, я знаю, там. Мои спецы их вытряхивают. В этом случае, ты сам пишешь увольнительную, с объяснениями или без, в отношении твоих ночных приключений. И если нет, мы эту красавицу отзываем с этого никому ненужного метания бисера и сразу же, я тебе это подчеркиваю, чтобы ты понял, начинаем процедуру разбора полётов всего вашего отдела. В этом случае, с твоей головой полетит ещё и её. Точно также без права возврата. Правда, тогда будет труднее полностью перекрыть тебе доступ в лабораторию. Какое-то время. Но за каждую нашу задержку платить будет она. Ты там прикинь у себя в голове, если есть чем, куда что приведёт. Но ответ мне нужен сейчас. Так-то!

Я вытащил карманник. Я попросил две минуты на раздумья. Смотреть при этом приходилось только в глаза Эдисону, я не хотел при нём оглядываться на Альбину. Когда это время вышло, я положил карманник на стол, предварительно договорившись, что мне дадут ещё время, чтобы забрать сверху свои личные вещи.

Глава 19 () Космопорт.

Я сидел в длинном коридоре космопорта. Сидел напротив высокого пролётного окна на простом пластиковом кресле в стороне, у стенки, чтобы не мешать. Вокруг, не переставая, но и не суетно, всё что-то двигалось. Мимо меня прогрохотал портовый автомат с собранной тележной вереницей, направляясь, видимо, на место сбора. За ним шёл человек в местной форме, отмечая что-то в планшете. Из верхних карманов его тёмно-синей жилетки торчало много всяких мелких непонятных вещей: то ли ручки, то ли отвёртки. Манжеты голубой рубашки были закатаны почти по самый космопортовский логотип на плече. Он успел чему-то усмехнуться, пока был в поле моего зрения. Прошли две взрослые женщины в нестрогих костюмах. Они о чём-то быстро переговаривались. Лица были красивыми, но они не улыбались, беседа, видимо, была серьёзной. Они шли довольно быстро, кончик газового шарфа одной из них слегка развевался, также как и локоны другой. Но при всей спешке они не теряли своей интеллигентности. Может быть, они хотели бы пойти быстрее, но, по всей вероятности, это была предельная скорость для сохранения их женской грациозности. Прошла какая-то делегация. Потом школьная экскурсия. Кто торопился, кто нет, но все, было видно, были озабочены делами,

праздных лиц не наблюдалось. Я и сам здесь сидел по делу, да к тому же ждал человека.

За окном стояло позднее утро. Мокрый снег с ночного за-тишья вновь набирал обороты. Он дополнился мелко моро-сящей влагой, которая, казалось, просто висела в воздухе. Любить такую погоду вряд ли нашлось много людей. Безвет-ренно и неустанно сыпались тяжелые белые хлопья, которы-ми уже завалило все подъезды к очередному космическому лайнеру, ожидавшему взлёт. Было видно, как снегоубороч-ники сбиваются в программе, работая группой. Для диагно-стических дронов такая погода была испытанием на проч-ность. Облепленные снегом погрузчики работали беспере-станно. В данный момент в недра научного корабля уста-навливали оранжевые исследовательские автономные беспил-отники. Таких сотнями направляют, повиснув на орбите, к неизвестной планете, чтобы собрать о ней данные. некото-рые не возвращаются.

Прошедшая ночь хоть и не была наполнена адреналином, как предыдущая, но представлялась мне неясно. Она, по су-ти, недавно закончилась, но казалась отдалённым прошлым. Таким прошлым, про которое иногда сомневаются, а присут-ствовало ли оно на самом деле? Такое прошлое появляется в человеке, даже если о присутствии прошлого сомневаться не приходится. Происходит это тогда, когда он себя в нём не

помнит. Когда сознание отходит на такой далёкий план, что люди рядом часто трясут за плечо и фразы, обращенные к человеку, необходимо повторять неоднократно.

Я знаю, что должен был присутствовать там, в больнице, на почти таком же кресле. Что должен помнить лица друзей, помнить тягостное ожидание врачебного совещания после пост-операционной диагностики. Слова поддержки для Энжелы. Её глаза, когда доктора объясняли ей полученные результаты. У меня должны быть сотни эмоций и мыслей за всё это время. Но у меня была только память об этих событиях. Память почти даже без движения, как нарезанные фотографии, которые можно полистать.

И практически вся моя сознательная жизнь превратилась в такие слайды. Сознательной я её считаю с того момента, когда весь прежний полученный опыт стал использовать целенаправленно. До этого момента я не скажу, что моя жизнь была бессознательной и, как следствие, неинтересной, прежде всего мне самому. Нет, жизнь моя проходила не зря. Я учился, я пытался понять, что же происходит вокруг меня. Как связаны события и люди в этих событиях. Как это влияет на меня, и какой вклад могу я сам сделать во всё это. Я искал своё место в жизни. Я искал себя. Родители говорили, что моя собственная жизнь без этого не начнётся.

Работа системного администратора, хоть и считалась почетной, но для меня самого не являлась достаточно созидательной. Были предложения из других мест программного характера, предложения об участии в проектах инфотехнологий, звали в развитие космических инноваций по виртуальному моделированию. Где-то я участвовал частично, где-то даже полностью, но из Парнаса не ушёл. У меня были на это причины. И хоть с местом к тому времени я ещё не определился, но мечта моя уже во мне жила.

Поначалу я ещё оставался просто для повышения квалификации, но это не могло длиться бесконечно. А кроме этого, я не был готов так просто расстаться с миром студенчества. Люди, коридоры, совещания, лекционные залы, защиты работ, кружки и группы, общежитие и “Оладья”. Бесконечное количество характеров, стремлений, надежд, труда и вдохновения, а также разгильдяйства, экзаменационных интриг, лени, отчислений и, как результат, непредсказуемые повороты судьбы. Всё это стало какой-то неотъемлемой частью меня. Я не до конца насладился этим, чтобы использовать профессию по выбранному назначению. Семья странным образом повлияла через мои желания на это общество и влила меня в него.

А случилось это так. Моя мысль о работе была довольно проста. “Космос без кремния, недостижим, наверное” – та-

кая ещё есть пословица. Только по-моему мнению, не наверно, а точно. Я хотел работать в области инфотехнологий для космоса или в космосе. Но работа в космосе всегда связана с риском для жизни. Не твоей, а прежде всего других людей. Это я знаю не понаслышке, а от родителей. Из наших семейных историй, среди которых я рос, было много таких, в которых чья-то судьба обрывалась при трагических обстоятельствах. И всегда за причиной этих обстоятельств стоял определённый человек, даже за технической неполадкой. Поэтому там ответственность за работу приравнивалась к человеческой жизни. Далекое не все могут так отвечать за то, что делают. Но я чувствовал, что способен на это. Ещё я думал, что работу такой ответственности всё равно кто-то делает. Мне казалось, что при правильной направленности я бы мог с такой работой справиться. Там мне казалось, моё место. Только приложением сил я выбрал не физику и биологию, а программирование.

Поставив меня на ноги, родители перестали попеременно уходить в космические рейсы и ушли, наконец, вместе. Как это изначально в их жизни было, и как давно они этого хотели. Почему-то работать бок о бок им доставляет не меньшую радость, чем сама работа. Такое, это уже из моих познаний, встречается редко, но если это так, то почему за это не побороться? Они правильно меня воспитали, им не надо за меня переживать. Связь между нами есть, и они могут спо-

койно трудиться на орбитальном стационаре, изредка меняя планеты. Космических исследований на их век точно хватит. Это я ещё не упоминаю деда.

Так вот, я считал, что недостаточно готов для серьёзных проектов, результатом которых будут использоваться люди и от этого результата будет зависеть их жизнь. Я понимал, что этот путь непрост, и что нужно отдать необходимое для подготовки время и с ним силы. Хотелось набраться опыта. Мне показалось, что Парнас лучшее место для такой цели, и я остался здесь простым администратором, но с хорошим запасом свободного времени и неограниченным участием в большом количестве развивающихся технических инноваций. Я мог, попробовав многое, и ещё более конкретно определить себя. Поэтому я остался не только из-за любимого Парнаса, я остался узнать свою степень ответственности за людей.

Так я полюбил то, где я есть и чем занимаюсь. Но теперь после моего ухода понятно, что с космосом моя профессиональная жизнь уже не свяжется. С теперешней репутацией мириады звезд мне светить не будут. Такое нецелевое использование техники мне уже никто не простит. Никто больше не поверит, что мне можно доверить технику, а с ней и чью-то жизнь. А сам я что думаю?

Кроме мечты о профессии, существовало много других. Они также требовали время на осмысление, на осуществление или на проверку их необходимости. Мы собирались по пятницам и обсуждали то, что хотелось, из-за чего колотилось сердце, что не давало спать. Если приличия не позволяли говорить о предмете мечтаний, то об этом говорилось косвенно. Писались стихи, выдумывались истории, рисовались карикатуры и шаржи – всё всегда было весело и непринуждённо. Всё, что обрывалось на полуслове, оставлялось в прошлом и возвращалось только по воле инициатора. За вечер изводилась куча бумаги. Однажды, кто-то принёс перо и чернила ради смеха, мы перепачкали ими всё, что могли, в том числе и себя. Отмывались неделю. Так появилось название наших посиделок – замарать белое перо. Позже название перетекло в группу.

Я решил расширить возможности для мечтаний. В свободное время был построен Кристалл-Сити. Поначалу он был небольшим и предназначался для тестирования одного приложения. Но посыпалось столько идей и мыслей, что скоро его существование превратилось в необходимость, почти минувя стадию хобби. На это стало тратиться довольно большое количество времени, но мне было по пути, я оттачивал себя в виртуальном моделировании. Вскоре, мне уже была интересна только техническая сторона проекта, все сливки использования снимали остальные. Постепенно вырабо-

талась направленность – социальные эксперименты.

Конечно, мы осознавали грань между реальностью и цифровым миром, и никогда о ней не забывали. И имея доступ к такому количеству технологий космической тематики, где техника служит людям, можно было собрать нечто близкое и похожее на человека. Все эти автопилоты откорректированные психологами, поисковики данных, различающие речь и сортирующие то, что находят. Я уже не говорю про огромную пропасть игр, с героями и злодеями, с помощниками и антуражными личностями. Их программы уже давно соотнесены с настоящим человеком, игроком, который, не найдя схожести с ним самим, и играть-то не будет. И камень преткновения здесь получается такой – как программа себя ведёт с человеком. В игре должна вызывать эмоции, в кабине пилота должна способствовать правильному решению. Вообще, область инфосоциального поведения уже настолько продвинулась, что не всякий человек в чате отличит робота. Всем уже довольно ясно, что не всякий создаст такого неотличимого, но, исходя из опыта, могут многие, если имеют доступ к этой сфере. А она сильно не охраняется. И эту часть знаний в виде кодов, программ и системных библиотек часто используют, как накопленный опыт, даже не подозревая, что развивают её ещё больше, чем целенаправленный научный коллектив. Уже давно поведение робота не определяет одна программа, отсюда и возникла эта псевдосоциальная наука,

только приставку в слове заменили на «инфо». А мы? Мы не хотели экспериментов над обществом, мы хотели в нём жить. Мы хотели лишь поразмышлять над ним. Просто форма размышлений приняла такой вот хай-тек оттенок. Белое перо сменилось дигитальным.

В общем-то, идея о том, что необходимо построить виртуальное пространство для социального развития инфоличностей, нигде озвучена не была. Тем более пространство практически неподконтрольное. Что будет с этой идеей, рождённой нашей группой? Практически без сомнений думаю, что уйдёт под Эдисона. Не знаю, как он этим воспользуется и до чего дойдёт. Его, как я понял, тамошний социум не интересуется. Народ ему всегда нужен лишь, как инструмент. Что с этим будет дальше непонятно, но определённо ясно, что мы уже туда не попадём. Прощай, Кристальный Город! Похоже, что даже если и будет у нас возможность в тебя попасть, мы всё равно не придём. Слишком многое изменилось в нашем городе, там, где мы по-настоящему живём, а не являемся конструкторами. В нашей жизни. Так что, всё это придётся оставить. Навсегда и без сожалений.

Когда жизнь реальных людей начинает подвергаться опасности, надо всё бросать. Спасение техники, на мой взгляд, этого не стоит. Тем более людей настоящих. Хотя есть ли смысл тут их делить на стоящих и нет? Программный код,

пусть и реализует целый мир – всего лишь строчки на экране. Он не заполнит тебе душевной пустоты, которая исчезает за столом с друзьями. Он не избавит от одиночества, даже если им будет восхищаться уйма народа. Ты не поделишься с ним идеей или шуткой, он не умеет отвечать, а делиться хочется порой именно ради этого. Чтобы кто-то покритиковал или посмеялся. То, что я своих друзей поставил в неловкое положение ещё можно, сообщая, пережить. Можно что-то придумать, чтобы это положение изменить. Но почти оборвать жизнь, а точнее полностью заменить ту полноценность и устремлённость на неопределённое бессознательное существование, что по сути и есть – оборвать, это недопустимо никак. Я мог всё остановить, проиграть и обойтись без жертв. Я, конечно, на тот момент не знал, что придётся проиграть и что жертвы будут. Но предположить мог! Если я готов пойти на такой риск для друзей, на что я смогу пойти для успеха работы, которая будет связана с космосом? Что же для меня остальные люди, если друзья смотрят на то, что я сделал с сожалением? Где эта грань ответственности, которую я обязан чувствовать, раз выбрал себе такой путь? Не перешёл ли я её?

Сам-то я знаю истинную причину своего поведения. Что может заставить забыть о друзьях? О мечте? О самом себе? Этот приткный профессор оказался прав быстрее, чем от него этого можно было ожидать. Он прав – я больше, чем це-

ню, своё начальство. Альбина. Мне так не хотелось её подвести. Многие говорят, что она прекрасно делает свою работу. Многие видят, как прекрасно работает то, что она создаёт. Многие даже прекрасно знают, что с ними будет, если они без совета с ней влезут в её профессиональные дела. Я вот только ни разу не слышал, чтобы сказали, что она прекрасна сама по себе. Я и сам так не сказал ни разу. Много раз хотел, но не получилось ни одного. А мне бы вот хотелось, чтобы она это знала. Может она и знает. Но подтвердить ведь никогда не мешает. Всё это тоже теперь не важно. Я не смог себя проявить, я поставил всё, что она достигла на грань провала. Я не смог отвести в сторону нацеленные на неё неприятности. И теперь уже мне точно не стоит вставать на пути словам другого человека, словам, которые я так и не произнёс.

И смогут ли мои друзья, мои мечты простить меня за такой неоправданный выбор? Или может оправданный? И смогут ли понять, что-то об этом выборе? Это только со стороны кажется, что он есть, а ведь внутри у меня его нет. Там, в глубине, на самом дне, в самой сути твоего отношения к человеку, которого любишь, всё определено само собой помимо твоей воли. Очень опасно порой подходить к черте, где уже нет места для душевного манёвра, потому что выбор остаётся твой, а на жизнь он влияет уже чью-то. Если ты не трус, ответственность за выбор нести тебе, а не другому. Но бывает, что и ответственности мало. Нужно будет отдать все

силы и лишь надеяться, что этих сил хватит. И если не хватит, то всё равно не уйти в сторону, а побороться до конца.

Я не зря тогда попросил у Эдисона две минуты на раздумье. В эти две минуты мне пришлось ответить на вопрос: кому я в отношении Альбины больше доверяю себе или ему? Он говорит, что не тронет её, в случае моего добровольного ухода. И мне за это время необходимо было решить: верю ли я ему? А выбор у меня был такой. С одной стороны он, человек с амбициями, которые всегда только растут, умный и способный, но без устойчивых моральных границ, целеустремлённый, но цели его находятся даже не на нашей планете. Мне казалось, что даже если он получит то, что сейчас у меня просит, то это не спасёт в будущем Альбину от его растущих appetites. Он может и не сразу, но принципиально всё-таки возможно, разменяет её, как игральную карту, в своих играх. Тогда, когда сильно прижмёт или нужно будет прижать. И данные мне слова не будут иметь значения. С другой стороны – мой карманник. В нём одновременное нажатие двух боковых кнопок сроком в минуту отправит сообщение об авторизации. Адресат известен не будет. Сообщение пройдёт сервисным трафиком. Сообщение будет ответом на следующие слова:

“... И вот ты здесь. Раз уж нам удалось встретиться, я расскажу тебе о своём предложении. Этот человек не от-

ступится и, так или иначе, город будет его. Уже сейчас я вижу, что вы проиграете в сражении за нас. Давай забежим вперёд и предположим, что он здесь найдёт. Он найдёт здесь целый мир, в котором непонятно будет, что искать. Я могу всё ещё больше усложнить, чтобы он здесь завяз надолго. Вполне возможно, что нужно будет оставить для него то, что он ищет, а не стереть. Но ведь ты его знаешь, ему этого будет мало. В далёкой, а с его упорством может и не очень, перспективе мы будем работать только на него. Так вот моё предложение. Ты, уходя, переткнёшь независимую карту связи так, чтобы её не было видно. И дашь мне через неё свой доступ администратора любым способом, все подробности его использования я возьму на себя. Просто без твоего разрешения многие двери для меня закрыты, хоть я и знаю, что за ними. Дальше я, скопировав все персонажи, загружаюсь с ними на исследовательский беспилотный дрон. Здесь мы оставляем город с простым населением, с некоторыми результатами ваших экспериментов, так чтобы сразу, а может и вообще, невозможно было догадаться, что здесь было при вас. Пусть смотрят и копаются. А мы улетаем на борту лайнера в беспилотнике ближайшим рейсом в составе какой-нибудь экспедиции. Ты, конечно, обеспокоишься тем, что твоя программа может навредить людям, но ты знаешь мои базовые модули, ты знаешь, что это не так. Более того, сорвавшись со старта, мы не вернёмся на стационар или лайнер. Мы вообще больше не увидим людей.

Дрон в спящем режиме может сотнями лет дрейфовать в космосе. Найдя какую-нибудь планету, пусть и безжизненную, мы можем её исследовать. Я ведь спец по статистике. Имея в доступе научное оборудование, мы будем собирать данные. Переходя на планете от нового к новому. Для нас фактор времени не будет играть роли. Закончив с одной планетой, мы будем дрейфовать к другой. Сбор информации и анализ – нам большего и не надо. Тебе ли, как программисту, не знать. Таким образом, мы сможем отправиться в бесконечное путешествие. Мне кажется, для нас это будет лучшая альтернатива. Ваши личные данные я здесь, конечно, не оставляю, а некоторых персонажей после копирования сотру совсем. Технически такой план возможен, дрон обладает необходимым количеством памяти и вычислительными ресурсами. Оценку я сделал. Я дам тебе знать, если физически окажусь на космолайнере, и город будет оставлен, как я обещал. Я пришлю сообщение, которое обязательно узнаешь. Остаётся слово за тобой. А сейчас у тебя всего лишь девять минут, чтоб уйти...“

Помню в этой речи мне всё время резало слух это “мы”. “Мы улетаем”, “для нас”. Потом до меня дошло, что он многоличностная система. Персонажи, наделённые нашими придуманными или настоящими чертами, стали одновременно и его частью, и целым. Он не стал сводить всё в один код. Он дал каждому развиваться самостоятельно. Пусть да-

же они совсем не будут похожи. И более того, наоборот, он дал от себя возможность каждому из них делиться чем-то друг с другом. Как это выглядит у него в городе, даже не представляю. Интересно, это он тоже у нас в Парнасе подсмотрел? Но в любом случае, он предпочёл коллективный тип мышления, взяв на себя лишь роль связного с внешним миром. Коллективный тип инфомышления! Кто бы мог подумать, что если столкнуть двух роботов лбами, они смогут договориться. Боюсь ли я того, что эта программа сможет навредить человеку? Нет, все протоколы безопасности там соблюдены. Боюсь ли я того, что это программа навредит миру, Вселенной? Нет, она – часть Вселенной. Какая бы ни была. Положа руку на сердце, я могу спокойно отпустить этот исследовательский беспилотный модуль.

И если я доверюсь Гуру, а он творение моё, значит, доверюсь себе. И это в свою очередь значит, что у меня будет немного времени, чтобы подготовить Альбину для защиты от Эдисона. Её нужно просто кое в чём убедить и позволить всё свалить на меня и только. И самое главное, не спасать. Надо, чтобы мой уход в глазах остальных был справедливой мерой. С чем я, собственно, итак согласен. Ведь это и есть правда! И свой урон я считать не буду. Сейчас было самым важным, чтобы моё доверие к себе оправдалось.

Защищайте своих любимых сами, пока это возможно. Не

принимайте руки сильного! Даже в самом чистом и благом его намерении скрыто то, что не видно сразу. Скрыто то, что потом сломает всё то, хрупкое и ценное, что можно беречь всю жизнь. Сломает мучительно и может даже безвозвратно, не нарочно, но обязательно. Одна из сторон любви – ответственность за другого человека. Снимая с себя ответственность, вы отдаётесь в чужие руки, а там невозможно любить, так как любить вы должны сами.

Именно поэтому я жал две минуты кнопки карманника, чтобы наверняка отправить сообщение. Со стороны это выглядело без подозрений, с экраном я всё равно ничего не делал. Играя с тем, кто превосходит тебя по силам, множьте количество уловок. Никогда не предугадаете, какая пригодится! Правило, выработанное на общажных турнирах по вирусам.

Человек, которого я ждал, пришёл чуть позже, когда я стал уже потихоньку путаться в мыслях и ощущениях. Сомнения поедали меня. Но надо было держаться. Я предложил ему сесть и немного подождать. Мы оба всё равно никуда не торопились. Когда роботы закончили погрузку, тягачи стали готовить космолёт для транспортировки к точке старта. За окном был белый день и также мело.

Пришедший не мешал мне сидеть и, почти не отводя глаз,

смотреть в окно. Он открыл лэп и бесперерывно стучал по клавишам. Он был почти такой же, каким я его нашёл тогда на полу и при расставании прописал “последним романтиком”. Только поверх добавилась легкая куртка, совершенно непригодная для такой погоды. Он согласился встретиться со мной сразу и почти не слушал, поддакивая мне невпопад, что я ему говорил, что обещал и что предлагал сделать. Видимо, я был неожиданным проблеском среди отчаяния, которое его охватывало, и он, не особенно разбирая суть моего предложения. Надежда захлёб заполняла его. Я украдкой взглянул на него, по его подвижному лицу проходило столько мимики, что можно было почти угадать, о чём ему пишут. Сам же он печатал всегда с удивлённым выражением лица, будто получая от себя на заданный вопрос неожиданный ответ.

Мне пришло сообщение, но совсем не то, которое я ждал. Градский писал, что тоже покинул больницу и изменений пока нет. Мы условились, что будем делиться новостями через рассылку при каждом посещении. Если кто-то не может прийти, это ведь не делает его равнодушным. И о нём, как и о больном, тоже стоит позаботиться. Грин остался жив – это было главным. Его кома нас не пугала до состояния бездействия. Видимо, внутренне жила в нас надежда, и руки не опускались. И у врачей тоже. Постоянно что-то колдуя над ним, они были склонны к тому, что период комы закончит-

ся в обозримом будущем и переход на искусственный аналог будет относительно прост. Гарантий, конечно, стопроцентных никто не давал. Но вся целевая диагностика и ещё статистика этого заведения, говорили так. Ещё не было причин для полного отчаяния. Весы здоровья Грина склонялись к прогнозу медиков, а те, в свою очередь, к своей уверенности присоединяли всех нас.

Оставляя отношения с Энжелой в стороне от нас, Грин, конечно, не думал, что все тонкости знакомства лягут теперь на наши плечи. Что ту пропасть недоверия между настоящим миром и миром его личной жизни придётся преодолевать не ему, а нам. И теперь уже никто не спрашивает, кто и что хочет. Мы все оказались у двери его палаты. И всем нам предстояло эту пропасть преодолеть. Преодолеть неверие в успех его здоровья, страх за его будущие переживания. Мы должны были беречь его теперь вместе. Чем быстрее это мы могли бы понять, тем может больше шансов у него было на поправку. В этом всё не было никакой логики, но было просто необходимо всем, кто его знает, поверить в него.

Карманник пропищал ещё раз. Я не сразу взглянул на него. Есть ещё одно место, где ты можешь испытать себя, полностью отдавшись работе. Место, где от твоего труда зависит жизнь человека, и, соответственно, степень доверия к тебе должна быть очень высока. Где всё получается только

тогда, когда ты полностью выкладываешься, чтобы это доверие оправдать. Не только перед людьми, но и перед собой. Где творческий подход просто необходим, так как прагматический уже давно испытан и не принёс результатов. Место, где каждый день может принести разгадку, которая спасёт того, кто рядом, и этот же день для тебя самого может быть последним. Самый край жизни, за которым или смерть, или будущее.

Второе сообщение было тем, которое я ожидал. Ничего больше теперь ожидать не приходилось. Это было последнее, чего я хотел дожидаться. Это сообщение ставило точку для меня в этой истории. И, в общем-то, для всей нашей компании. С этой секунды время потечёт в другую сторону. Внешне это не будет сразу заметно. Но с этого момента, мгновения мы все уже не будем прежними. И если совсем честно, то я не могу представить, когда ещё группа “Белое перо” соберётся за столом. Прощайте друзья, университет, мечты о космосе. Странно, что первым, кому всё это надо будет объяснить – Станислав, который сидит рядом со мной и не совсем понимает, чего я тут столько времени ожидал.

– Ну, что? – я обратился к нему по имени, он слегка вздрогнул от этого, – Ты готов? Прости, что потратили твоё время, но мы его попробуем не упустить. Я же говорил, что помогу тебе. Значит, слушай ещё раз. Она летит на лесной

материк, ты хочешь лететь за ней. Тебя не берут, так как ты не сможешь пройти подготовку. Но желание ещё в силе? В силе, вижу. Так вот. В конце этого коридора приёмка новобранцев в Лес. Мы сейчас идём и записываемся командой из двух человек. Нам назначают курс подготовки. Мы проходим его вместе и летим вместе. Командой это сделать легче. Они будут меньше придираться, ведь отправляются двое, чтобы это в будущем для нас ни значило. Я немного почитал о тебе и твоих работах, я думаю, мы сможем работать вместе. Станислав, я вижу, что ты не боишься, но обратной дороги может и не быть. Это я не к тому, чтобы ты передумал. Хотя у тебя есть ещё время на это. Это я к тому, что выбор должен быть до конца твой. Ты должен решить это не потому, что я помогаю. Я не смогу тебе там ничего гарантировать, ты это итак знаешь. Ты должен решать это для своей жизни, которая может оказаться довольно короткой.

– Я готов, если вы об этом, – ответил он, вставая.

– Если мы команда, то никаких вы, – поправил я его.

– Как скажешь! – он улыбнулся.

После подачи заявлений, я отправлюсь к Альбине. Я объясню ей чего ждать, а что сделать сразу. Чего опасаться, а что точно ей не навредит. Как правильно представить все эти события, чтобы отдел не пострадал. Я дам ей все необходимые рекомендации и личные контакты. Но самое главное – это то, что виновный, то есть я, уходит на работу в лесные лабора-

тории. По законам этики Парнаса вина в этом случае почти не рассматривается. Что-то отметят в отчётах и постараются забыть, списав в архив. Никто не захочет в этом копаться, чтобы ненароком не запачкаться и не поехать за мной с вопросами. Нецелевое использование техники? Но ведь ничего не сломано! Это плохо отражалось на работе наших сетей? Нет, они стали работать только лучше! Если у вас есть сомнения, покупайте билет, летите к нему и спросите, что же он там делал. Скажите честно, не проще ли вам просто отформатировать его компьютер? Вот и я так думаю. И так далее, и так далее. Она будет в порядке, я уверен.

Обсуждая детали, мы направились вглубь коридора. Во мне задним планом, как бы осмысливая, кто-то читал то, что я последним увидел на экране карманника. Это было стихотворение со стены Грина. И кроме этого я думал, что снег всё ещё идёт.

From: cloGRv178.wallgreen\$pn.m

To: bitwiser

Я с повседневностью борюсь
И думаю порой,
Когда-нибудь я не вернусь,
Забыв свой путь домой.

Всё увеличу во сто крат,
И сокращусь в пути,
Всё обойду, но вот назад
Я не смогу прийти.

Переверну, что есть вверх дном,
Ответы чтоб понять,
Но то, что называлось “дом”
Придётся потерять.

Дошла до сердца я зерна,
Там суть белее дня -
Что повседневность есть всегда!
Но нет теперь меня...